

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ
Сетевой
научный журнал **И ПРАКТИКА**
№ 4 (12). 2025

Журнал ВАК
«Копирайт»

Журнал РГАИС
«Альманах»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ницевич В.Ф.</i> Правовая природа и основания введения западных санкций в отношении России	5 – 18
<i>Панченко В.Ю., Петручак Л.А.</i> Деформации правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте диалектики интересов	19 – 31
<i>Зырянов А.В.</i> Государство, право и научно-технический прогресс	32 – 45
<i>Сырых В.М.</i> О регуляторах в правовом регулировании	48 – 68
<i>Фролова Н.А.</i> Национальные интересы в условиях глобализации: вызовы и стратегии защиты	69 – 78
<i>Ромашов Р.А.</i> Империи (цивилизации) и региональные (национальные) государственно-правовые системы	79 – 91

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Сычева В.С.</i> Экономические механизмы обеспечения исполнения алиментных обязательств: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта	92 – 107
---	----------

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Юдин А.В.</i> Возбуждение апелляционного производства в системе стадий и этапов гражданского процесса	108 – 119
<i>Белов В.Е.</i> Гражданско-правовые механизмы обеспечения публичных интересов в инновационной экономике	120 – 136

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

<i>Тимофеев Ю.Ю., Дадашова Т.А.</i> Роль системы патентного права в активизации молодежного научного творчества	137 – 149
<i>Золотов Г.Б.</i> Применение лингвистических исследований при экспертизе обозначений, заявленных в качестве товарных знаков: совершенствование подходов	150 – 162
<i>Голубев Е.В.</i> Проблема нормативно-правового закрепления определения национализации в контексте права интеллектуальной собственности	163 – 172
<i>Масальцева А.И.</i> Проблемы правовой охраны авторских прав в отечественной индустрии моды	173 – 181

Петров Е.Н. О правовых режимах регулирования прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях санкций

182 – 197

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

<i>Волков А.Т., Жебит Е.В.</i> Состояние и проблемы государственной политики поддержки малого инновационного предпринимательства	198 – 213
<i>Соколов А.П.</i> Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития	214 – 224
<i>Смирнова В.Р.</i> Механизмы государственного управления сферой интеллектуальной собственности как объектом налогового стимулирования	225 – 235
<i>Воронов В.С., Викторов Е.И.</i> Модели платформенных экосистем государственной поддержки инновационного предпринимательства	236 – 254

Научная статья

УДК 330.1; 347

**Правовая природа и основания введения западных санкций
в отношении России**

Виктор Францевич Ницевич

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
общеобразовательных дисциплин, советник ректора

<https://orcid.org/0000-0002-1668-3067>

v.nicevich@rgiis.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сущность понятия «санкция», определяются признаки этого понятия, приводится сравнение значения этого слова в словарях, научных трудах и законодательстве РФ. Раскрывая правовую природу понятия «санкция», автор сопоставляет его с понятием «запрет», а также рассматривает как элемент нормы и средство воздействия.

В исследовании ставилась цель определить правовые основания применения санкций в международных и межгосударственных отношениях, выявить легальность применения санкций в отношении России.

Приводится анализ применения конкретных санкций к конкретным государствам, на основе которого делаются обобщения и выводы о нелегальности санкций, особенно в обход резолюций Организации объединенных наций.

Ключевые слова: санкция, односторонние санкции, многосторонние санкции, запрет, норма права, средство воздействия, международное право, правила международных организаций, реторсия, законность реторсии.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-Г3-2023).

Для цитирования: Ницевич В.Ф. Правовая природа и основания введения западных санкций в отношении России / В.Ф. Ницевич // ИР: теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Original article

The legal nature and grounds for the introduction of Western sanctions against Russia

Victor F. Nitsevich

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
 Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of General Education Disciplines, Advisor to the rector
<https://orcid.org/0000-0002-1668-3067>
 v.nicevich@rgiis.ru

Abstract. This article examines the concept of "sanction," defines its essential features, and compares its meanings in dictionaries, scholarly works, and Russian legislation.

In exploring the legal nature of the concept of "sanction," the study compares it with the concept of "prohibition," and examines it as both a normative element and a means of influence.

The study aimed to determine the legal basis for the application of sanctions in international and interstate relations and to elucidate the legality of sanctions against Russia.

An analysis of the application of specific sanctions against specific states is provided, based on which generalizations and conclusions are drawn regarding the illegality of sanctions, particularly those that circumvent UN resolutions.

Keywords: sanction, unilateral sanctions, multilateral sanctions, prohibition, legal norm, means of influence, international law, rules of international organizations, retorsion, legality of retorsion.

Funding: The study was conducted as part of the research project: "Foreign Experience in the Nationalization of Intellectual Property in the Context of Sanctions Policy Countermeasures" (6-GZ-2023).

For citation: Nitsevich V.F. "The Legal Nature and Grounds for the Introduction of Western Sanctions against Russia" // IP: Theory and Practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

В последние годы западными государственными деятелями провозглашается цель нанести «поражение России» [1]. С этой целью применяются различные механизмы, включая военные, финансовые и т.д.

Однако наиболее широкомасштабным, системным воздействием западных государств на Россию являются регулярно вводимые санкции. Политика санкционного давления западных государств на Россию имеет целью разрушение экономики, изоляцию России или, как можно выразиться в терминологии «холодной войны», нанести России стратегическое поражение и превратить ее в изгоя на мировой арене.

Вместе с тем применение западными государствами санкционного давления не является чем-то новым в международных отношениях, история санкций берет свое начало еще в античные времена. Однако масштабное их применение Западом началось в XX веке и продолжается в настоящее время. Европейский союз в отношении России ввел 19 пакетов санкций, имеются вторичные санкции и санкции в отношении партнеров России. Вместе с тем вопрос о законности, в смысле соответствия нормам международного права, применение без резолюций ООН, использования санкций как инструмента давления одних государств на другие остается не исследованным в полной мере.

Целью настоящего исследования является рассмотрение правовой природы санкций и выявление легальных оснований применения санкций в межгосударственных и международных отношениях.

Методы

Для целей настоящего исследования применялась методология научного познания, основанная на различных методах. Для выявления существенных признаков и уточнения понятия «санкция» использовался метод анализа, сопоставления и сравнения. Правовая природа санкций определялась на основе формально-юридического подхода, казуальным методом и сравнительно-правовым. Метод индукции применялся для выведения обобщений из фактов применения санкций к различным государствам. Для выявления легальности западных санкций в отношении России применялись методы сравнительного правоведения и формально-юридический.

Основное исследование

Значение слова «санкция» не имеет однозначного толкования. В словарях русского языка это изначально латинское слово *sanction* (встречается в других языках: нем. *sanktion*, фр. *sanction*) означало «нерушимый закон, строжайшее постановление» [2]. Такие и близкие к нему значения этого слова содержатся в словарях иностранных слов различных годов издания [3; 4; 5].

В современных словарях русского языка слово «санкция» имеет несколько смыслов. Например, в Большом толковом словаре русского языка приводится три значения этого слова:

- утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение;
- мера, применяемая государством к правонарушителю;
- мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор [6].

Близкое к указанному значение слова «санкция» имеется в словарях русского языка. Например, в Толковом словаре Ушакова санкция толкуется как признание законности какого-нибудь явления, утверждение чего-нибудь высшей инстанцией; одобрение; условие, обеспечивающее выполнение закона, договора [7]. В Толковом словаре Ожегова приводятся два значения этого слова: 1) на что, т.е. утверждение чего-нибудь высшей инстанцией, разрешение; 2) мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор, а также вообще та или иная мера воздействия по отношению к правонарушению [8].

Из имеющихся значений слова «санкция» в словарях и энциклопедиях, в том числе и приведенных выше, усматриваются некоторые общие признаки, формирующие это понятие. К таким признакам следует отнести:

- разрешение, т.е. возможность осуществлять какое-то действие с позволения какой-то стороны, как правило, государством, если речь идет о законности и праве;

- запрет – принудительная мера, применяемая к правонарушителю или ограничение его прав, возможностей, запрет на какие-либо действия;
- субъект, который имеет способность и возможность ввести разрешение или запрет;
- объект, в отношении которого применяются разрешения или запреты.

Понятие санкция, определяемое указанными существенными признаками, имеет широкое применение от межличностного до международного уровней, а также в различных сферах человеческой деятельности. При этом, если на межличностном уровне доминируют моральные, нравственные или социальные регуляторы, то на государственном и международном регуляторы – правовые.

Изложенные существенные признаки дополняются еще одним – способностью и возможностью применения разрешений или запретов.

Таким образом, в самом общем виде понятие «санкция» может быть определено как способность и возможность субъектов устанавливать разрешения или запреты для объектов.

Юридическая наука конкретизирует такое общее определение через конкретное его наполнение. При этом необходимо отметить, что понятия запрета и санкций в теории права не отождествляются и не подменяют друг друга, а являются самостоятельными правовыми явлениями. Следует подчеркнуть, что «нормы права, содержащие запрет (запрещающие нормы), относятся к структурно-понятийному ряду категории «норма права», а запрет как средство правового регулирования – к понятийному ряду «метод правового регулирования», который входит в абстракцию основного понятийного ряда «система права» [9].

Если запрет можно рассматривать как разновидность ограничений в широком смысле [10], то санкции, понимаемые по-разному [11; 12], имеют два аспекта: «санкция как элемент нормы (и тогда санкция относится к понятийному ряду «элементы нормы права») и как средство воздействия, закрепляемое в одноименном элементе нормы (в этом случае санкция

оказывается включенной в понятийный ряд «метод правового регулирования» [13], т.к. именно содержание санкций часто показывает, как законодатель воздействует на тех лиц, которые совершили правонарушение либо специально поощряемое поведение; более того, способ применения и характер санкций могут рассматриваться как четвертый элемент метода правового регулирования» [9].

Иными словами, санкция в теории права, несмотря на дискуссионность, является частью нормы права и определяется как «...меры государственного и иного воздействия при реализации субъектами своих прав и обязанностей» [14]. Если допустить появление санкций вне нормы права, то невозможно говорить о законных запретах или ограничениях. Отсюда очевидно, что санкции имеют правовую природу.

Следует подчеркнуть, что юридическая наука связывает санкции с нормой права, т.е. работает формула: нет нормы права – нет санкций. Это означает, что санкции существуют только благодаря нормам права, содержащимся в законе. Ни политика, ни экономика, ни какие-либо иные сферы жизни общества не предопределяют санкции. Такое важное замечание указывает на тот факт, что в межгосударственных и в международных отношениях должны присутствовать нормы права, чтобы появились санкции. В противном случае любые запреты или ограничения, накладываемые со стороны другого государства, союза государств или международного сообщества не имеют под собой правовой природы, а значит, являются незаконными.

На практике санкции достаточно широко применяются в международных отношениях, а иногда и во внутригосударственных. Государства, особенно западные, двояко относятся к нормам международного права: прибегают к ним, если они сопутствуют реализации их интересов, и игнорируют, если нормы международного права не позволяют применить принуждение для реализации собственных интересов.

Анализируя историю применения санкций в международных отношениях, можно сделать некоторые обобщения:

- во-первых, санкции могут применяться к отдельным государствам или группе государств на основании норм международного права, а, следовательно, только исключительно путем рассмотрения и принятия решений Организацией объединенных наций (далее – ООН) в соответствии с установленным механизмом;
- во-вторых, санкции должны быть направлены на восстановление прав или должное поведение субъектов международного права;
- в-третьих, санкции должны преследовать цель восстановления нарушенного права;
- в-четвертых, санкции не должны приводить к дискриминации субъектов международного права.

Изложенные положения могут претендовать на использование их в качестве принципов применения санкций в международном праве.

Однако, как обоснованно доказывает Х. Кёхлер, «в рамках современного международного права, основывающегося на нормах, построенных на принципе суверенного равенства государств, меры принуждения – политического, экономического или военного характера – допустимы только в исключительных, экстренных случаях: (1) восстановление международного мира и порядка (*многосторонние меры*) и (2) в качестве мер защиты законных прав или жизненных (национальных) интересов государств (*односторонние меры*)» [15].

Многосторонними мерами принято считать санкции, описанные в гл. VII Устава ООН и находящиеся в исключительном ведении Совета Безопасности ООН, поскольку они принимаются на основании резолюций и от имени всего международного сообщества. Примерами могут служить резолюции [16] в отношении Ирака и других государств.

Односторонними считаются санкции, вводимые отдельными государствами или коалициями государств. В отличие от многосторонних санкций, вводимых Советом Безопасности ООН, односторонние меры принуждения являются «правомерными» только в некоторых случаях. Несмотря на то, что само международное право построено на основе суверенитета, в его логике государство (коалиция государств) имеет право на применение принуждения исходя из суверенных интересов. Государственный суверенитет больше не является достаточным основанием для произвольного, неограниченного применения силы. Следовательно, применение мер принуждения одним государством или группой государств против другого государства не может быть обосновано только лишь логикой верховенства государственной власти, не подотчетной никому. Суверенитет служит основой для «суверенного равенства», которое устанавливает конкретный свод правил поведения государств в мире. В рамках этой системы только в двух случаях односторонние санкции могут считаться непротиворечащими международному праву: (1) когда существует угроза национальной безопасности, и (2) в качестве меры противодействия неправомерному поведению других государств [15]. Однако и первое, и второе противозаконно в силу того, что государство само продекларировало свое мнение, которое не получило поддержку (резолюцию) Совета безопасности ООН, за исключением непосредственного нападения одного государства (коалиции государств) на другое (другие) государства.

Отсюда очевидно, что в международных отношениях санкции (многосторонние) могут иметь легальный характер только в случае одобрения ограничительных мер ООН, а точнее, Советом безопасности ООН, тогда они носят обязательный характер для всех государств.

В межгосударственных отношениях применяются односторонние санкции, когда одно государство или несколько государств вводят ограничительные меры по отношению к государству для принуждения смены его политики. Такие санкции могут рассматриваться как право государства

или коалиции государств вводить ограничительные меры по отношению к государству, которое, по их мнению, нарушило международное право.

Однако в таком случае для легальности нужны определенные условия для введения санкций, например, если государство нарушило международное право, то государства вводят санкции в отношении «нарушителя» международного права, а не третьих государств.

На практике можно наблюдать совсем иную картину. Государства, вводящие санкции, сами нарушают принципы международного права, нормы и правила, устанавливаемые международными организациями, например, Всемирной торговой организацией, и другими.

Таким образом, введение любых ограничительных мер, которые применяются без одобрения Совета безопасности ООН, следует признавать незаконными, противоречащими нормам международного права и направленными на подрыв устоявшего миропорядка, мира и безопасности.

Государство, по тем или иным причинам оказавшееся под санкциями иностранных государств, имеет право на реторсию, под которыми в самом общем смысле понимаются ответные ограничительные меры. Например, в международных документах, в частности в актах Международного суда ООН в «Десятилетии морских дел» (Филиппины/Китай, 2016), указывается, что реторсия является легитимным¹ средством реагирования на враждебные, но не нарушающие международное право, действия.

В то же время существуют и другие нормы международных нормативных актов, регулирующие реторсию. Статья 2(4) Устава ООН (1945) запрещает применение силы, но не лишает государств права на законные ответные меры, а статья 51 обеспечивает право на самооборону, но реторсия не является самообороной, ее цель – политическое воздействие без применения силы. В то же время п. 22 ст. 2 Устава Международного суда ООН признает реторсию законной формой ответных действий в международных

¹ «Легитимный» означает признанный субъектами международных отношений, что не тождественно «законный».

отношениях. Следует привести в качестве аргумента в пользу законности реторсии и Венскую конвенцию о праве международных договоров (1969), которая регулирует порядок прекращения действия договоров и реакции на их нарушения. Ряд резолюций Совета Безопасности ООН также регулируют применение санкций в рамках международного права. Санкции, не утвержденные СБ ООН, но введенные односторонне, относятся к реторсии².

Россия, после законного присоединения в 2014 г. Крыма, оказалась под санкциями, введенными по надуманным юридическим основаниям со стороны отдельных государств. Так, США ввели персональные санкции против российских чиновников, запрет на сделки с определенными банками и экспорт технологий³. Европейский Союз ограничил торговлю оружием, запретил экспорт технологий для нефтедобычи в Арктике и ввел визовые ограничения⁴. Эти меры не основывались на резолюциях ООН и были односторонними ограничительными действиями недружественных государств, лидеры которых призывали к «стратегическому поражению России». В 2022 г., после начала СВО, были введены масштабные ограничения, среди которых: отключение российских банков от сети SWIFT, заморозка активов ЦБ РФ, запреты на импорт энергоносителей. А такие государства, как Канада, США, Великобритания⁵ и страны ЕС, регулярно расширяют санкционные меры (пакеты), вовлекая в них ключевые сектора экономики. При этом доказательства так называемой на Западе «аннексии Крыма» и «полномасштабного вторжения в Украину» так и не были представлены международному сообществу.

² Примеры реторсии и санкций в международной практике: 1) Южная Африка (1960–1990), международные односторонние санкции с целью борьбы с апартеидом. Санкции считались формой реторсии, чтобы отказаться от расовой дискриминации; 2) Иран (2000-х и 2010-х), введены многосторонние (ООН) и односторонние (США, ЕС) санкции в ответ на развитие ядерной программы, как средство реторсии для влияния на политику; 3) Ирак (1990-2003), многосторонние санкции ООН после вторжения в Кувейт. – авт.

³ Законы США: Закон США «О противодействии противникам Америки с помощью санкций» (CAATSA, 2017); Закон «О санкциях против России» (часть оборонного бюджета США, NDAA); Исполнительные приказы Президента США о введении санкций (Executive Orders) и др.

⁴ Решения Совета ЕС о санкциях: Регламент Совета (ЕС) 2022/428 и последующие о секторальных санкциях; Решения Совета 2014/512, 2014/512/EU и иные по ограничению виз, заморозке активов, эмбарго, и др.

⁵ Решения Великобритании, например, Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 и последующие постановления, вводящие санкции против РФ.

Безусловно, Россия вынуждена была применить реторсии, например, ввести запрет на импорт ряда товаров из стран секционного блока, осуществить заморозку активов иностранных компаний и другие. Поскольку действия России были ответными, то реторсию следует считать законной, как с точки зрения международного права, так и с точки зрения российского законодательства⁶.

Заключение

Санкции как явление политики современных государств широко применяются для реализации собственных интересов и ограничения возможностей подсанкционных государств. Правовая природа санкций базируется на утверждении, что санкция выступает элементом нормы права. В то же время такое утверждение требует правового обоснования введения санкций или иными словами доказывания, что действия, в данном случае государства, нарушили нормы международного права и санкции преследуют восстановление нарушенного права.

Применение санкций как средства воздействия в международных отношениях обязательно требует одобрения на уровне Совета безопасности ООН. На практике западные государства широко и регулярно применяют ограничительные меры самостоятельно и по своему усмотрению. Поскольку резолюции Совета безопасности ООН отсутствуют, это делает такие санкции нелегальными, не соответствующими принципам международного права. Иными словами, введенные западными государствами и их коалициями санкции не имеют под собой законных оснований и рассматриваются Россией как недружественные действия. В таком положении Россия вправе применять реторсии в ответ на недружественные действия западных государств.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024), Статья 1194. Реторсии.

Список источников

1. Боррель заявил об интересе Запада в поражении России. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/30/borrel-zayavil-ob-interese-zapada-v-porazhenii-rossii/> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия; СПб: Фонд «Ленинградская галерея», 2002. – 1628 с.
3. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А.Н. Чудинов, 1910.
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Комлев Н.Г., 2006. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (дата обращения: 02.10.2025).
5. Большой словарь иностранных слов. – Москва. ИДДК, 2007.
6. Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [рук. проекта, гл. ред. д.филол.н. С.А. Кузнецов]. — СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.
7. Толковый словарь русского языка: Том 1–4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. Ленинград: Императорская Академия наук. 1935–1940 гг.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. - Москва: Мир и образование, 2018. – 736 с.
9. Рыбушкин Н.Н. Запрет и санкция нормы права в контексте предмета и метода правового регулирования / Н.Н. Рыбушкин, А.В. Краснов // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Том 152, кн. 4. – 2010. – С. 36.
10. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – Москва: Юристъ, 2005. – 256 с.
11. Ковалюнас Д.А. Санкции в публичном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000. – 248 с.
12. Краснов А.В. Правовые санкции в экономической сфере: теоретический и цивилистический аспекты. – Казань: Таглимат ИЭУП, 2003. 128 с.
13. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. 197 с.
14. Карташов В.Н. Проблемы формирования общей теории норм права. / Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Вып. 15. Нормы права: теория и практика / отв. ред. М.В.

Лушникова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011 – 224 с.

15. Кёхлер Х. Санкции и международное право / Х. Кёхлер // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 27–47 (на русском и английском языках).
16. Самые известные санкции Совета безопасности ООН. Справка. URL: <https://ria.ru/20060309/44056899.html> (дата обращения: 02.10.2025).

References

1. Borrell declared the West's interest in Russia's defeat. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/30/borrel-zayavil-ob-interese-zapada-v-porazhenii-rossii/> (date of access: 02.10.2025) (in Russ.).
2. The Great Encyclopedic Dictionary / ed. A. M. Prokhorov. Moscow: Soviet Encyclopedia; St. Petersburg: Leningrad Gallery Foundation, 2002. 1628 p. (in Russ.).
3. Dictionary of Foreign Words That Incorporated into the Russian Language. A. N. Chudinov, 1910 (in Russ.).
4. Dictionary of Foreign Words. N. G. Komlev, 2006 (in Russ.).
5. The Great Dictionary of Foreign Words. *IDDK Publishing House*, 2007 (in Russ.).
6. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language [A-Z] / Rus. Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; [Project Director, Editor-in-Chief Doctor of Philological Sciences S.A. Kuznetsov]. St. Petersburg: *Norint*, 2004. 1534 p. (in Russ.).
7. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Volume 1–4. / Ed. by Prof. D.N. Ushakov. Leningrad: Imperial Academy of Sciences. 1935–1940 (in Russ.).
8. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions / Ed. by Prof. L.I. Skvortsov. Moscow. *Mir i Obrazovanie*, 2018. 736 p. (in Russ.).
9. Rybushkin N.N., Krasnov A.V. Prohibition and sanction of the norm of law in the context of the subject and method of legal regulation. *Scientific notes of Kazan State University. Humanities*. Vol. 152, book 4. 2010. P. 36 (in Russ.).
10. Malko A.V. Incentives and restrictions in law. Moscow: *Yurist*, 2005. 256 p. (in Russ.).
11. Kovaliunas D.A. Sanctions in public law. Diss. ...PhD of Law. Samara, 2000. 248 p. (in Russ.).
12. Krasnov A.V. Legal sanctions in the economic sphere: theoretical and civilistic aspects. – Kazan: *Taglimat Publ.* IEML, 2003. 128 p. (in Russ.).

13. Kiseleva O.M. Incentives as a Method of Legal Regulation: Diss. PhD of Law. Saratov, 2000. P. 108 (in Russ.).
14. Kartashov, V. N. Problems of Formation of General Theory and Norms of Law / Legal Notes of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Issue 15. Legal Norms: Theory and Practice / Ed. M.V. Lushnikova; P.G. Demidov. Yaroslavl State University. – Yaroslavl: *YarSU*, 2011. 224 p. (in Russ.).
15. Koehler H. Sanctions and International Law. *Bulletin of International Organizations*. 2019. Vol. 14. No. 3, pp. 27–47 (in Russian and English) (in Russ.).
16. The Most Notorious UN Security Council Sanctions. Reference. URL: <https://ria.ru/20060309/44056899.html> (date of access: 02.10.2025) (in Russ.).

Статья поступила 05.11.2025, принята к публикации: 19.11.2025.

© Ницевич В.Ф., 2025

Научная статья

УДК 340.12

**Деформация правосознания, правовой культуры и адаптивное
поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте
диалектики интересов**

Владислав Юрьевич Панченко¹, Лариса Анатольевна Петручак²,

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста
России), Москва, Россия

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

² Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

Доктор юридических наук, профессор

lar-petruchak@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема критериев нормальности (адекватности) правосознания и правовой культуры в контексте диалектического взаимодействия общесоциальных, групповых и индивидуальных интересов и в условиях правовой жизни, способствующей и препятствующей их согласованной реализации. Обосновано, что формальным индикатором нормальности правового поведения выступает строгое соответствие действий индивида или группы действующему позитивному праву конкретного государства. В качестве содержательного критерия предлагается эмпирически верифицируемый показатель устойчивого улучшения благосостояния трудящихся лиц. Особое внимание уделяется проявлению феномена правового отчуждения – правовой апатии как социально обусловленной стратегии осознанного конформизма при внутреннем неприятии правовых норм. На конкретных исторических и современных примерах демонстрируется, что такая адаптационная модель в

условиях аномальной правовой жизни может являться проявлением рациональной нормы правового сознания и правовой культуры, а не их деформацией.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, правовой нигилизм, правовой идеализм, диалектика интересов, адаптация, правовая апатия.

Для цитирования: Панченко В.Ю. Деформация правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте диалектики интересов // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12).

Original article

Deformation of legal consciousness, legal culture and adaptive behavior in legal life: on the criteria of distinction in the context of the dialectic of interests

Vladislav Yu. Panchenko¹, Larisa A. Petruchak²,

¹ All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Doctor of Law, Professor

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Doctor of Law, Professor

lar-petruchak@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of criteria of normality (adequacy) of legal consciousness and legal culture in the context of dialectical interaction of general social, group and individual interests and in the conditions of legal life, promoting and hindering their coordinated implementation. It is substantiated that the formal indicator of the normality of legal behavior is strict compliance of the actions of an individual or group with the current positive law of a particular state. An empirically verified indicator of sustainable improvement of the well-being of

workers is proposed as a substantive criterion. Particular attention is paid to the manifestation of the phenomenon of legal alienation - legal apathy as a socially conditioned strategy of conscious conformism with internal rejection of legal norms. Specific historical and modern examples demonstrate that such an adaptation model in the conditions of abnormal legal life can be a manifestation of the rational norm of legal consciousness and legal culture, and not their deformation.

Keywords: legal consciousness, legal culture, legal nihilism, legal idealism, dialectic of interests, adaptation, legal apathy.

For citation: Panchenko V.Yu, Petruchak L.A. Deformation of legal consciousness, legal culture and adaptive behavior in legal life: on criteria of distinction in the context of the dialectic of interests // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Если деформации правового сознания и правовой культуры (правовому нигилизму и идеализму и множеству их разновидностей) посвящено значительное число серьезных научных разработок в теории государства и права, то гораздо меньше внимания обращается исследователями на адекватные состояния правового сознания и правовой культуры, отграничение которых от патологий (деформаций) требует четких критериев (границ) для оценки конкретных деяний (действий либо бездействия) индивида, группы или общества в целом.

Деяния, выходящие за пределы дозволенного действующим в конкретном государстве правом, однозначно свидетельствуют о деформации правосознания и правовой культуры (нарушение либо неиспользование юридических правил – нигилизм, подмена реальных правовых механизмов абстрактными недостижимыми идеалами, либо непринятие никаких действий в рамках права для воплощения достижимых целей, ожидание торжества справедливости «само собой» – правовой идеализм, столь же оторванный от юридических способов удовлетворения интересов), но только с точки зрения общего (социального или общегосударственного) интереса и масштаба рассмотрения. С позиций индивида или группы внутри государства как целостности, разработка такого критерия нормы и деформации намного

сложнее, в силу диалектики взаимодействия общесоциального (в масштабах государства в целом, общего), группового (социальной группы внутри государственно организованного общества, особенного) и индивидуального (в масштабе отдельного человека, отдельного, единичного) интересов, которое описано еще Г.В.Ф. Гегелем: «Ни всеобщее не обладает значимостью и не может быть совершено без особенного интереса, знания и воления, ни индивиды не живут только для особенного интереса в качестве частных лиц, но волят вместе с тем во всеобщем и для него и действуют, осознавая эту цель. Необычайная сила и глубина принципа современного государства состоит в том, что оно предоставляет принципу субъективности достигнуть полного завершения в качестве самостоятельной крайности личной особенности и одновременно возвращает его в субстанциальное единство и таким образом сохраняет его в самом этом принципе» [1]. Не случайно «персоноцентризм» и «системоцентризм» рассматриваются как два универсальных качества, дающие определенную характеристику любой социальной системе [2].

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволяющий анализировать правовые явления через призму взаимодействия и противоречия различных уровней интересов (общесоциального, группового, индивидуального), что соответствует гегелевской традиции понимания развития правовой реальности как процесса разрешения противоречий между всеобщим и особым. В качестве конкретных методов познания использованы: сравнительно-правовой анализ, обеспечивающий сопоставление формальных критериев адекватности поведения в различных правовых системах; социологические приемы по выявлению связи между правовыми установками и реальными социальными практиками; структурно-функциональный подход, позволивший рассмотреть правовое отчуждение как адаптивный механизм в условиях дисфункций правовых систем, а также метод историко-правовой реконструкции,

продемонстрировавшей на конкретных примерах устойчивость выявленных закономерностей.

Основное исследование

Нормальность (адекватность) правосознания, достаточный уровень правовой культуры проявляются в активном и компетентном использовании правовых средств для реализации своих интересов строго в рамках, установленных действующим правом, что предполагает знание своих прав и обязанностей, готовность к правовой активности через установленные законом процедуры и каналы, а также соответствие самих интересов основам правопорядка, когда «при формировании правовой культуры учитываются интересы личности, находящиеся в гармонии со всеобщими интересами и служат им своим же удовлетворением» [2]. Переходя к анализу конкретных проявлений, следует начать с иллюстраций. Предприниматель, регистрирующий бизнес в установленном порядке, уплачивая налоги с использованием законной оптимизации, заключая трудовые договоры с работниками, удовлетворяя законные требования потребителей и разрешая споры с партнерами в судебном порядке и т.д., демонстрирует адекватное правосознание и достаточный уровень правовой культуры, поскольку использует имеющиеся правовые инструменты для получения прибыли, не нарушая закон. Гражданин, чьи жилищные права нарушены, подающий иск в суд, собирающий доказательства и добивающийся решения в рамках процессуального права, действует адекватно. В противоположность этому гражданин, который в аналогичной ситуации прибегает к самосуду, мести или призывает к незаконным акциям протеста, проявляет правовой нигилизм. Политическая партия или общественное движение, добивающиеся своих целей через участие в выборах, лоббирование законопроектов в парламенте, организацию митингов с предварительным уведомлением властей в соответствии с законодательством о собраниях, демонстрируют адекватное правосознание и правовую культуру. Движение, призывающее к насильственному свержению власти, блокированию дорог или зданий,

игнорирующее избирательные процедуры и т.п., проявляет правовой нигилизм.

На общесоциальном уровне, в масштабе государства в целом единственным объективно измеримым критерием разграничения адекватного и деформированного правового сознания, и правовой культуры выступает соответствие или противоречие праву этого государства. Иного четкого индикатора нет. Однако ограниченные возможности такого формального критерия очевидны, ибо само право может отставать от общественного развития, реальных потребностей как индивидов, так и общества, и государства, оцениваться как несправедливое, неэффективное, репрессивное и т.п. Следование предписаниям такого права может приводить к серьезным негативным социальным последствиям, делая правовое регулирование социально и государственно вредным, препятствующим сохранению и прогрессу конкретного государства.

Конкретизируя данное положение, можно привести массу типичных примеров. Чрезмерно обременительные регуляторные барьеры для малого и среднего бизнеса (бесчисленные согласования, лицензии, разрешения, дорогостоящие и длительные процедуры, соблюдаемые предпринимателями под угрозой штрафов или закрытия, отвлекают огромные ресурсы от развития бизнеса, инноваций и создания рабочих мест, тем самым тормозя экономический рост при внешнем соблюдении правовых норм); устаревшие технические регламенты и стандарты (в том числе лоббируемые производителями устаревшего оборудования или технологий) могут нормативно закреплять необходимость использования неэффективных, дорогих или экологически вредных решений, блокируя внедрение современных прогрессивных альтернативных технологий), законы, запрещающие или чрезмерно жестко ограничивающие новые научные разработки и их внедрение (биотехнологии, генная инженерия, искусственный интеллект и пр.) сдерживают научно-технический прогресс. В таких ситуациях проблема не в деформациях правосознания и правовой культуры, а

в деформации, отсталости или порочности самого позитивного права, его несоответствии объективным потребностям общественного развития, а в конечном счете интересам людей и государства в целом.

В ситуации, когда позитивное право объективно препятствует общественному прогрессу, коренным долговременным интересам большинства граждан и государства в целом, но при этом формально реализуется государственными органами и соблюдается большинством членов общества – необходимо признать отсутствие массового правового нигилизма как отрицания или игнорирование права. И, напротив, отрицание, обход, правонарушения в условиях такого права следует квалифицировать как правовой нигилизм, отражающий противоречие, которое в соответствии с диалектическим законом «отрицания отрицания» должно разрешаться изменением правового регулирования или трансформацией государства. Такой правовой нигилизм – важный сигнал обратной связи для государства, за которым нельзя не признавать положительного значения.

Возникает закономерный вопрос: возможен ли содержательный общий критерий оценки и права, и отношения к нему? На протяжении тысячелетий лучшие умы человечества ищут ответ на этот вопрос, однако следует признать, что он находится за рамками предмета юриспруденции и может быть решен только с привлечением знаний из смежных наук.

Единственным эмпирически проверяемым критерием оценки как права, так и отношения людей к праву, представляется улучшение реального благосостояния людей, которые заняты трудом. Поскольку и право, и его реализация не являются самоцелями, а выступают как инструменты организации общественной жизни и управления со стороны государства, их конечное предназначение заключается в совершенствовании условий для улучшения жизни людей. Улучшение благосостояния должно пониматься комплексно, включая безопасность, свободу распоряжения способностями при наличии реальных социальных возможностей для личностного и профессионального развития, достойный уровень реальных доходов от своего

труда, качества и доступности образования и здравоохранения, условий проживания и доступности жилья, состояния окружающей среды, уровень социальной защищенности и социальных гарантий (но только и исключительно для реально нуждающихся, но не для трудоспособных бездельников во избежание социального паразитизма) и т.д.

Выделение благосостояния людей труда, производящих материальные и нематериальные блага, в качестве критерия объясняется их фундаментальной ролью как основной экономической силы общества и государства. Право, которое не способствует устойчивому улучшению положения трудящегося населения, подрывает экономические основы в долгосрочной перспективе. Благосостояние общества в целом подразумевает также уровень социальной сплоченности и доверия, при сохранении социального и экономического неравенства, пропорциональных способностям и интенсивности труда, как стимула к саморазвитию. Ключевое преимущество такого критерия – его измеримость через объективные показатели, включая статистические – динамика реальных доходов населения, уровень бедности, средняя продолжительность здоровой жизни, доступность ключевых социальных благ, показатели состояния окружающей среды, уровень преступности и индекс человеческого развития и другие конкретные, верифицируемые индикаторы того, способствует ли право благу человека и общества или препятствует ему.

Последняя ситуация препятствования вызывает к жизни различные адаптационные стратегии, рассматривая которые, следует подчеркнуть, что нормальная (адекватная) правовая культура в условиях искаженных правовых реальностей может проявляться не только в активном использовании права, но и в обеспечении комфортного, или, точнее, терпимого, существования человека. Это форма адаптации к складывающимся в различных государствах правопорядкам, независимо от личного желания людей их видеть иными и от их реальных возможностей такие порядки изменить. Так, высокая степень политической осведомленности и критического понимания недостатков правовой системы зачастую ведет не к активному преобразованию, а к

глубокому правовому отчуждению, правовой апатии, проявляющихся внешне в правовой пассивности – поведении, которое характеризуется «уклонением индивида (групп людей) от участия в правовой жизни общества, в бездействии при защите как собственного, так и чужого интереса», при этом «правовая пассивность обладателя субъективного права законом допускается, хотя и не поощряется», а «пассивность обязанного лица сопряжена с нарушением требований правовых норм или требований, вытекающих из договора (в обязательственных отношениях)» [3], представляя собой правонарушение как проявление правового нигилизма. Гражданин, осознающий несоответствие действующих позитивных норм естественным материальным и духовным потребностям людей, прежде всего своим собственным, вынужденно выбирает стратегию апатии в правовой жизни при внешнем конформизме. Такая стратегия является формой рационального самосохранения, позволяющей сберечь относительный психологический и моральный комфорт в условиях, где активное сопротивление или попытки немедленных изменений воспринимаются как бессмысленные или сопряжены с неприемлемыми рисками.

Во-первых, рациональность правовой апатии заключается в оценке соотношения риска и пользы. Индивид, осознающий несправедливость закона, но понимающий огромную мощь и репрессивный аппарат государства, стоящего за ним, делает прагматичный расчет. Риски открытого протеста, несанкционированных действий или даже публичной критики в авторитарных или несовершенных демократиях могут быть катастрофически высоки – потеря работы, уголовное преследование, административные аресты, физическое насилие, социальная изоляция, разрушение семьи и т.д. Широко известны примеры антифашистов в фашистской Италии, нацистской Германии, героизм и жертвенность которых бесспорны. Однако многие несогласные не верили в потенциальную пользу от индивидуальных актов сопротивления для масштабов всей системы и предпочитали «внутреннюю эмиграцию», молчаливое неприятие при внешнем соблюдении формальных

правил. Выживание и сохранение минимального личного пространства для них становилось высшим благом, достижимым лишь через апатию и отчуждение от публичной правовой сферы.

Во-вторых, апатия как форма адаптации позволяет сохранить психологические ресурсы и избежать состояния хронического стресса и выгорания. Постоянное осознание несправедливости, коррупции, неэффективности правовой системы при ощущении собственного бессилия что-либо изменить является тяжелейшей психологической нагрузкой. Активное неприятие, сопровождающееся постоянным эмоциональным вовлечением в борьбу часто ведет к моральному истощению, фрустрации, депрессии. Стратегия осознанного дистанцирования, признания границ своей влиятельности, позволяет человеку сфокусировать ограниченные ресурсы на тех сферах жизни, где он действительно может что-то контролировать и улучшать – семья, близкие отношения, профессиональный рост в допустимых рамках, хобби, частная жизнь. Работник, понимающий, что трудовое законодательство не защищает его от произвола начальства, может рационально выбрать не тратить годы жизни и нервы на небезосновательно представляющийся ему заведомо проигрышный суд за восстановление на работе после незаконного увольнения. Вместо этого он направляет силы на поиск новой работы в тех же несовершенных условиях, сохранив психическое здоровье и способность обеспечивать семью. Его апатия по отношению к борьбе за системные изменения – не трусость, а прагматичное сохранение жизненных сил для решения насущных задач в рамках доступных возможностей.

В-третьих, внешняя апатия и конформизм в правовой жизни могут служить защитным механизмом, позволяющим сохранить внутреннюю моральную целостность и избежать мучительного когнитивного диссонанса. Человек, вынужденный ежедневно существовать в системе, нормы которой он внутренне отвергает, сталкивается с дилеммой – открытый бунт с высокими рисками или лицемерное принятие правил игры с потерей самоуважения.

Стратегия осознанной апатии и отчуждения предлагает третий путь: человек не идентифицирует себя с системой, не оправдывает ее, но и не вступает в прямое, саморазрушительное противостояние. Он соблюдает формальные требования ровно настолько, насколько это необходимо для избегания санкций, внутренне оставаясь свободным от принятия несправедливых норм как своих собственных. Это позволяет ему сохранить относительный моральный комфорт, избегая лжи самому себе о поддержке системы, но и не подвергая себя неоправданной опасности. Люди формально состояли в правящей партии, участвовали в ритуализированных выборах или собраниях, не выражали открыто инакомыслия, но при этом дома, в кругу доверенных лиц, сохраняли критическое мышление. Их внешняя политическая и правовая апатия была платой за возможность сохранить внутренний мир и приватную сферу относительной свободы. Другой пример – сотрудник корпорации, вынужденный соблюдать внутренние правила или этические нормы, которые он считает аморальными (например, агрессивные продажи, сокрытие информации от клиентов и пр.), чтобы не потерять работу, критически важную для содержания семьи. Его внешнее конформистское корпоративное поведение сопровождается внутренним отчуждением от этих правил и, возможно, поиском работы в другом месте, но не мгновенным уходом «в никуда», что и есть сложная стратегия выживания.

Заключение

Подводя итог, следует выделить следующие ключевые положения.

Во-первых, формальное соответствие поведения действующему позитивному праву является необходимым, но недостаточным критерием адекватности правосознания и правовой культуры, поскольку само право может носить регressive или социально вредный характер, отставая от объективных потребностей общественного развития.

Во-вторых, содержательным критерием оценки как качества права, так и адекватности отношения к нему, служит способность правовой системы обеспечивать устойчивое улучшение благосостояния трудящегося

большинства, измеряемое через динамику реальных доходов, доступность базовых социальных благ и социальные гарантии для объективно нуждающихся.

В-третьих, стратегия правового отчуждения, выражаяющаяся во внешнем конформизме при внутреннем критическом неприятии несправедливых норм, представляет собой не деформацию правосознания, а рациональную адаптивную модель поведения к внешним условиям правовой жизни. Эта форма адаптивной правовой культуры, демонстрируя оценку соотношения риска и пользы, способствует сохранению физических, психологических и моральных ресурсов индивида, позволяя ему фокусироваться на достижимых целях в контролируемых сферах жизни.

Таким образом, правовое отчуждение, апатия и конформизм могут рассматриваться как проявление нормальной правовой культуры выживания в контексте глубоких противоречий между позитивным правом и естественными потребностями личности, общества, государства, а взятые в своей массовости, несмотря на квалификацию в качестве правового нигилизма в общесоциальном, государственном масштабе рассмотрения – выступать серьезным сигналом обратной связи для государства, указывающим на необходимость совершенствования правовой жизни в интересах сохранения и прогрессивного развития себя как целостности.

Список литературы

81%D1%81%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
?ysclid=me6oyyr1nx998134984 (дата обращения: 25.07.2025).

References

1. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. Moscow: Mysl, 1990. P. 286 (in Russ.).
2. Albov A.P. Formation of the legal culture of modern society based on traditional values: personocentrism and systemocentrism. *Legal Bulletin*. 2023. Vol. 8, No. 3. P. 8 (in Russ.).
3. *Pravo i zakon = Law and order* / edited by Doctor of Law, Professor V.I. Chervonyuk. Moscow. *Kolos* S Publ., 2003. URL: https://elementary_law.academic.ru/313/ (date of access: 25.07.2025) (in Russ.).

Статья поступила 11.09.2025, принята к публикации: 03.12.2025.

© Петручак Л.А., Панченко В.Ю., 2025

Государство, право и научно-технический прогресс

Алексей Викторович Зырянов,
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
Доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-6364-1812>; SPIN-код: 9925-6252
zav-nauka@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена революционными изменениями, которые научно-технический прогресс (НТП) привносит во все сферы жизни общества. Государство, как ключевой актор социальных процессов, не может оставаться в стороне от динамично развивающегося научно-технического ландшафта. В статье доказывается, что эффективность взаимодействия законодательной и технической сфер определяет не только экономическую, но и социальную стабильность. Цель работы – проанализировать взаимосвязь государства, права и НТП через призму трех промышленных революций. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов исследовано, как технологические прорывы детерминируют государственное развитие и стимулируют формирование новых правовых институтов – от трудового и ядерного права до цифрового права и дистанционного судопроизводства. Сделан вывод о том, что появление серьезных технологических новшеств неизбежно порождает их правовое регулирование, а способность правовой системы адаптироваться к быстро меняющимся условиям определяет степень защиты прав граждан и эффективность реализации научно-технического потенциала страны.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, государственное развитие, правовое регулирование, промышленная революция, технологические инновации, цифровое право, дистанционное судопроизводство, глобализация

Для цитирования: Зырянов А.В. Государство, право и научно-технический прогресс / А.В. Зырянов // IP: теория и практика. – 2025. – № 4.

State, law and scientific-technical progress

Alexey V. Zyryanov,

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia,

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Labor Law

<https://orcid.org/0000-0002-6364-1812>; SPIN-код: 9925-6252

zav-nauka@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the revolutionary changes that scientific and technological progress (STP) brings to all spheres of society. The state, as a key actor in social processes, cannot remain aloof from the dynamically developing scientific and technological landscape. The article argues that the effectiveness of the interaction between the legislative and technical spheres determines not only economic but also social stability. The purpose of the work is to analyze the relationship between the state, law and STP through the prism of three industrial revolutions. Based on historical-legal and comparative-legal methods, it is investigated how technological breakthroughs determine state development and stimulate the formation of new legal institutions – from labor and nuclear law to digital law and remote legal proceedings. It is concluded that the emergence of serious technological innovations inevitably gives rise to their legal regulation, and the ability of the legal system to adapt to rapidly changing conditions determines the degree of protection of citizens' rights and the effectiveness of the realization of the country's scientific and technical potential.

Keywords: scientific and technological progress, state development, legal regulation, industrial revolution, technological innovations, digital law, remote legal proceedings, globalization

For citation: Zyryanov A.V. State, law and scientific-technical progress // IP: theory and practice. 2025. No. 4.

Введение

Актуальность темы обусловлена революционными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества в результате научно-технического прогресса (далее – НТП). Государство, выполняя свою основополагающую функцию актора социальных процессов, не может оставаться в стороне от динамично развивающегося научно-технического ландшафта. От того, насколько эффективно будут взаимодействовать законодательная и

техническая сферы, зависит не только экономическая, но и социальная стабильность в стране. Важнейшим аспектом данной проблематики является создание оптимальной правовой базы, стимулирующей развитие инноваций и защищающей права и свободы граждан. Целью настоящей статьи является анализ взаимовлияния государства, права и НТП на различных исторических этапах, выявление закономерностей правового реагирования на технологические вызовы и определение перспектив развития права в условиях ускоряющегося научно-технического развития.

Методы

Исследование основано на комплексе общенаучных и частнонаучных методов. Ведущую роль играют историко-правовой метод, позволивший проследить эволюцию взаимодействия государства, права и НТП в контексте трех промышленных революций, и сравнительно-правовой метод, использованный для анализа особенностей правового регулирования новых технологий в различных странах (Великобритания, Германия, Япония, Россия, США, ЕС). Также применялись методы системного анализа, синтеза и аналогии при рассмотрении НТП как комплексного фактора, влияющего на государственное развитие и формирование новых отраслей и институтов права.

Основное исследование

Понятие и сущность научно-технического прогресса. Прежде чем определить роль научно-технического прогресса в жизни общества, необходимо разобраться, что же такое научно-технический прогресс, его понятие и сущность.

Так, М.А. Железнякова указывает: «Научно-технический прогресс – это непрерывный и сложный процесс открытия и использования новых знаний и достижений в хозяйственной жизни» [1]. При этом «благодаря ему происходит развитие и совершенствование всех элементов производительных сил. Быстрый скачок в сближении научно-технического процесса произошел в период промышленной революции». Понятие научно-технического прогресса

также можно рассматривать в узком и широком смысле. Эти понятия раскрывает и Е.В. Иванова: «Научно-технический прогресс (НТП) в буквальном понимании означает непрерывный взаимообусловленный процесс развития науки и техники, а в более широком значении постоянный процесс создания новых и совершенствования применяемых технологий, средств производства и конечной продукции с использованием достижений науки» [2].

Эти точки зрения позволяют сделать вывод, что научно-технический прогресс – это массовое внедрение во все сферы жизни человека достижений научной и инженерной мысли, которое приводит к совершенствованию окружающей его среды.

Анализ понятия научно-технической революции и ее сущности позволяет сделать вывод о том, что она связана с государственным развитием. Так, С.С. Булдыгин выделил три этапа промышленных революций, относительно которых мы рассмотрим связь государственного развития и научно-технического прогресса [3].

Первая научно-техническая революция и государственное развитие. Первая научно-техническая революция происходила в рамках конца XVIII – начала XIX вв. Ярким примером на этом этапе является опыт Великобритании. Основные изменения коснулись сферы производства: были внедрены машины, автоматизирующие труд, что способствовало переходу от ручного труда к машинному и от аграрного общества к индустриализированному. В центре промышленной революции находились значительные изобретения, которые изменили ключевые отрасли – прежде всего текстильную. Вязальная машина Джеймса Харгривса («спиннинг-дженни»), созданная в 60-х годах XVIII в. [4], водяная рама Ричарда Аркрайта, мул-машина Сэмюэла Кромптона позволили значительно увеличить производство ткани. Это, в свою очередь, привело к росту фабрик и массовому производству. Также ключевым было изобретение паровой машины Джеймсом Уаттом в 1769 г., которая стала применяться не только на

текстильных фабриках, но и в качестве двигателя для железнодорожного транспорта [4].

В связи с развитием таких технологий государственное развитие происходит в разных сферах.

Экономическая сфера. С переходом к фабричному производству значительно возросла производительность труда, что способствовало удешевлению товаров и увеличению их доступности. Это в свою очередь стимулировало спрос и приводило к расширению рынков. Развитие транспортной инфраструктуры, в частности железных дорог, ускорило коммерческий обмен между различными регионами страны и усилило интеграцию национального рынка. *Социальная сфера.* Промышленная революция привела к значительным социальным изменениям, включая урбанизацию и изменение социальной структуры общества. Появляется рабочий класс, который стал основной рабочей силой на фабриках, вырос в численности и стал ключевым социальным слоем [4, с. 497]. Условия труда часто были тяжелыми, что стимулировало волнения и стачки, способствовав формированию первых трудовых союзов.

Альтернативная ситуация складывалась в Германии. Научно-техническому прогрессу предшествовало государственное развитие. Так, сначала, в 1834 г. появился «германский таможенный союз» (далее – ГТС) [5], благодаря которому активно начало развиваться предпринимательство. «Данный процесс невозможно себе представить без массового внедрения инноваций и высокой инвестиционной готовности. Все это подкреплялось стандартизацией правовых норм и мероприятиями по упорядочению денежного обращения, которые без ГТС вряд ли были бы реализованы столь скоро. Именно после основания ГТС началось массовое железнодорожное строительство, которое, наряду с реализацией принципа свободного судоходства по германским рекам, привело к резкому снижению транспортных расходов, одновременно надежно связав между собой прежде разрозненные региональные рынки Германии» [5].

Отсюда первая промышленная революция означала радикальное преобразование в жизни людей. Рост промышленных городов привел к массовой миграции сельского населения в города, что вызвало изменения в социальной структуре, увеличение рабочей силы и расширение потребительских рынков. Государства стали активнее участвовать в экономической жизни, ввязываясь в регулирование трудовых отношений, образования и общественного здравоохранения в ответ на новые социальные вызовы. Государственные системы начали адаптироваться к новым реалиям, стимулируя дальнейшее развитие промышленности и технологий через создание инфраструктурных проектов, социальное законодательство и поддержку инноваций.

Вторая научно-техническая революция и государственное развитие. Вторая научно-техническая революция, происходившая в конце XIX – начале XX вв. Рассмотрим связь государственного развития и научно-технического прогресса в контексте Японии. Аспекты второй промышленной революции раскрываются в работах авторов В.А. Погребинской и И.Ю. Авдакова [6; 7]. Вторая промышленная революция в Японии тесно связана с процессами государственного развития, начавшимися с периода Мейдзи (1868–1912). Это было время интенсивной модернизации и реформ по западному образцу, целью которых было превращение страны в современное индустриальное государство, способное конкурировать с Западом на международной арене.

Одним из первых шагов стало внедрение западных технологий и образовательных методик. Японское правительство отправило множество студентов за рубеж, в основном в Соединенные Штаты Америки и Европу, для изучения наук, техники и промышленного производства. Параллельно с этим в Японии начали создаваться учебные заведения по западному образцу, включая инженерные и технические школы.

Для модернизации экономики японское государство активно вкладывалось в приоритетные сектора: шелководство, горнодобывающую

промышленность, судостроение и транспорт. Оно не только создавало госпредприятия, но и поддерживало субсидиями частный бизнес, готовый к обновлению. Параллельно развивалась инфраструктура: строились железные дороги, порты и телеграф, что улучшало логистику и ускоряло рост. Для быстрого рывка Япония заимствовала зарубежные технологии и капитал, а также привлекала иностранных специалистов. С начала XX в. экономика стала милитаризоваться: нужды обороны стимулировали развитие тяжелой промышленности и модернизацию армии, что в итоге повлияло на участие страны в международных конфликтах.

Этот период отличался внедрением новых источников энергии, таких как электричество и нефть, которые способствовали развитию новых отраслей, включая автомобильную и химическую промышленности [8]. Автор ссылается на работу В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916), где раскрываются масштабы изменений, вызванных второй промышленной революцией и их влияние на государственное развитие через призму теории марксизма [8]. Рассматривая особенности империализма в различных странах, Ленин выделяет, как каждое государство адаптировалось к новым экономическим условиям, диктуемым развитием промышленности и капитала. Например, английский империализм, по его мнению, в значительной степени основывался на колониальных завоеваниях, что способствовало расширению рынков и сырьевых баз, в то время как французский империализм носил характер «ростовщического» капитала, олицетворяющего развитие финансовых капиталов, которые активно занимались денежными операциями внутри и за пределами страны.

Американский «трестовский» империализм отражал развитие крупных корпоративных монополий, контролирующих ключевые отрасли экономики, что позволяло государству укреплять свои позиции через индустриализацию и технологические инновации. Германский империализм, по мнению Ленина, находился под влиянием союза «юнкерского» аграрного класса и буржуазии, сосредоточивая усилия на промышленном росте и милитаризации.

«Если первый промышленный переворот конца XVIII – начала XIX в. массово породил индустриальный пролетариат и промышленную буржуазию, то вторая технологическая революция обусловила возникновение новых средних слоев, в первую очередь – интеллигенции, гуманитарной и особенно технической» [8].

Третья научно-техническая революция и государственное развитие. Третья научно-техническая революция [9] происходила во второй половине XX – начале XXI в., для нее характерно распространение информационных технологий, автоматизация производства и переход от традиционного производства к высокотехнологичным процессам и услугам.

Третья научно-техническая революция ознаменовалась рядом значительных технологических прорывов и открытий. Этот период включает в себя разработку и внедрение атомной и водородной бомб, создание первых баллистических ракет и запуск искусственных спутников. Также стали широко использоваться телевизоры, транзисторы, электронно-вычислительные машины и радары. В медицине началось применение пенициллина, в материаловедении – синтетических волокон и полиамидных пластмасс. Развитие электроники значительно продвинулось благодаря появлению интегральных схем, микропроцессоров и лазеров. В транспорте появились атомные электростанции, атомные подводные лодки и ледоколы, а также реактивные пассажирские самолеты и скоростные железнодорожные экспрессы. Космическая отрасль претерпела революцию с началом пилотируемой космонавтики и запуском спутников связи. В биотехнологиях начались исследования в области генной и клеточной инженерии, появление персональных компьютеров и зарождение Интернета ознаменовали новую эру в информационных технологиях.

НТР, которая происходила в середине и второй половине XX в., значительно расширила ассортимент производимых товаров. Одной из ключевых черт НТР стала быстрая сменяемость товарной номенклатуры, которая в развитых странах обновлялась наполовину каждые 2–3 года. Это

стало возможно благодаря использованию разнообразных технологий производства. Основным направлением технического прогресса было уменьшение размеров техники, что позволило успешно использовать станки-автоматы, гибкие производственные системы и робототехнику как на больших заводах, так и в маленьких мастерских. Это привело к возникновению множества производственных ниш, где мелкое и среднее производство зачастую оказывалось более конкурентоспособным по сравнению с крупными предприятиями из-за своей гибкости и способности адаптироваться к изменениям на рынке.

В результате в развитых странах сложилась эффективная экономическая система, включающая как крупные многофункциональные компании, так и множество малых и средних предприятий. Некоторые из них были интегрированы в структуру крупных корпораций, другие сотрудничали с ними как независимые единицы, либо самостоятельно занимались освоением новых рыночных сегментов.

Кроме того, НТР привела к новому этапу в международном разделении труда, что повысило уровень глобализации. Все это в совокупности способствовало значительному усилению динаминости мировой экономики и улучшению ее работы на национальном уровне. Появление новых технологий в рамках НТР значительно повлияло на государственное развитие в различных странах. Обширное применение новейших научных достижений и технологий позволило государствам переосмыслить свои приоритеты в области политики, экономики и социальной сферы.

Процесс государственного развития и глобализации подробно разобрал С.В. Понамаренко [10]. Развитие технологий, в том числе транспорта и коммуникаций, способствовало глобализации. Ускоренное движение товаров, услуг, данных и капиталов увеличило международную торговлю и инвестиции. Экономическая интеграция, примером которой может служить создание Европейского союза, устранила множество торговых и тарифных барьеров между странами.

Новые технологии ускорили развитие науки, экономики и социальной сферы, а также способствовали укреплению международного сотрудничества и всестороннему прогрессу.

Взаимосвязь научно-технического прогресса и права. Рассмотрим, как связаны между собой научно-технический прогресс и право. В мире, где научно-технический прогресс неуклонно движется вперед, право иногда отстает, а иногда идет в ногу с ним, адаптируясь к новым реалиям и вызовам. Исторически законодательство всегда реагировало на изменения, вносимые технологическим развитием в обыденную жизнь общества, обеспечивая регулирование новых угроз и возможностей.

Начнем анализ взаимосвязи НТП и права на элементарном примере появления организации дорожного движения. С развитием автомобильного транспорта правила становились более сложными и учитывали новые технологические и социальные аспекты. Уже в 1909 г. в Париже, была принята первая международная конвенция о дорожном движении [11].

Таким образом, в ответ на появление автомобилей и рост аварийности были разработаны ПДД, которые направлены на обеспечение безопасности участников движения. Изобретение светофоров, дорожных знаков, перекрестных систем управления, а также методов оценки состояния водителей (например, алкотестеров) свидетельствует о том, как технический прогресс влиял на формирование правил дорожного движения.

Как уже было упомянуто, во время первой научно-технической революции происходит переход к фабричному производству. Вместе с тем зарождается и трудовое право. Научные открытия в области ядерной физики способствовали разработке ядерного оружия, что, в свою очередь, стимулировало создание правовой базы для его регулирования и контроля. Понимание возможных рисков и последствий использования ядерных технологий вынудило международное сообщество разрабатывать сложные и многоаспектные правовые механизмы для предотвращения возможных катастроф.

Так, например, после Карибского кризиса активно принимались международные договоры и соглашения насчет ядерных технологий. В пример можно привести следующие акты:

- Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который был открыт для подписания в 1968 г. и вступил в силу в 1970 г. [12]. Договор был нацелен на предотвращение распространения ядерного оружия и ядерных взрывных устройств, продвижение сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии и достижение цели полного разоружения;
- Конвенция МАГАТЭ о физической защите ядерного материала (1979/1987) – регулирует меры по обеспечению безопасности перевозок ядерного материала;
- Конвенция МАГАТЭ о ядерной безопасности (1994) – касается безопасности атомных станций;
- Соглашение о радиологической защите и безопасности источников излучения (1996) [13].

В свою очередь, изобретение международной сети Интернет также не могло пройти вне государственно-правового регулирования.

С появлением Интернета возникла необходимость в новом подходе к правовому регулированию. Это привело к формированию интернет-цифрового права как системы нормативных актов, охватывающих различные аспекты использования Интернета и связанных с ним технологий.

Примеры правовых актов, появившихся в целях регуляции интернет-пространства таковы.

Европейский союз: Общий регламент о защите данных (GDPR, 2016), представляющий собой комплексный законодательный акт, регулирующий обработку персональных данных граждан; Директива ePrivacy (2002, пересмотренная в 2009), обеспечивающая конфиденциальность в секторе электронной коммуникации.

США: Закон о защите прав потребителей в Интернете (Children's Online Privacy Protection Act – COPPA, 1998) направлен на защиту информации о

детях моложе 13 лет; Закон о приватности в Интернете (Internet Privacy Act), который не существует как формализованный документ, но понятие защищено через различные статьи и законы на уровне штатов.

Россия: Федеральный закон «О персональных данных» (2006, ред. 06.02.2023) и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006, ред. 12.12.2023).

В частности, с началом пандемии COVID-19 многие страны столкнулись с необходимостью пересмотра традиционных подходов к судопроизводству. В России принятие мер по внедрению дистанционных технологий позволило сохранить доступность и эффективность правосудия в условиях ограничительных мер.

Наиболее подробно данный вопрос разбирает в своей работе А.С. Герман «Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации» [14]. Законодательные инициативы, разработанные в связи с пандемией, предусматривают возможность проведения судебных заседаний в видеоформате с использованием специализированного программного обеспечения.

«В нашем государстве проведение процессуальных действий с использованием средств видеоконференцсвязи в настоящее время – дистанционное участие в заседаниях суда – предусмотрено всеми процессуальными кодексами Российской Федерации и осуществляется на основании ст. 35, 240, 241, 278.1, 293, 389.12, 389.13, 399, 401.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; ст. 10, 55, 152, 155.1, 169, 177, 187, 229, 327, 386, 391.10, 396 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; ст. 11, 64, 136, 153.1, 155, 158, 159, 291.12, 308.9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; ст. 11, 59, 70, 135, 138, 142, 146, 148, 152, 160, 161, 205, 206 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации; ст. 24.3, 26.2, 29.4, 29.14, 30.4, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [14].

Дистанционное судопроизводство в России не является новой практикой и имеет свои корни задолго до пандемии COVID-19. Первые шаги к использованию видеоконференцсвязи в судопроизводстве были сделаны еще в 2000 г. [14], когда Верховный Суд Российской Федерации провел первое судебное заседание в режиме удаленного присутствия осужденных.

С тех пор видеоконференцсвязь начала активно внедряться в практику российских судов, а опыт ее использования расширялся и углублялся. Законодательство РФ адаптировано для поддержки таких изменений: дистанционное участие в заседаниях суда регламентировано во всех процессуальных кодексах Российской Федерации через множество статей, обеспечивающих правовую основу для проведения процессуальных действий через средства видеосвязи, опыт применения которых насчитывает уже более двух десятилетий.

Заключение

В силу изложенного очевидна связь между развитием научно-технологического прогресса и права. Появление новых серьезных технологических новшеств неизбежно порождает урегулирование таковых правовыми нормами, что влечет за собой развитие права. В эпоху глобализации и технических новаций способность правовой системы адаптироваться к быстро меняющимся условиям определяет степень защиты прав и свобод граждан, а также эффективность реализации научно-технического потенциала страны.

Список литературы

1. Железнякова М.А. Научно-технический прогресс и его роль в развитии общества / М.А. Железнякова: III Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения), Москва, 13 мая 2022 года. – Москва: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2022. – С. 524–528.
2. Иванова Е.В. Сущность НТП // European research. – 2016. – №1 (12). – С. 58–60.

3. Булдыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 124–130.
4. Пресмаков В.В. Промышленный переворот в Англии / В.В. Пресмаков, Д.М. Широких // Экономика и социум. – 2014. – №4-4 (13). – С. 493–497.
5. Таможенный союз // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2010. – №8. – С. 210–215.
6. Авдаков И.Ю. Особенности первой промышленной и второй технологической революций на транспорте Японии / И.Ю. Авдаков // Вестник Института востоковедения РАН. – 2023. – № 3(25). – С. 220–226.
7. Погребинская В.А. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. – 2005. – № 10. – С. 106–118.
8. Худокормов А.Г. История второй промышленной революции (в помощь лектору) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2022. – Том 14, Выпуск 4. – С. 25–36.
9. Худокормов А.Г. Научно-техническая революция в XX веке (в помощь лектору) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2023. – Том 15, Выпуск 1. – С. 7–36.
10. Пономаренко С.В. Влияние процессов глобализации на развитие государства // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 2(218). – С. 33–35.
11. Кораблев Р.А. Развитие и современное состояние работ по организации дорожного движения: Учебное пособие / Кораблев Р.А. – Воронеж: ВГЛТУ им. Г.Ф. Морозова, 2016. – 315 с.
12. Воробьев С.В. Ядерное оружие в современных международных отношениях: учебное пособие / С.В. Воробьев, Т.В. Каширина. – 4-е изд., перераб. – Москва: Дашков и К, 2023. – 190 с.
13. Лизикова М.С. Совершенствование международного режима регулирования безопасности в области использования атомной энергии // Право и практика. – 2019. – №2. – С. 261–263.
14. Герман А.С. Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации // Правосудие/Justice. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 100–118.

References

1. Zheleznyakova M.A. *Nauchno-tehnicheskiy progress i ego rol' v razvitiu obshchestva = Scientific and Technological Progress and Its Role in the Development of Society*. In III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu obrazovaniya SSSR (VI Gubkinskiye

Gumanitarnyye chteniya). Moscow, *RGU nefti i gaza (NIU) imeni I.M. Gubkina* *Publ.* 2022, pp. 524–528 (in Russ.).

2. Ivanova E.V. The Essence of Scientific and Technological Progress. *European research*. 2016. No. 1(12), pp. 58–60 (in Russ.).

3. Buldygin S.S. The Concept of the Industrial Revolution: From Its Appearance to the Present Day. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 420, pp. 124–130 (in Russ.).

4. Presmakov V.V., Shirokikh D.M. The Industrial Revolution in England. *Ekonomika i sotsium = Economy and society*. 2014. No. 4-4(13), pp. 493–497 (in Russ.).

5. Customs Union. *Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2010. No. 8, pp. 210–215 (in Russ.).

6. Avdakov I.Yu. Features of the First Industrial and Second Technological Revolutions in Japanese Transport. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN = Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 3(25), pp. 220–226 (in Russ.).

7. Pogrebniskaya V.A. The Second Industrial Revolution. *Ekonomicheskiy zhurnal = Economic Journal*. 2005. No. 10, pp. 106–118 (in Russ.).

8. Khudokormov A.G. History of the Second Industrial Revolution (To Assist the Lecturer). *Scientific research of the Faculty of Economics = Nauchnyye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta*. 2022, vol. 14, No. 4, pp. 25–36 (in Russ.).

9. Khudokormov A.G. Scientific and Technological Revolution in the 20th Century (To Assist the Lecturer). *Scientific research of the Faculty of Economics = Nauchnyye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*, 2023, vol. 15. No. 1, pp. 7–36 (in Russ.).

10. Ponomarenko S.V. The Impact of Globalization Processes on State Development. *Agrarnoye i zemel'noye pravo = Agrarian and land law*. 2023. No. 2(218), pp. 33–35 (in Russ.).

11. Korablev R.A. *Razvitiye i sovremennoye sostoyaniye rabot po organizatsii dorozhnogo dvizheniya = Development and Current State of Traffic Management Works*. Voronezh, *VGLTU im. G.F. Morozova* *Publ.*, 2016. 315 p. (in Russ.).

12. Vorob'ev S.V., Kashirina, T.V. *Yadernoye oruzhiye v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh = Nuclear Weapons in Modern International Relations*. 4th ed. Moscow, *Dashkov i K* *Publ.* 2023. 190 p. (in Russ.).

13. Lizikova M.S. Improving the International Security Regulation Regime in the Field of Atomic Energy Use. *Law and practice = Pravo i praktika*, 2019. No. 2, pp. 261–263 (in Russ.).

14. German A.S. Remote Legal Proceedings in the Supreme Court of the Russian Federation. *Pravosudie = Justice*. 2020, vol. 2. No. 3, pp. 100–118 (in Russ.).

Статья поступила: 15.10.2025, принята к публикации: 04.12.2025.

© Зырянов А.В., 2025

Научная статья
УДК 340.12

О регуляторах в правовом регулировании

Владимир Михайлович Сырых,

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Москва, Россия

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Аннотация. Обосновано, что механическое перенесение в правовую науку понятий «регулятор» и «регулирование», первоначально сформировавшихся в технических науках и теории управления, без учета их родового значения приводит к формированию методологически несостоятельных концепций правового регулирования. Критикуется господствующий в российской юриспруденции позитивистский подход, отождествляющий правовые нормы с регуляторами общественных отношений. Доказано, что нормы права, будучи разновидностью проектно-конструкторской документации, сами по себе не могут обеспечивать перевод общих предписаний на уровень конкретных отношений. Реальным регулятором выступает специальный механизм правореализации, в частном праве представленный самими индивидами, а в публичном – правоприменительными органами. Правотворческая деятельность характеризуется как вид социально-правовой инженерии, эффективность которой зависит от степени учета объективных закономерностей и конкретно-исторических условий.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовой регулятор, норма права, технический регулятор, механизм правореализации, законотворчество, социальная инженерия.

Для цитирования: Сырых В.М. О регуляторах в правовом регулировании // IP: теория и практика. 2025. № 4. (12).

Original article

On Regulators in Legal Regulation

Vladimir M. Syrykh,

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russia,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Abstract. It is substantiated that the mechanical transfer of the concepts of "regulator" and "regulation", originally formed in technical sciences and management theory, to legal science without taking into account their generic meaning leads to the formation of methodologically untenable concepts of legal regulation. The positivistic approach, dominant in Russian jurisprudence, identifying legal norms with regulators of social relations is criticized. It is proven that legal norms, being a type of design documentation, cannot in themselves ensure the translation of general instructions to the level of specific relations. The real regulator is a special mechanism for the implementation of law, represented in private law by individuals themselves, and in public law by law enforcement agencies. Lawmaking activity is characterized as a type of socio-legal engineering, the effectiveness of which depends on the degree of consideration of objective laws and specific historical conditions.

Keywords: legal regulation, legal regulator, legal norm, technical regulator, mechanism of law enforcement, lawmaking, social engineering.

For citation: Syrykh V.M. On regulators in legal regulation // IP: theory and practice. 2025. No. 4. (12).

Введение

Понятия «правовое регулирование» и «правовой регулятор» являются фундаментальными для юридической науки и практики. Они повсеместно используются для описания функции права – упорядочивать общественные отношения, направляя поведение людей и организаций в заданное русло. Сложившаяся в отечественном правоведении, во многом благодаря трудам С.С. Алексеева, традиционная позитивистская доктрина прочно утвердила взгляд на нормы права, закрепленные в законодательстве, как на непосредственный и основной регулятор общественных отношений и поведения. В настоящей статье эта устоявшаяся парадигма поставлена под обоснованное сомнение, поскольку в ней выявлена глубокая методологическая ошибка, которая заключается в смысловом разрыве между исходным, техническим значением терминов «регулятор» и «регулирование»,

и их некорректным использованием в теории права: регулятор в режиме реального времени отслеживает работу системы и обеспечивает поддержание ее параметров в заданных пределах, тогда как позитивное право, законодательство таковым не является, а выступает аналогом проектной документации – набором инструкций и чертежей, описывающих, как такой механизм должен работать. Именование последних «регулятором» приводит к ряду серьезных последствий: формированию мифологизированного представления о всемогуществе закона, неспособности объяснить, почему многие правовые нормы остаются нереализованными, и забвению истинных механизмов правореализации, где реальными «регуляторами» выступают сами субъекты права и правоприменительные органы. Необходимость пересмотра сложившихся dogm подробно аргументирована в монографическом труде автора (Сырых, В.М. Основы материалистической теории права: В 4 томах. Т. 1. / В. М. Сырых. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2022. – 568 с.), концентрированное же изложение авторских идей, представленное в настоящей статье, призвано охватить более широкий круг читателей и пригласить к научной дискуссии.

Методы

На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего положения технических наук, кибернетики, теории управления и юриспруденции, проведен сравнительный анализ родового понятия «регулятор» и его видовой модификации в праве и правовом регулировании; диалектический и формально-логический методы использованы для выявления противоречий в сложившихся правовых концепциях, а также системный при рассмотрении законодательства как аналога проектно-конструкторской документации, а не регулятора.

Основное исследование

Термины «регулирование», «регулятор» первоначально возникли в технических науках в целях обеспечения заданных показателей (технических

норм) деятельности технического устройства, машины, автомата. В общем виде регулятор – это компонент саморегулируемой системы, выполняющий с участием человека или без его вмешательства какие-либо функции, действия. Например, автомобиль способен передвигаться с достаточно высокой скоростью, телевизор – обеспечивать качественное изображение и звук, стиральная машина – отстирывать от загрязнений текстильные изделия и др.

Надлежащее выполнение техническим устройством своих функций обеспечивается согласованным действием составляющих его компонентов, а контроль за уровнем их согласованности осуществляется посредством приборов, устройств, действующих автоматически либо с участием человека. Например, одним из регуляторов бытового холодильника выступает прибор, обеспечивающий установление и поддержание в холодильной камере более низкой температуры по сравнению с комнатной.

Регулятор холодильника включает в себя, во-первых, средство, позволяющее по желанию пользователя устанавливать нужную температуру в холодильной камере; во-вторых, компрессор, способный обеспечивать заданную температуру; в-третьих, прибор, осуществляющий контроль уровня температуры в холодильной камере; и, в-четвертых, средство, включающее компрессор в случае установления в камере температуры, превышающей заданную, и отключающее компрессор при достижении нужной температуры. Примером регулирования техническим устройством с участием человека может служить деятельность водителя автомобиля, который с учетом ситуации на дороге избирает оптимальный режим передвижения: скорость езды, соблюдение правил дорожного движения, обезд препятствий и др.

Регулятор, как правило, выполняет ряд взаимосвязанных функций, в том числе: 1) закрепляет количественные и качественные показатели действующего объекта; 2) обеспечивает функционирование объекта на уровне заданных показателей; 3) определяет уровень соответствия показателей, фактически обеспечиваемых объектом, заданным; 4) приводит в действие

механизм, способный привести фактические показатели в соответствие с заданными. При этом нужно учитывать, что успех действия регулятора находится в прямой зависимости от уровня его соответствия действующим законам природы.

Процесс разработки технического устройства и его регуляторов представляет собой сложную познавательную деятельность на уровне опытно-конструкторских работ. Результаты опытно-конструкторских работ завершаются разработкой соответствующего технического устройства, которое самым детальным образом объективируется пока что «на бумаге», в виде разного рода документации, закрепляющей технические правила, приемы, методы, каким путем следует действовать, чтобы обеспечить воплощение проектируемого устройства в производственную или иную деятельность. Конструкторская деятельность ограничивается созданием опытного образца технического средства как бесспорного свидетельства действенности и действительности предлагаемого проекта. Соответственно, на этой стадии все проектируемые регуляторы существуют в голове их создателей и никакого воздействия на практику не оказывают.

Реальное действие регуляторов приходится на стадию эксплуатации соответствующего технического устройства. Стадия может наступить не так уж скоро, лишь после того, как проектируемое техническое устройство будет запущено в серийное производство, затем поступит на рынок, далее будет пользоваться спросом у потребителей и, наконец, найдет широкое применение в практической деятельности. Поскольку у современного технического устройства чаще всего имеется несколько регуляторов, то эффективное действие каждого из них становится возможным при условии успешного действия всех остальных. И в этом отношении системность технического устройства отличается от правовых связей, носящих суммативный характер. Конкретное отношение является действительным независимо от действительности и эффективности аналогичных связей других субъектов права.

Таким образом, *регулятор* – это система «человек + техническое средство» либо совокупность приборов, технических средств, действующих автоматически, без участия человека, посредством которых задаются те или иные количественные или качественные показатели действия технического устройства. Одна из ведущих функций регулятора состоит в обеспечении режима деятельности технического устройства в зависимости от условий его работы. Способность регулятора обеспечивать действие механизма в режиме заданных показателей, стандартов понимается как *регулирование*.

Суть регулирования состоит в том, что регулятор следит за изменяющимися свойствами регулируемого устройства и меняет настройку регулирования с целью добиться наибольшего значения некоторой величины: расхода горючего, скорости, мощности и т.д. Для этого в конструкции регулятора имеется специальный прибор, осуществляющий контроль уровня регулируемой величины в зависимости от изменений режима работы устройства. Сообразно полученным сообщениям прибор дает команду сохранить направление изменения режима или переменить его, направить изменение в другую сторону [1].

При этом, что особенно важно, регулятор конкретного технического устройства является таковым постольку, поскольку обеспечивает надлежащее регулирование техническим устройством. Регулятор, не обеспечивающий выполнение функций управления устройством вследствие поломки или неспособности человека ввести его в работающее состояние, предстает в виде совокупности, груды бесполезного металла или пластмассы. В роли регулятора не могут выступать также разного рода письменные источники, содержащие информацию о составе регулятора, порядке его действия и др., несмотря на то, что ими закрепляются состав и порядок функционирования регулятора, равно как и показатели, параметры регулирования, а сами руководства носят обязательный характер. Обязательность технических норм обусловливается тем, что их соблюдение является необходимым условием результативной, безаварийной работы устройства.

Специалисты четко и последовательно отличают волю конструкторов о создании соответствующего регулятора от его аналога, воплощенного в металле и действующего в составе конкретного технического устройства. При этом регулятор действует в автономном режиме и обеспечивает исполнение всех возложенных на него функций приборами, устройствами, входящими в его состав. В подавляющем большинстве регуляторы работают по принципу отрицательной обратной связи с целью компенсировать внешние возмущения, действующие на объект управления и отработать сигнал, заданный извне или заложенный в программу системы [2].

Изложенные положения о регуляторах и регулировании в технических системах необходимо учитывать в правовой науке. Видовые понятия «правовое регулирование», «правовой регулятор» не могут трактоваться правоведами субъективно, вопреки сути и смыслу родовых понятий, как это имеет место в настоящее время. Иначе научное исследование превращается в спектакль, в игру в науку. Поэтому и результаты такой игры предстают типичной мифологией, в то же время ирреальный характер ее положений вуалируется применением научных терминов, значение которых явно не соответствует подлинному смыслу отображаемых ими научных понятий.

Несоответствие взглядов юристов основам кибернетики, теории регулирования обнаруживается в самом главном вопросе – способности позитивного права выступать регулятором общественных отношений. *Признание норм права в качестве регуляторов конкретных отношений прямо противоречит родовому понятию «регулятор».* *Нормативные предписания, существующие в форме письменных источников, нормативных документов, представляют собой разновидность проектной, конструкторской документации и могут выступать лишь носителями информации о воле законодателя.* Соответственно, законодательство само по себе не содержит средств, способных обеспечить перевод норм права на уровень конкретных отношений, представляет собой нечто вроде «телеги без колес».

Правовое регулирование осуществляется на стадии реализации норм права в конкретных отношениях посредством специальных средств, составляющих содержание механизма правореализации. Именно в этом механизме присутствует компонент, способный обеспечить перевод общего позитивного права на уровень предписаний отдельного, конкретного отношения; соответственно, он и выступает реальным регулятором общественных отношений. В частном праве таким регулятором выступает индивид, иные субъекты права, а в публичном праве – правоприменительные органы.

Нормы, не востребованные субъектами права, находятся в жалком состоянии предписаний, т.е. фактически утративших силу и действующих лишь формально, поскольку закрепивший их нормативный акт по тем или иным причинам остается не отмененным правотворческим органом. Определенная часть так называемых декларативных норм права оказывается бездействующей по вине правотворческого органа, не сумевшего или сознательно не создавшего действенного механизма реализации этих норм в конкретных отношениях. Следовательно, получается парадоксальная ситуация: законодательству предписываются свойства, которые оно реально обеспечить не может.

Правовой регулятор оказывается таковым по преимуществу в сознании идеологов позитивистской доктрины, разработанной к тому же схематично, неполно и неясно, без обстоятельного изучения ряда существенных аспектов законотворческой практики, не вписывающихся в узкие рамки концепции и опровергающих ее. Доктрина правового регулирования в работах ее основного идеолога С.С. Алексеева, которая поддерживается большей частью российских правоведов, порождает больше неясных вопросов, нежели содержит ответов на них.

Прежде всего обращает внимание несоответствие общих положений автора с обосновывающими их аргументами. Регулятивная статическая функция права, полагает автор, выражается в том, что оно «утверждает,

возводит в разряд «неприкословенных» господствующие общественные отношения. Решающее значение в осуществлении статической функции принадлежит институтам права собственности, юридическая суть которых в том и состоит, чтобы закрепить существующие имущественные порядки путем предоставления отдельным лицам наиболее широких и непосредственно осуществляемых правомочий владения, пользования и распоряжения» [3].

Следовательно, С.С. Алексеев говорит о двух методах регулятивно-статической функции права: «возводит в разряд «неприкословенных» господствующие общественные отношения» и закрепляет существующие имущественные порядки посредством предоставления отдельным лицам непосредственно осуществляемых ими правомочий владения, пользования и распоряжения. Однако приведенная им схема «Специально-юридические функции права и соответствующие им группы юридического инструментария» частично опровергает эти выводы.

Во-первых, фразу «возводит в разряд «неприкословенных» господствующие общественные отношения», по нашему мнению, следует понимать, как наделение названных отношений общеобязательным характером, обеспеченным государственными мерами защиты. Между тем «меры защиты», согласно схеме, входят в охранительную функцию, которая, по мнению автора, лежит за пределами регулятивных функций.

Во-вторых, раскрывая суть регулятивно-статической функции, С.С. Алексеев говорит только об управомочивающих нормах, тогда как, согласно схеме, регулятивно-статическая функция применяется также при *закреплении запрещающих норм*. Никаких пояснений по поводу данного несоответствия автор не дает.

В-третьих, автор признает, что право закрепляет «существующие имущественные порядки». Положение соответствует действительной природе законодательствования; именно этот вариант соотношения права и экономических отношений обосновывают классики марксизма, раскрывая

неспособность права выступать регулятором общественных отношений. С.С. Алексеев вместо того, чтобы, согласно логике своих взглядов, показать, в чем и как ошибаются классики марксизма, солидаризировался с ними.

Не лучше обстоит дело и с обоснованием регулятивно-динамической функции, суть которой С.С. Алексеев видит «в воздействии права на общественные отношения путем оформления их движения (динамики)». Но если это так, то при чем здесь регулирование? Ибо право знает единственный способ оформления динамики общественных отношений – их *закрепление* в конкретных источниках права. Но, как уже отмечалось, констатация в праве реально существующего и регулирование правом представляют собой качественно различные явления. Сторонник регулятивной функции права, стало быть, вновь мыслит алогично и наступает на горло собственной позиции, солидаризируясь со своими оппонентами.

Кроме того, и это самое главное, С.С. Алексеев значительно и неоправданно *упрощает многоаспектное, многоэлементное содержание законов, иных нормативных правовых актов*, сведя его к трем компонентам: позитивному обязыванию, дозволению и запретам. А каким же образом создаются, возводятся в закон процессуальные нормы, предписания, закрепляющие механизмы реализации норм права в конкретных отношениях, систему юридических фактов, порядок вступления в конкретные отношения и многое другое? Почему автор, довольствуясь малым, не раскрывает своего отношения к остальным компонентам системы права, не показывает, какими же методами осуществляется их регулирование?

Между тем вопрос о регулятивных потенциях законодательства в целом не является плодом праздных размышлений, а составляет суть теории законотворчества и общей теории права. Современный законодатель действует скорее сообразно марксистской теории, учитывает в проектируемых нормах реальное состояние экономики.

Всеобщая декларация прав человека, предписывающая каждому государству – члену ООН максимально полно обеспечить реальность

всеобщих прав и свобод человека, *прямо ориентирует* национальных законодателей на трезвый учет экономических, политических и иных условий реально сущего бытия общества и государства. Ибо государство не должен впадать в популизм, обещая предоставление гражданам благ за пределами своих возможностей. Предосудительной признается и публично-правовая политика, ориентированная на предоставление материальных благ имущим классам за счет умаления прав и свобод представителей среднего класса и малоимущих.

У государства, последовательно проводящего курс на проведение взвешенной, реально исполнимой социальной политики, нет иного пути, как *устанавливать, закреплять* меру правовых возможностей индивидов исходя из конкретно-исторических условий бытия общества и государства. Для субъективного *правового регулирования* в данном случае не остается места. При этом, что особенно важно, основополагающее положение о праве как способе *отражения, закрепления* реально сущих экономических отношений и явлений в современных условиях представляет собой не только благое пожелание на будущее, а реально сущую действительность, реально обеспеченную в ряде промышленно развитых стран (Норвегии, Швеции, Финляндии, ОАЭ, Катаре и др.).

Установление справедливой меры материальных и духовных благ, которую государство способно обеспечить всем и каждому, исходя из уровня развития экономики, культуры иных условий, требует непременного применения научно обоснованного подхода к учету и оценке имеющихся материальных и духовных благ и определению рациональных способов их распределения. Научно обоснованное законотворчество основывается на тех же эмпирических и теоретических знаниях, что и теоретическое исследование. Разница состоит лишь в том, что результатом применения данных науки в процессе теоретического анализа выступает новое достоверное знание природы, общества или мышления, тогда как труд законодателя

объективируется в законе, представляющем собой разновидность инженерно-конструкторской деятельности.

Законотворчество и юридическое научное познание представляют собой две органически взаимосвязанные, но качественно различные по целям и результатам освоения правовой действительности в процессе познания объективных закономерностей и подготовки проекта закона. Стадия познания закономерного и необходимого, хотя и составляет один из важнейших этапов формирования права, но лежит за пределами законотворческого процесса. Законодатель, безусловно, должен стремиться к тому, чтобы его нормативно-правовые установления максимально полно соответствовали объективным закономерностям. В то же время он выступает в роли проектировщика и непосредственно не проводит научных исследований по выявлению закономерностей функционирования и развития права.

В ходе подготовки законопроекта правотворческий орган оперирует имеющимися наличными теоретическими знаниями о праве, а также сведениями о результативности действующих норм права и опирается на передовой правотворческий опыт зарубежных стран. При этом чаще всего оказывается, что наука не располагает полными и точными знаниями объективных закономерностей, а имеющиеся знания носят преимущественно дискуссионный, проблематичный характер.

Сводя такие разнородные, неполные, противоречивые сведения в единое целое – концепцию проектируемого закона, правотворческий орган в лучшем случае может верно понять и выразить в проектируемых нормах теоретические знания, полученные в ходе специальных исследований и изложенные в юридической литературе. Конечно, в отдельных случаях орган, готовящий проект, может восполнить пробел правовой науки и собственными силами провести научное исследование. Однако такие действия для него носят эпизодический характер и не меняют сути его предметно-практической деятельности. В общем и целом, уровень теоретичности закона не может быть выше наличных знаний правовой науки. Признание того, что правотворческий

орган не творит науку, а довольствуется наличным научным знанием, не означает отрицания у этого органа права на творческое создание нового продукта, не известного ни науке, ни практике. Этим новым как раз и выступает проект закона.

Новизна законопроекта характеризуется прежде всего тем, что законодатель создает, проектирует модель определенного поведения субъектов общественных отношений с целью установления новых порядков или запрета общественных отношений, которые, по его мнению, мешают развитию, нормальному существованию общества и государства. В законопроекте требуется в абстрактном виде отразить существенные, повторяющиеся признаки моделируемого поведения таким образом, чтобы каждое общественное отношение, самое специфическое, самое запутанное получило бы в действующих нормах права все необходимые признаки и характеристики.

Выполнение этой общей задачи предполагает предварительное решение следующих задач, заметно отличающихся от установления запретов, правомочий и обязанностей, которыми С.С. Алексеев ограничивает суть правового регулирования.

Во-первых, законодательный орган должен изложить содержание нормы права и ответить на следующие вопросы: а) при каких конкретно условиях и обстоятельствах норма должна действовать; б) какие права и обязанности возникают в случае наступления событий, указанных в гипотезе нормы права; в) какие меры воздействия могут быть применены к нарушителям нормы права. Формулируя нормативно-правовые предписания, законотворческий орган должен видеть их взаимную связь и не допускать ситуаций, когда бы конкретные нормы права оказывались лишенными тех или иных элементов. При этом нельзя вступать в противоречие с действующим правом и, в первую очередь, с объективным правом, Конституцией РФ и основополагающими принципами отрасли права. Далее необходимо обеспечить доступность, реальность проектируемых прав для всех субъектов

права. В процессе действия закона не должно создаваться ситуаций, когда бы управомоченный субъект не мог реализовать своего права при наличии всех установленных законом фактов либо сталкивался со значительными затруднениями.

Во-вторых, в целях эффективного действия проектируемых норм следует закреплять в качестве объектов правоотношений такие материальные и иные блага, которые представляют реальную ценность для субъектов права и могут побудить их к реализации предоставленного законом полномочия. По настоящее время значительная часть действующих норм права не получает единодушной поддержки индивидов и иных субъектов права. По тем или иным причинам они не проявляют заинтересованности в активном и творческом обладании предоставленными им правами.

В-третьих, набор конкретных средств, составляющих механизм правового регулирования, не определяется произвольно, по желанию законодателя, а зависит от сферы и конкретно-исторических условий действия закона. Искусство законодателя в том и состоит, чтобы найти такие юридические средства, которые позволяли бы нейтрализовать негативные факторы и усиливали действие позитивных. В противном случае действие негативных факторов будет более интенсивным, нежели правовых средств и механизма правореализации в целом. Соответственно, и результаты действия закона будут менее значимы, чем планировал законодатель.

И, наконец, в-четвертых, проектирование названных задач законотворческим органом осложняется тем, что он закрепляет свои нормы на будущее, на те конкретно-исторические условия, которые наступят лишь впоследствии, в том числе благодаря проектируемому закону. Нестабильность законодательства, которая имеет место в многих современных странах, как раз свидетельствует о недостаточном учете законодателем исторических перспектив самодвижения общественных отношений, их основных тенденций развития. Следовательно, чем полнее и всестороннее законодатель сможет

предвидеть будущее, тем эффективнее и долговечнее будет действовать принятый им закон.

Таким образом, процесс творения закона представляет собой более сложную познавательную задачу, нежели формулирование запретов, правомочий и обязанностей. В стремлении вернуть абстрактные теоретические знания правовой науки в действительность в виде норм права законотворческий орган стоит перед выбором: какой же конкретно вариант правового поведения закрепить в качестве общеобязательного? Ибо одна и та же закономерность в разных условиях проявляет себя различным образом. Симптоматично и то, что в разных странах и даже у субъектов федеративного государства при регулировании однотипных, сходных общественных отношений чаще всего действуют различные варианты правового регулирования. Словом, законотворчество – это творческая интеллектуальная деятельность, способная вырабатывать и закреплять различные модели, варианты правового воздействия и тем самым вносить существенные корректизы в систему действующих норм права.

Между тем способность совершенствовать реальный мир – характерная черта не только правотворчества, а любой иной проектно-конструкторской работы. Весь созданный человеком материальный мир – здания, сооружения, машины, механизмы – можно рассматривать как материализованное знание, воплощенное в металле, бетоне или камне. В гносеологическом плане процесс проектирования, конструирования, изобретательства мало чем отличается от правотворческой деятельности. Все это представляет собой творческий труд, сопряженный с «опредмечиванием», переводом теоретических знаний в предметно-практическую деятельность по созданию новых, прогрессивных средств, способных обеспечить в полной мере систему постоянно возрастающих потребностей человека.

Законотворчество, будучи разновидностью проектно-конструкторской деятельности, обладает всеми ее родовыми признаками.

Во-первых, проектирование норм права, подобно любой конструкторской деятельности, имеет своим основанием объективные закономерности. Нормы права действуют тем эффективнее, чем полнее и точнее они соответствуют сути и содержанию принципов объективного права и закрепляют оптимальную модель их действия сообразно конкретно-историческим условиям соответствующего общества и государства. Государству и обществу неизменно гарантируется успешное прогрессивное их развитие во всех случаях, когда в нормах права удается закрепить оптимальный вариант их деятельности.

Необычайно быстрый рост экономики Китая, который наблюдается с начала 80-х прошлого столетия, стал возможен потому, что коммунистическое правительство страны сумело максимально полно учесть достоинства и недостатки национальной экономики и посредством права закрепило оптимальные пути ее развития. Ныне, за какие-то 40–50 лет, экономика Китая уверенно поднялась на второе место среди ведущих мировых экономик [4]. Иной была экономическая политика в 1958–1976 гг. при Мао Цзэдуне. Правовое закрепление и проведение волюнтаристских мер «великого кормчего» в виде «большого скачка», «культурной революции» удерживало национальную экономику в состоянии стагнации, производственный потенциал страны хронически отставал от промышленно развитых стран, а население испытывало хронический дефицит в продуктах питания и иных товарах народного потребления.

Однако подобные результаты действия законодательства достигаются скорее в порядке исключения. Традиционно действующий законодатель, поощряемый позитивистской доктриной на негативное отношение к правовой науке, ее рекомендациям, получает менее значимые, а порой и вовсе негативные результаты. Но независимо от отношений современного законодателя к науке, ее закономерностям, общий принцип обусловленности норм позитивного права объективным правом, его принципами является

необходимым условием успешного конструирования названных норм, социально-правовой инженерии.

Во-вторых, нормы права, как и всякий реально сущий объект, созданный человеком, представляют собой органическую часть предметно-практической деятельности, оценка которых не может проводиться с позиции таких критериев, как «истина» или «ложь». Кто, например, возьмется всерьез утверждать, что Эйфелева башня является истиной, а Пизанская башня – ложью, что современная атомная подводная лодка есть истина, а пирога индейца – ложь, что деревянный дом менее истинен, чем комфортабельный коттедж, ибо для материальных предметов, созданных человеком, главным является иное: способность удовлетворять его потребности и обеспечивать достижение поставленных целей. А поэтому оценка таких предметов осуществляется с точки зрения экономичности, полезности, безопасности и иных качеств, непосредственно характеризующих эти предметы и осуществляемые ими функции.

Категории истины и заблуждения мало что дают и для оценки норм права как «регуляторов общественных отношений». Детерминированность норм права правовыми принципами проявляется лишь в конечном итоге. Один и тот же принцип в разных конкретно-исторических условиях проявляет себя по-разному, действует инвариантно. И доказать преимущество какого-либо одного варианта над другим, апеллируя к принципам права, не представляется возможным.

Правотворческий орган закрепляет один из возможных вариантов правового регулирования в качестве общеобязательного, полагая, что именно этот вариант наилучшим образом соответствует современным потребностям общества. И уже в процессе действия устанавливается истинность, но не норм права, а их объективного основания – соответствующих принципов права. И там, где норма действует неэффективно, правотворческий орган вынужден вносить в нее корректизы с учетом имеющихся теоретических представлений «о должном» нормативно-правовом регулировании в соответствующей сфере.

Таким образом, норма права, как и всякий результат проектно-конструкторской деятельности, выступает средством перевода объективного права, его принципов в практическую сферу и критерием их истинности, достоверности. Для самих норм права данный критерий не приемлем. От них требуют иного – закрепление такого варианта перевода принципов права, который обеспечивал бы их реальное и эффективное действие. Соответственно, критерием совершенства норм права выступает эффективность их действия, правильность, действительность.

В-третьих, нормы права, подобно всем результатам творческой проектно-конструкторской работы, представляют собой объективированный на бумаге результат творческой мысли, воли, выраженной в решении внедрить в практику созданную модель. Вполне понятно, что на этой стадии ни один проект не способен осуществлять никаких функций созданной модели, в том числе нормы права не могут выступать регуляторами поведения индивидов и иных лиц на вступление в конкретные отношения. Подобные действия способен совершать лишь уполномоченный субъект, сообразно своим потребностям, интересам и материальным возможностям.

Таким образом, совпадение законотворчества по содержанию и конечным результатам с любой проектно-конструкторской работой дает основание рассматривать законотворчество как разновидность проектной работы, как вид социальной инженерии, требующей применения специфических методов и специально подготовленных к этой работе юридических кадров. С этих позиций имеются все основания отнести законотворчество к особому виду *прикладного, юридико-инженерного конструирования норм права, основанных на учете и применении объективного права сообразно конкретно-историческим условиям экономики, культуры, политики страны.*

Соответственно, опровергается основополагающий, давно устаревший принцип позитивистской доктрины *о регулировании правом общественных отношений*. Принцип был характерен для периода становления буржуазного

общества в связи с отсутствием глубоких научных знаний по вопросам экономики и права, а также широко распространенной практикой законодательного закрепления интересов экономически господствующего класса. В этой части Джон Остин, и сторонники его позитивистской доктрины не лукавят перед истиной. Соответственно, в обществе не было права, а, как справедливо признавали К. Маркс и Ф. Энгельс, действовала воля государствующего класса, возведенная в закон, т.е. законодательный произвол.

За последующие два столетия существенно изменились экономические отношения, правовая, экономическая и иные социальные науки, экономическая и публичная политика государства, что повлекло за собой существенную модификацию, совершенствование законодательствования. Современное государство, ориентированное на успешное развитие экономики, улучшение материального и культурного благосостояния населения, как показывает опыт Китая и других промышленно развитых стран, осуществляет научно обоснованную законодательную деятельность. Посредством детального изучения реального положения дел в стране законодатель *закрепляет* в законах меры, которые соответствуют объективному праву, реальному положению дел в сфере экономики, политики, непосредственно вытекают из них, обусловливаются и вследствие этого способны обеспечить дальнейшее прогрессивное развитие общества и государства.

Российские правоведы, упорно придерживающиеся давно устаревших доктрин, не соответствующих современной действительности, не желающие понять суть современных прогрессивных тенденций в правовой науке и юридической практике, рискуют превратить российское правоведение в скопление давно отживших, оторванных от жизни политico-правовых идей и концептов. Тем самым правовая наука вынуждена плестись в хвосте событий, вместо того чтобы освещать обществу и государству путь их дальнейшего прогрессивного и успешного развития.

Заключение

Подводя итог, следует выделить следующие ключевые положения:

- понятия «регулятор» и «регулирование» являются родовыми для технических наук и теории управления, а их видовое понимание в правоведении не должно противоречить родовым характеристикам этих категорий;
- нормы права, зафиксированные в законодательстве, представляют собой аналог проектно-конструкторской документации, но не сам регулятор, они являются носителем информации о воле законодателя, но не содержат механизмов для собственно регулирования общественных отношений;
- реальным регулятором общественных отношений выступает механизм правореализации, компонентами которого являются субъекты права (в частной сфере) и правоприменительные органы (в публичной сфере);
- правотворчество представляет собой разновидность социально-правовой инженерии – творческую деятельность по проектированию моделей поведения, эффективность которой зависит от степени учета объективных закономерностей и конкретно-исторических условий;
- критерием качества норм права является не их «истинность», а эффективность, практическая результативность и способность обеспечивать устойчивое развитие общества;
- господствующая в отечественной юриспруденции позитивистская доктрина правового регулирования, отождествляющая норму и регулятор, является методологически несостоятельной и требует пересмотра с учетом достижений кибернетики и теории управления.

Список литературы

1. Теплов Л.П. Очерки о кибернетике / Л.П. Теплов. – Москва: Московский рабочий, 1963. – С. 75.

2. Регулятор (теория управления). URL: [https://wiki2.org/ru/Регулятор_\(теория_управления\)](https://wiki2.org/ru/Регулятор_(теория_управления)) (дата обращения: 12.08.2025).
3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 1. – Москва: Юридическая литература, 1981. – С. 193.
4. Золотавин Л. Экономика Китая. Основные причины успеха китайской экономики. У Китая самая мощная экономика. URL: <https://thermik.ru/ekonomika-kitaya-osnovnye-prichiny-uspeha-kitaiskoi-ekonomiki-u-kitaya-samaya/> (дата обращения: 12.08.2025).

References

1. Teplov L.P. *Ocherki o kibernetike = Essays on Cybernetics*. Moscow: *Moskovskiy rabochiy Publ.* 1963. P. 75 (in Russ.).
2. *Regulyator (teoriya upravleniya) = Regulator (control theory)*. URL: [https://wiki2.org/ru/Регулятор_\(теория_управления\)](https://wiki2.org/ru/Регулятор_(теория_управления)) (date of access: 12.08.2025) (in Russ.).
3. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: V 2-kh t. T. 1 = General Theory of Law*: In 2 vol. Vol. 1. – Moscow: *Yuridicheskaya literatura Publ.* 1981. P. 193 (in Russ.).
4. Zolotavin L. *Ekonomika Kitaya. Osnovnyye prichiny uspekha kitayskoy ekonomiki. U Kitaya samaya moshchnaya ekonomika = China's Economy. The main reasons for the success of the Chinese economy. China has the most powerful economy*. URL: <https://thermik.ru/ekonomika-kitaya-osnovnye-prichiny-uspeha-kitaiskoi-ekonomiki-u-kitaya-samaya/> (date of access: 12.08.2025) (in Russ.).

Статья поступила: 20.11.2025, принята к публикации: 09.12.2025.

© Сырых В.М., 2025

Научная статья

УДК 327.3

Национальные интересы в условиях глобализации: вызовы и стратегии защиты

Фролова Наталья Алексеевна

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Брянск, Россия,

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Аннотация. Исследуется центральное противоречие современной эпохи – конфликт между моноцентрической моделью глобализации, навязываемой западным миром, и стремлением суверенных государств к защите национальных интересов и цивилизационной идентичности. На основе анализа конкретных практик финансово-экономического доминирования, размывания государственного суверенитета, культурно-ценностной экспансии и технологического разрыва выявлены системные угрозы, исходящие от либерально-глобалистского проекта. Доказано, что ключевым вызовом для государства становится необходимость сочетать интеграцию в мировые процессы с защитой фундаментальных ценностей: суверенитета, традиционных устоев, общественной солидарности и культурной идентичности. Предлагается комплексная стратегия защиты, включающая меры по обеспечению экономического и технологического суверенитета, информационно-культурной безопасности, укреплению политico-правовых институтов и реализации демографической политики, направленной на предотвращение замещения населения. Обоснован прогноз о том, что будущее принадлежит многополярной модели глобализации, основанной на взаимодействии цивилизаций.

Ключевые слова: глобализация, национальные интересы, государственный суверенитет, многополярный мир, демографическая безопасность, цивилизационная идентичность.

Для цитирования: Фролова Н.А. Национальные интересы в условиях глобализации: вызовы и стратегии защиты // IP: теория и практика. 2025. № 4. (12).

Original article

National interests in the context of globalization: challenges and protection strategies

Natalia A. Frolova

Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Bryansk, Russia,
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

Abstract. This article explores the central contradiction of the modern era: the conflict between the monocentric model of globalization imposed by the Western world and the desire of sovereign states to protect their national interests and civilizational identity. Based on an analysis of specific practices of financial and economic dominance, the erosion of state sovereignty, cultural and value expansion, and the technological divide, it identifies systemic threats emanating from the liberal globalist project. It demonstrates that the key challenge for states is the need to combine integration into global processes with the protection of fundamental values: sovereignty, traditional foundations, social solidarity, and cultural identity. A comprehensive defense strategy is proposed, including measures to ensure economic and technological sovereignty, information and cultural security, the strengthening of political and legal institutions, and the implementation of demographic policies aimed at preventing population replacement. A prediction is substantiated that the future belongs to a multipolar model of globalization based on the interaction of civilizations.

Keywords: globalization, national interests, state sovereignty, multipolar world, demographic security, civilizational identity.

For citation: Frolova N.A. National interests in the context of globalization: challenges and protection strategies // IP: theory and practice. 2025. No. 4. (12).

Введение

Центральным явлением в общемировом процессе развития является глобализация [1, 2, 3, 4, 5], сущность которой заключается в подчинении всего

человечества власти западного мира в лице многочисленных финансовых, экономических, политических и иных наднациональных организаций при ведущей роли США. Этот процесс обусловлен технологическим прогрессом, однако его идеологическое и политическое наполнение носит ярко выраженный моноцентрический характер, стремящийся к установлению однополярной модели мира. Национальные интересы любого государства имеют долгосрочный характер и определяют основные цели на его историческом пути, отражают объективные потребности народа в самосохранении и развитии, детерминированные геополитическим положением, историческими традициями и системой ценностей. В современную эпоху ключевым вызовом для государства становится необходимость сочетать защиту этих суверенных интересов с интеграцией в глобальные процессы. Противоречие между глобализацией по западному образцу и многополярным миром, отстаивающим цивилизационное разнообразие, формирует основную ось международной напряженности.

Основное исследование

Теоретический тезис о подчинении человечества наднациональным институтам сталкивается с рядом конкретных практических проблем. Первой является проблема финансово-экономического доминирования. Концентрация финансово-экономических ресурсов в руках «золотого миллиарда» и подконтрольных ему институтов, таких как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Банк международных расчетов, используется как механизм принуждения к странам, нуждающимся в займах, которые вынуждены выполнять диктуемые условия, так называемый «华盛顿ский консенсус», часто губительные для национальных экономик: сокращение социальных расходов, приватизация стратегических предприятий, открытие рынков для иностранных корпораций и т.д. Так, кризис в Греции в 2010-2015 годах стал ярким примером, когда меры жесткой

экономии, навязанные ЕС и МВФ, привели к резкому падению уровня жизни, росту безработицы и социальному взрыву.

Вторая проблема – размытие государственного суверенитета. Роль наднациональных институтов регулирования растет, а роль государственных барьеров – падает. Международные организации часто пытаются присвоить себе право принимать решения, традиционно являвшиеся прерогативой национальных правительств: правовое регулирование, экологические стандарты, цифровой суверенитет, права человека. И т.д. Так актуальные давления на Польшу и Венгрию со стороны структур ЕС с требованием изменить судебную и миграционную политику под предлогом защиты «европейских ценностей» следует оценивать как прямое вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Другой пример – деятельность неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа, которые ведут работу по изменению политического ландшафта в странах-мишенях, маскируя ее под развитие «гражданского общества».

Третьей проблемой является проблема культурно-ценостной экспансии, нередко именуемой гибридной войной. Через глобальные медиа, социальные сети и деятельность международных фондов (Сороса и др.), осуществляется информационное воздействие, разрушающее государствоориентированные ценности народов. Продвигается концепция прав человека, в которой индивидуальные права безотносительно гражданства превалируют над коллективными интересами семьи, нации, государства, ослабляющие их политическую идентичность.

Четвертая проблема – «утечка умов». Развитые страны через высокие зарплаты и лучшие условия для исследований переманивают к себе наиболее талантливых и образованных специалистов из развивающихся стран, что снижает вероятность технологического рывка и создает порочный круг зависимости.

Основополагающими условиями выживания и развития любого государства являются: суверенитет как верховенство государственной власти

внутри страны и независимость в международных делах; социальные ценности (семья, религия и т.д.); общественная солидарность как понимание общества как единого организма, где права неотделимы от обязанностей перед коллективом; культурная идентичность, препятствующая растворению народов в глобальном пространстве.

Указанным ценностям противостоят практики западного либерализма, включающие абсолютизацию прав человека до такой степени, что они начинают противоречить интересам общества, например, права сексуальных меньшинств против права большинства на сохранение традиционных устоев; культуры «отмены», пересмотр истории с позиции «вины белого человека» и т.п.

Для защиты национальных интересов в условиях глобализации государствам необходимо проводить многовекторную и стратегически выверенную политику в различных направлениях.

Во-первых, необходимо обеспечение экономического и технологического суверенитета через импортозамещение и развитие собственных критических технологий, создание полных циклов производства в стратегических отраслях; развитие национальных платежных систем, перевод расчетов в национальных валютах в торговле с дружественными странами, создание альтернативных межгосударственных финансовых институтов и т.д.

Во-вторых, важно поддерживать информационно-культурную конкуренцию, развитие национальных ИТ-платформ, создание собственных «цифровых пространств» для продвижения национальных кинематографа, литературы и искусства.

В-третьих, требуются политico-правовые меры по предотвращению и минимизации вмешательства во внутреннюю политику государств.

В системе национальных интересов высшей ценностью является сам народ, его уникальная культурно-историческая идентичность, духовное здоровье и физическое благополучие. Поэтому ключевой ценностью

выживания и развития государства становится недопущение замещения народа иными народами. Этот процесс, часто называемый «Великим замещением» или демографической колонизацией, представляет собой не конспирологическую теорию, а реальные действия, направленные на размывание суверенитета национальных государств через изменение их демографического и культурного кода.

Теоретической основой является продвижение западными либеральными практиками, основанными на радикальном индивидуализме и космополитизме, модели «открытого общества», где понятие национальной принадлежности и традиционной идентичности считается архаичным и даже враждебным [6, 7], что создает идеологическое прикрытие для политики массовой миграции и деструктивного мультикультурализма, которые на практике ведут к вытеснению коренного населения и его ценностей.

Практическая проблема заключается в том, что вместо интеграции мигрантов, предполагающей принятие ими языка, законов и культурных норм принимающей страны, реализуется модель сегрегации и создания параллельных сообществ, анклавов, что приводит к этнокультурной трансформации, при которой коренное население постепенно теряет статус большинства на своей исторической территории, особенно в крупных городах и приграничных регионах; росту социальной напряженности, система социального обеспечения не выдерживает массированного притока нового населения.

Необходимо разумное, научно обоснованное и комплексное управление миграцией, исключающее, во-первых, любые проявления нарративов о «преступном колониальном прошлом», «вине белого человека» и «расплате» за колониализм через обязательный прием мигрантов из бывших колоний, а также о толерантности как высшей добродетели, когда любое сопротивление миграции клеймится как «ксенофобия», «расизм» и «фобия»; во-вторых, правовое принуждение, принятие международных конвенций и внутренних законов, которые ставят формально или фактически, в правоприменении,

права мигрантов выше прав и интересов коренных граждан, а также криминализируют критику миграционной политики. В-третьих, недопустимы такие экономическая и социальная политики, которые делали бы положение мигрантов более выгодным, чем положение коренных жителей, оказавшихся в трудной ситуации, что, в свою очередь создает «магнит» для новой волны миграции (например, социальные пособия в некоторых странах ЕС для мигрантов, которые могут превышать среднюю зарплату в их странах происхождения и фактически делают трудоустройство невыгодным). Наконец, в-четвертых, следует прекратить поддержку организаций, которые под видом защиты прав мигрантов фактически занимаются их мобилизацией против властей и коренного населения, блокируют их депортацию даже за серьезные преступления.

Последствия неучета перечисленных ограничений губительны для государственности – государства перестают быть национальными, не становясь при этом «плавильным котлом» для включения новых лиц в доминирующую культуру, а превращаются в «конгломераты» общин, включающие территории, заселенные компактными иноэтническими группами, которые становятся зонами, где правовое регулирование не работает, фактически возникают государства в государстве. Так, как известно, в отдельных районах крупных городов Франции, Великобритании, Германии, полиция и официальные власти де-факто не контролируют ситуацию, уступив место местным «авторитетам» и обычаям мигрантов.

Для защиты от замещения необходима комплексная и жесткая государственная политика, стратегия демографического суверенитета. Первым элементом является приоритет пронаталистской политики, главный ответ на демографический вызов – повышение рождаемости среди коренного населения всеми имеющимися ресурсами: системная поддержка семьи как ячейки общества через жилищную политику, выделение земель под многодетные семьи, льготную ипотеку, которая списывается после рождения третьего ребенка; восстановление в обществе престижа многодетной семьи,

материнства и отцовства. Так, пример политики Венгрии показывает, что значительные финансовые вливания в поддержку семей приводят к заметному росту рождаемости. Вторым элементом является жесткий миграционный контроль, миграция должна быть не неконтролируемой, а инструментом развития страны, работающим в ее интересах. Необходим решительный отказ от практики «цепной миграции», право на переезд должны иметь только сам мигрант, но не вся его расширенная семья; введение балльной системы, как в Канаде и Австралии, где отбор мигрантов идет по строгим критериям: образование, знание языка, востребованная профессия, готовность интегрироваться; жесткая и бескомпромиссная депортация за любое нарушение закона, от мелкого хулиганства до неуплаты налогов. Третьим элементом является принудительная интеграция, а не сегрегация: запрет на создание этнических анклавов через законодательное ограничение на компактное расселение мигрантов; обязательное изучение государственного языка, истории и законов для всех мигрантов и членов их семей, без сдачи экзамена – невозможность получения вида на жительство, работы, доступа к социальным услугам.

Заключение

Таким образом, глобализация – это объективная реальность, но ее форма и содержание являются «полем битвы» за будущее мироустройство [8]. Отказ от участия в этом процессе ведет к изоляции и отставанию, а отказ от национальной идентичности – к утрате суверенитета и национальной идентичности. Единственно верной стратегией является активная защита своих национальных государственных интересов, диалектически сочетающей умение использовать позитивные аспекты глобализации, такие как обмен технологиями, знаниями, торговля, при одновременном создании надежных «иммунных систем» против ее разрушительных компонентов. Будущее принадлежит не моноцентричной, а многополярной модели глобализации, где разные цивилизации и государства, сохраняя свою уникальность, будут

взаимодействовать друг с другом. Задача каждой суверенной страны – внести свой вклад в построение именно такого миропорядка. Вопрос же сохранения народа — это вопрос физического выживания государства и его цивилизации. Политика, ведущая к замещению населения, является формой демографической войны, более разрушительной, чем война обычная. Противостоять ей можно только через осознание угрозы и реализацию бескомпромиссной государственной политики, направленной на стимулирование рождаемости коренного населения, жесткий контроль миграции и принудительную интеграцию тех, кто получил право жить в стране. Это не вопрос толерантности, а вопрос национальной безопасности и сохранения суверенитета в его самом глубоком, демографическом смысле. Будущее принадлежит тем государствам, которые смогут защитить свой народ и его уникальную идентичность от стирания в рамках глобалистского проекта.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма-ответы на глобализацию / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – Москва: Прогресс-традиция, 2001. – 303 с.
2. Валлерстайн И. Мироисистемный анализ: введение / И. Валлерстайн; пер. Н. Тюкиной. – Москва: Территория будущего, 2006. – 248 с.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ. – Москва: Весь Мир, 2004. – 120 с.
4. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура / Дэвид Хелд [и др.]; пер. с англ. В.В. Сапова [и др.]. – Москва: Практис, 2004. – 575 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева Ю. Новикова. – Москва: ACT, 2003. – 603 с.
6. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, Sage Publ., 1992. 224 p.
7. Sen A. The Idea of Justice. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 468 p.

8. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / eds. J. Baylis, S. Smith, P. Owens. Oxford, Oxford University Press, 2014. 596 p.

References

1. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya? : Oshibki globalizma-otvety na globalizatsiyu* [What Is Globalization? Mistakes of Globalism - Answers to Globalization]. Moscow, Progress-traditsiya Publ., 2001. 303 p.
2. Vannershtein I. *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 248 p.
3. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 120 p.
4. *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika i kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 575 p.
5. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.
6. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, Sage Publ., 1992. 224 p.
7. Sen A. *The Idea of Justice*. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 468 p.
8. *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / eds. J. Baylis, S. Smith, P. Owens. Oxford, Oxford University Press, 2014. 596 p.

Статья поступила: 19.09.2025, принята к публикации: 20.11.2025.

© Фролова Н.А., 2025

Научная статья

УДК 341.01

**Империи (цивилизации) и региональные (национальные)
государственно-правовые системы**

Роман Анатольевич Ромашов,

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

<https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

romashov_tgp@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована концепция империй как самостоятельного типа государственно-правовых систем, качественно отличных от региональных (национальных) государств. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов анализируются этапы политогенеза, с древневосточных деспотий и античных полисов до современных национальных государств. Особое внимание обращено на трансформацию российской государственно-правовой системы от Московского царства к Российской империи, СССР и современной Российской Федерации. Доказано, что провозглашение России «самобытным государством-цивилизацией» означает ее официальное признание национальным государством регионального типа, сохранившим цивилизационную сущность. Рассматриваются проблемные аспекты концепции «русского мира» и ее соотношение с конституционными положениями о многонациональном народе Российской Федерации.

Ключевые слова: империя, государственно-правовая система, региональное государство, национальное государство, политогенез.

Для цитирования: Ромашов Р.А. Империи (цивилизации) и региональные (национальные) государственно-правовые системы // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Original article

Empires (civilizations) and regional (national) state-legal systems

Roman A. Romashov,

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

romashov_tgp@mail.ru

Abstract. Abstract. This article substantiates the concept of empires as an independent type of state and legal system, qualitatively distinct from regional (national) states. Using historical and comparative legal methods, the author analyzes the stages of political genesis, from ancient Eastern despotisms and ancient city-states to modern nation-states. Particular attention is paid to the transformation of the Russian state and legal system from the Muscovite Tsardom to the Russian Empire, the USSR, and the modern Russian Federation. It is argued that the proclamation of Russia as a "distinctive state-civilization" signifies its official recognition as a regional-type nation-state that has preserved its civilizational essence. The article examines problematic aspects of the "Russian World" concept and its relationship with the constitutional provisions on the multinational people of the Russian Federation.

Keywords: empire, state and legal system, regional state, nation state, political genesis.

For citation: Romashov R.A. Empires (civilizations) and regional (national) state-legal systems // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Существенные и отличительные признаки позволяют говорить об империях как о самостоятельном типе государственно-правовых систем, качественно отличных в своем формировании, структурировании, функционировании от региональных (национальных) государств [1]. Последние представлены народами (нациями) и правительствами (системами публичной власти), которые в зависимости от обстоятельств либо включаются в качестве административно-территориальных (национально-конфессиональных) образований в состав государственно-правовых систем имперского типа, либо выступая в качестве формально суверенных государств находятся в сфере геополитических интересов империй, являясь в таком качестве предметами имперского влияния.

Методы

Для целей настоящего исследования применялись сравнительный и формально-юридический методы.

Основное исследование

Современное представление о государстве как об особом публично-правовом образовании, объединяющем в своем содержании как саму организацию общества, так и власть над ним, позволяет утверждать, что первоначальной стадией политогенеза является формирование именно регионального государства. Древневосточные деспотии (государства храмовой культуры) и античные полисы не основывались в своем устройстве на единой административно-территориальной и социальной организации. В деспотиях как явление отсутствовала конструкция «свободный человек», поскольку их социальная структура была представлена двумя категориями: «живым богом» – главой государства и его рабами. Причем место раба в социально-политической иерархии особого значения не имело и всецело зависело от воли владыки, который мог как возвысить свою «живую вещь», так и сбросить ее на «социальное дно». В античном полисе, такие качественные состояния, как личная свобода, достоинство, равенство в субъективных правах, существовали в качестве производных от статуса гражданина. Потеря статуса последнего автоматически влекла поражение в гражданских правах и свободах.

Рим, начав свою государственную историю в качестве полиса (государства-города-гражданского сообщества), совершил «политическую революцию», будучи преобразованным сначала в государство – *res publica* (общее дело, публичная власть), а затем в империю [2]. Причем фактически имперская природа Римского государства проявила уже на республиканской стадии, когда Рим, перестал быть полисом и стал расширяться как в

территориальном, так и в социальном плане за счет присоединения и включения в государственное устройство новых территориально-социальных образований (колоний), становящихся составными элементами единого государства, выступающего для всех его жителей, не зависимо от их родоплеменного происхождения *Patria* («общим Отечеством», «большой Родиной»). В отличие от греческой модели соотнесенности гражданина с конкретным полисом, представлявшей патриотизм местнический (говоря современным языком – сепаратистский), римский патриотизм предполагал органическую связь чувства единовременной сопричастности гражданина с его «малой родиной» («*civitas*») и государством («*respublica*») [3].

Разрушение Западной Римской империи (476 г.), повлекло за собой появление конгломерата государств, различных по названию (варварские королевства и империи, «вольные» города – республики), однако практически идентичных в своей региональной (локальной) сущности [4].

Преобразование региональных государств в национальные происходит в эпоху буржуазных революций и основывается на теоретической концепции «общественного договора», в соответствии с которой люди в целях обеспечения общественного порядка и безопасности делегируют часть своих естественных прав и свобод юридическому лицу – государству, которое в своей деятельности обязано представлять как коллективные, так и индивидуальные интересы граждан, в совокупности образующих государственно-организованный народ – нацию [5]. При этом возникновение модели национального государства обусловило дифференциацию понятий «национальность» и «нация» [6]. Если в качестве национальности воспринималась социальная общность, объединенная исторической культурной традицией, языком и религией, то нация основывалась на государственном единстве. Нация – это народ, объединенный государственным гражданством (подданством). В основу названия национального государства (нации) может быть вынесено как название титульной национальности (Франция, Украина, Таджикистан и др.), так и

вновь образованное наименование (Венесуэла, Мексика, Россия и др.). Следует подчеркнуть, что по своей социальной структуре все национальные государства представляли и представляют собой интернациональные образования в которых понятие нации по своей сущности идентично не «национальности», а «народу» [7].

Появление на политической карте мира региональных (впоследствии национальных) государств не повлекло исчезновения государственно-правовых систем имперского типа, более того, происходила их модернизация. На смену модели, в рамках которой все административно-территориальные образования обладали фактически равным статусом, приходит двухуровневая система государственного устройства империи, объединяющая цивилизацию (метрополию) и варварство (колонии). Идея общеимперского патриотизма вытесняется концепцией цивилизационного превосходства «культурных людей» по отношению к «диким народам». Последние подвергаются цивилизационной аккультурации, однако при этом не могут претендовать на формальное равенство с представителями метрополии, являющимися изначально «более совершенными божественными творениями», несущими «свет» религиозно-культурных истин и обеспечивающими их внедрение в колониальной среде, невзирая на волеизъявление туземного населения.

Применительно к формационной модели типологии государственно-правовых систем можно выделить модели феодальных и буржуазных империй.

В основу понимания феодальной империи положено представление о земле как об основной ценности, с обладанием которой в первую очередь связывается государственное могущество. Политика феодального государства имеет своей основной целью оккупацию пограничных земель с последующим их включением (вместе с проживающим на этих землях населением), в территориально-социальную структуру государственной юрисдикции. С этим же стремлением связана «эпоха великих географических открытий» (XV–XVIII вв.), направленных на включение в государственную территорию стран

«первооткрывателей» новых территорий, наделяемых статусом колониальных владений.

Буржуазные империи, оставив без изменений дифференциацию в рамках государственного устройства имперской метрополии и колоний, изменили лишь ценностное восприятие последних. Если раньше в качестве основной ценности выступала сама земля, то в условиях буржуазной индустриализации ценностное восприятие переместилось на природные и социальные ресурсы, с наличием которых связывалось «экономическое чудо» и «культурный прогресс» западной цивилизации [8]. Переход от феодальной экономической формации к буржуазной (капиталистической), кроме того, обусловил внедрение в понятийный аппарат категории «империализм», посредством которой обозначалась система политического и экономического господства одной страны – метрополии над другими – колониями, осуществляемого в целях установления иностранного правления с помощью силы и экономической эксплуатации [9]. Переход на империалистическую стадию знаменует собой наивысшую степень капиталистического развития, предшествующую революционному конфликту между классом эксплуататоров (капиталистов) и эксплуатируемых (промышленным пролетариатом и сельско-хозяйственным крестьянством), результатом которого является «крушение» капитализма, с последующим переходом человечества к социалистической государственно-правовой системе, которая, в свою очередь, является преддверием коммунистической макроформации, в рамках которой государство как аппарат классового господства и инструмент публичного принуждения должно «отмереть», уступив место безгосударственному миропорядку [10].

В контексте конституционной версии линейной истории российской государственно-правовой системы определяется тысячелетний временной период ее существования. «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства,

признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ). Безусловно, процитированное положение следует воспринимать как метафору. В IX–XII вв. формируется не российское государство в его современном истолковании, а комплексная региональная форма социально-политической организации и управления обществом, представленная как княжествами (Киевским, Рязанским, Суздальским и др.), так и «вольными» городами (Новгород, Псков и др.). В таком понимании слова «Русь» («Русская земля») ассоциируются не с названием суверенного государства, а с географическим образованием (регионом), объединяющим локальные автономные государственные формы, вступающие как в партнерские, так и в конфликтные отношения. Для рассматриваемого исторического периода Русь то же самое, что для современного исследователя Африка, Европа, Закавказье и т.п.

Формирование централизованного государства Московское царство Всех Руси связано прежде всего с легализацией политico-правового статуса верховного правителя – российского государя. Наименование «Царь Московский и Всех Руси» впервые стал использовать Иван III (1462 г.). Его внук – Иван IV официально в этом статусе короновался (венчался) на царствие (1547 г.).

Практически с начального этапа своего государственного оформления Россия выступает как имперское государство континентального типа, образованное путем «собирания земель русских» на основании концентрации и распространения русской православной веры [11], выступающей в качестве идейно-концептуальной базы теории «Москва – третий Рим», обосновывающей право Московского царства не только на духовное, но и на политическое правопреемство от империи «Нового Рима» (Византии) [12]. Отсюда и два основных государствообразующих фактора имперской России: Русский Православный Царь/Император и Русская Православная церковь. Впоследствии единство этих факторов получило выражение в известной триаде графа Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность», которую с

определенной степенью условности можно принять в качестве «государствообразующей» идеи Российской империи [13].

Если бы разработчики текста метафоричной конституционной поправки о «тысячелетней истории Российской Федерации» руководствовались в своих логических рассуждениях «об истоках российского бытия» не антипатриотичной и яростно критикуемой современниками, а теоретической концепцией Филофея «Москва – третий Рим», то «исторический возраст» Российской Федерации, можно было бы смело увеличить как минимум еще на одно тысячелетие.

А теперь сущностный парадокс. «Самопереименование» Московского Царства Всея Руси в Российскую империю и, соответственно, Царя Московского в Императора Всея Руси (1721 г.), по сути, означало трансформацию России из государства имперского в региональное (европейское). Кроме того, фактически переняв у Священной Римской империи германской нации наименование ее имперского государственного статуса и тем самым признав сам факт ее легальности и легитимности, Россия отказалась от теории «Москва – третий Рим», продемонстрировав очередной и далеко не последний «разрыв» идеально-исторической традиции.

В XVIII – начале XX вв. российская государственно-правовая система самоидентифицируется и воспринимается внешним окружением в качестве страны «догоняющей» европейской культуры, стремящейся выстраивать собственную политику и культуру в рамках консервативной европейской монархической традиции.

Возврат к идее государства-империи, с формальным отказом от имперского наименования государственного устройства, происходит в период становления Советского российского, а затем и Советского союзного государства, в котором царскую династию сменило Политбюро ЦК КПСС – коллективный орган государственного правления с неформальным правовым статусом, а русскую православную веру вытеснила интернациональная государственная идеология – научный коммунизм, проводником которого

являлась КПСС – «руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы» (ст. 6 Конституция СССР 1977 г.). Причем несмотря на яростную критику буржуазного империализма, СССР в реальности выступал именно как империя, стремившаяся к глобальному (мировому) господству в форме Мировой Социалистической Советской Республики (Конституция СССР 1924 г. Раздел I. Декларация об образовании СССР).

Провозглашение современной России «самобытным государством-цивилизацией» (Концепция внешней политики РФ 2023 г.; далее – Концепция), означает ее официальное признание национальным государством регионального типа. При этом закрепленная в Концепции идея «русского мира», образуемого «русским и другими народами», вызывает ряд вопросов как формально-структурного, так и содержательного характера. В частности, непонятно, по каким критериям можно в современных условиях разграничить «русский и другие народы»? Как соотносить понятия «многонациональный народ Российской Федерации – носитель суверенитета и единственный источник власти» и «государствообразующий русский народ» (Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики в Российской Федерации в области исторического просвещения» 2024 г.)? Можно ли рассматривать государственно-правовую систему Российской Федерации как аналог «русского мира»? От ответов на эти вопросы в немалой степени зависит определение «национальной идеи», заложенной в основание механизма обеспечения государственной и общественной безопасности, выступающей в качестве катализатора выстраивания солидаристских отношений между представителями государственной администрации, социальных элит и народных масс.

Заключение

Перестав быть империей, стремящейся к глобальному мировому господству, Россия сохранила свою самобытную цивилизационную сущность,

что позволяет ей выступать в качестве «одного из суверенных центров мирового развития и выполнять исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы» (Концепция внешней политики РФ 2023 г.). При этом актуализируется проблема выработки государственной стратегии и тактики в областях внутреннего и внешнего государственно-правового функционирования. Распад СССР и разрушение мировой семьи социалистического права не только не прекратили перманентный конфликт «коллективного Запада с коллективным Незападом», но и углубили его (Концепция внешней политики РФ 2023 г.).

В складывающихся условиях отношения с другими государствами и межгосударственными объединениями выстраиваются Россией исходя из «конструктивного, нейтрального или недружественного характера их политики» (Концепция внешней политики РФ 2023 г.), исходя из pragматических национальных интересов, не предлагающих «российской / русской цивилизационной экспансии», однако и не допускающих такой экспансии в отношении собственных ценностей, положенных в основу традиционно-архаичной и современной российской цивилизации.

Список литературы

1. Ромашов Р.А. Современная государственно-правовая система имперского типа: понятие и особенности / Р.А. Ромашов, В.Ю. Панченко // Юридическая наука. – 2025. – № 1. – С. 30–33.
2. Егоров А. Б. Рим: от республики к империи / А.Б. Егоров. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2017. – 311 с. – (Библиотека всемирной истории).
3. Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи / А. Павлов // Философская антропология. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 175–191.
4. Хлевов А.А. Варварский политогенез постимперской Европы: модели и результаты / А.А. Хлевов // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 138–156.
5. Матвеева А.А. Концепт национального государства как основа представлений консервативной идеологии о модели государства / А.А.

Матвеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1-2(39). – С. 123–126.

6. Воронцова Т.А. Функционирование концептов нация и национальность в русском языковом сознании / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 12(408). – С. 39–45.

7. Азимова М.М. Нация: философско-лингвистический и социологический анализ / М.М. Азимова // Вестник науки. – 2021. – Т. 2, № 3(36). – С. 5–17.

8. Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б.Ю. Кагарлицкий; Центр политической теории Института общественного проектирования. – Москва: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей шк. экономики, 2010. – 680 с. – (Серия Политическая теория).

9. Рогов И.И. Империя и империализм: история понятий и современный мир / И.И. Рогов // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8, № 3-2. – С. 260–267.

10. Власова Г.Б. Коммунистическая государственность: теория и практика / Г.Б. Власова, К.А. Манукян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 2(117). – С. 64–67.

11. Протченко И.К. Церковные монастыри как социокультурный фактор объединения и собирания русских земель в XIII–XIV веках / И.К. Протченко // Известия ТРТУ. – 1997. – № 2(5). – С. 225–226.

12. Комова Н.Б. Идеологема «Москва – Третий Рим» в контексте развития русской монархии XVI века: доктринально-правовое и историческое измерения / Н.Б. Комова // Философия права. – 2010. – № 5(42). – С. 73–76.

13. Каплин А.Д. Исторический контекст появления триады «Православие, самодержавие, народность», ее интерпретации и значение / А.Д. Каплин // История: факты и символы. – 2014. – № 1. – С. 60–69.

References

1. Romashov R.A., Panchenko V.Yu. Modern State-Legal System of the Imperial Type: Concept and Features. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2025. No. 1. Pp. 30–33 (in Russ.).

2. Egorov A.B. *Rim: ot respubliki k imperii = Rome: From Republic to Empire*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2017. 311 p. (Biblioteka vsemirnoy istorii) (in Russ.).

3. Pavlov A. Patriotism. A Very Brief History of the Idea. *Philosophical Anthropology* = *Filosofskaya antropologiya*. 2018. Vol. 4. No. 1. Pp. 175–191 (in Russ.).
4. Khlevov A.A. Barbarian Politogenesis of Post-Roman Europe: Models and Results. *Politicheskaya nauka* = *Political science*. 2022. No. 1. Pp. 138–156 (in Russ.).
5. Matveeva A.A. The Concept of the National State as the Basis of the Conservative Ideology's Ideas about the Model of the State. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2014. No. 1-2(39), pp. 123–126 (in Russ.).
6. Vorontsova T.A. Functioning of the Concepts of Nation and Nationality in Russian Language Consciousness. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017. No. 12(408). Pp. 39–45 (in Russ.).
7. Azimova M.M. Nation: Philosophical-Linguistic and Sociological Analysis. *Vestnik nauki* = *Bulletin of Science*. 2021, vol. 2. No. 3(36). Pp. 5–17 (in Russ.).
8. Kagarlitskiy B.Yu. *Ot imperiy k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzhuaznoy tsivilizatsii* = *From Empires to Imperialism. The State and the Emergence of Bourgeois Civilization*. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta – Vysshey shk. ekonomiki Publ., 2010. 680 p. (Seriya Politicheskaya teoriya) (in Russ.).
9. Rogov I.I. Empire and Imperialism: History of Concepts and the Modern World. *Terra Economicus*, 2010, vol. 8, No. 3-2, Pp. 260–267 (in Russ.).
10. Vlasova G.B., Manukyan K.A. Communist Statehood: Theory and Practice. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* = *Science and education: agriculture and economics; entrepreneurship; law and management*. 2020. No. 2(117). Pp. 64–67 (in Russ.).
11. Protchenko I.K. *Tserkovnye monastyri kak sotsiokul'turnyy faktor ob"edineniya i sobiraniya russkikh zemel' v XIII–XIV vekakh* = *Church Monasteries as a Sociocultural Factor in the Unification and Gathering of Russian Lands in the 13th–14th Centuries*. Izvestiya TRTU, 1997. No. 2(5). Pp. 225–226 (in Russ.).
12. Komova N.B. The Ideologeme "Moscow – the Third Rome" in the Context of the Development of the Russian Monarchy of the 16th Century: Doctrinal-Legal and Historical Dimensions. *Filosofiya prava* = *Philosophy of law*. 2010. No. 5(42). Pp. 73–76 (in Russ.).

13. Kaplin A.D. The Historical Context of the Appearance of the Triad "Orthodoxy, Autocracy, Nationality", Its Interpretations and Significance. *Istoriya: fakty i simvolы = History: facts and symbols*. 2014. No. 1. Pp. 60–69 (in Russ.).

Статья поступила: 15.10.2025, принята к публикации: 09.12.2025.

© Ромашов Р.А., 2025

Научная статья

УДК: 347.635.3

Экономические механизмы обеспечения исполнения алиментных обязательств: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта

Виктория Сергеевна Сычева,

Херсонский технический университет,
Геническ, Херсонская область, Россия
vickstay@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ экономических механизмов обеспечения исполнения алиментных обязательств в России и зарубежных странах. Актуальность исследования обусловлена критическим масштабом проблемы неисполнения алиментных обязательств в России, что подтверждается значительным числом неоконченных исполнительных производств. Цель работы – выявление наиболее эффективных финансовых инструментов и институциональных моделей для совершенствования российской системы. На основе сравнительно-правового и статистического методов автор анализирует российские механизмы (неустойка, исполнительский сбор, ограничительные меры) и зарубежные практики, включая работу государственных фондов (Латвия, Великобритания), формульный расчет алиментов (Великобритания), субсидиарную ответственность (Германия) и использование единых реестров (Казахстан). Результаты показывают, что, несмотря на положительную динамику взыскания в России, существующие карательные меры недостаточны для кардинального решения проблемы. Делается вывод о необходимости дополнения системы институциональными механизмами, такими как создание государственного алиментного фонда, а также дальнейшей цифровизации процессов взыскания с учетом национальной специфики.

Ключевые слова: алиментные обязательства, экономические механизмы, сравнительный анализ, исполнительное производство, государственный алиментный фонд, зарубежный опыт.

Для цитирования: Сычева В.С. Экономические механизмы обеспечения исполнения алиментных обязательств: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12).

Original article

Economic mechanisms for ensuring the fulfillment of alimony obligations: a comparative analysis of Russian and foreign experience

Vicktoria S. Sycheva,
Kherson Technical University,
Genichesk, Kherson Region, Russia

Abstract. The article provides a comparative analysis of the economic mechanisms for ensuring the fulfillment of alimony obligations in Russia and abroad. The relevance of the study is due to the critical scale of the problem of non-fulfillment of alimony obligations in Russia, which is confirmed by a significant number of unfinished enforcement proceedings. The purpose of the work is to identify the most effective financial instruments and institutional models for improving the Russian system. Based on comparative legal and statistical methods, the authors analyze Russian mechanisms (penalties, enforcement fees, restrictive measures) and foreign practices, including the work of state funds (Latvia, Great Britain), formula calculation of alimony (Great Britain), subsidiary liability (Germany) and the use of unified registers (Kazakhstan). The results show that, despite the positive dynamics of penalties in Russia, the existing punitive measures are insufficient to fundamentally solve the problem. It is concluded that it is necessary to supplement the system with institutional mechanisms, such as the creation of a state alimony fund, as well as further digitalization of recovery processes, taking into account national specifics.

Keywords: alimony obligations, economic mechanisms, comparative analysis, enforcement proceedings, state alimony fund, foreign experience.

For citation: Sycheva V.S. Economic mechanisms for ensuring the fulfillment of alimony obligations: a comparative analysis of Russian and foreign experience // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Проблема обеспечения исполнения алиментных обязательств приобретает критическое значение в современной России. На начало 2024 года

насчитывается 772 400 неоконченных исполнительных производств по взысканию алиментов. Экономический масштаб проблемы демонстрирует рост: в 2024 г. взыскано 92 млрд рублей алиментов против 68 млрд в 2023 г. [1]. Международный контекст подтверждает универсальность проблемы. В Казахстане из 213 000 решений о взыскании алиментов 14 000 не исполняются полностью [2]. В Великобритании расходы на воспитание ребенка превышают 200 000 фунтов стерлингов, что усиливает финансовую нагрузку на родителей-одиночек.

Исследования алиментных обязательств традиционно фокусируются на правовых аспектах. Байрамова Ф.Х. и Бриль Г.Г. анализируют процедурные вопросы исполнения решений о взыскании алиментов [3]. Сравнительные исследования представлены в работах Черноносовой Т.Д. [4], изучающей опыт западноевропейских стран, и Пурге А.Р., анализирующего особенности мусульманского права.

Однако экономические механизмы обеспечения алиментных обязательств остаются недостаточно изученными. Отсутствует комплексный анализ финансовых инструментов принуждения, не исследована экономическая эффективность государственных алиментных фондов, недостаточно изучено влияние цифровизации на взыскание алиментов.

Цель исследования – выявить эффективные экономические механизмы обеспечения исполнения алиментных обязательств через сравнительный анализ российского и зарубежного опыта. Задачи исследования включают анализ российских экономических механизмов (финансовые санкции, ограничительные меры), изучение зарубежных практик (государственные фонды, инновационные подходы), проведение сравнительного анализа эффективности различных моделей и разработку рекомендаций по совершенствованию российской системы.

Методы

Исследование базируется на трех основных методах. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставить национальные модели регулирования

алиментных отношений и выявить универсальные и специфические особенности экономических инструментов. Статистический анализ применяется для обработки данных об исполнении алиментных обязательств, выявления корреляций между введением новых механизмов и изменением показателей взыскания. Системный подход обеспечивает рассмотрение алиментных обязательств как комплексной социально-экономической системы. Эмпирическую базу составляют нормативно-правовые акты России, Казахстана, европейских стран (Гражданский кодекс Франции, законодательство Великобритании и Германии, Семейный кодекс Марокко). Статистические данные включают отчеты ФССП России за 2023–2024 гг., данные Минюста Казахстана, статистику ФНП о нотариальных соглашениях. Научная база представлена междисциплинарными исследованиями на стыке права, экономики и социальной политики.

Основное исследование

Российская система экономических механизмов обеспечения исполнения алиментных обязательств представляет собой комплекс финансовых санкций и ограничительных мер, направленных на стимулирование должников к исполнению своих обязательств. Основным финансовым инструментом воздействия является неустойка, которая в соответствии со ст. 115 Семейного кодекса РФ составляет 0,1% от суммы задолженности за каждый день просрочки [3]. Данный механизм призван компенсировать получателю алиментов негативные последствия несвоевременной выплаты и создать дополнительную финансовую нагрузку на должника.

Исполнительский сбор представляет собой еще один важный экономический инструмент, составляющий 7% от суммы долга, но не менее

1000 рублей¹. Особенностью данного механизма является его многократное применение – сбор взимается каждый раз при невнесении очередного платежа, что существенно увеличивает финансовое бремя неплательщика. Эффективность данной меры подтверждается тем, что многие должники предпочитают погасить задолженность, чтобы избежать дополнительных расходов.

Механизм удержания из доходов должника позволяет взыскивать до 70% заработной платы и иных доходов для погашения задолженности по алиментам. Судебный пристав-исполнитель направляет постановление по месту работы должника, и бухгалтерия обязана производить соответствующие удержания. Данный механизм особенно эффективен при наличии у должника официального трудоустройства, однако его применение затруднено в условиях распространенности неформальной занятости.

Ограничительные меры экономического характера включают временное ограничение на выезд за пределы Российской Федерации при задолженности свыше 10 000 рублей и ограничение специального права управления транспортными средствами при аналогичной сумме долга. Как отмечают эксперты, введение ограничения на выезд оказалось особенно эффективным в условиях 2023–2024 гг., когда возможности международных поездок были ограничены, что привело к существенному росту взыскания алиментов [5].

Динамика взыскания алиментов демонстрирует положительную тенденцию. В 2024 г. объем взысканных алиментов достиг 92 млрд рублей, что на 38% превышает показатель 2023 г. (68 млрд рублей). При этом количество добровольных соглашений об уплате алиментов выросло на 21%, достигнув 34 900 документов. Данные показатели свидетельствуют как об эффективности применяемых мер, так и о постепенном изменении отношения общества к алиментным обязательствам.

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об исполнительном производстве». Статья 112. Исполнительский сбор. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 15.09.2025).

Великобритания применяет централизованную систему расчета и взыскания алиментов через Службу по выплате алиментов на детей (Child Maintenance Service – CMS). Особенностью британской модели является формульный подход к расчету алиментов, учитывающий доходы обоих родителей и количество времени, которое ребенок проводит с каждым из них. CMS собирает информацию о доходах родителей, устанавливает размер алиментов и может инициировать принудительное взыскание при необходимости [6].

Французская модель отличается гибкостью и возможностью применения альтернативных форм обеспечения. Согласно ст. 373-2-3 Гражданского кодекса Франции, алиментное пособие может быть заменено полностью или частично выплатой денежной суммы уполномоченной организации, которая обязуется выплачивать ребенку индексированную ренту или предоставлять ему право пожизненного пользования имуществом. Такой подход позволяет обеспечить стабильность выплат и защитить интересы ребенка от рисков неплатежеспособности родителя.

Казахстан внедрил Единый реестр должников – электронный банк данных, содержащий сведения о должниках по исполнительным производствам. Информация размещается на официальном интернет-ресурсе, что создает репутационные риски для неплательщиков. Важной особенностью казахстанской модели является расчет задолженности исходя из средней месячной заработной платы по республике, если должник не работает или скрывает доходы [2].

Белоруссия с 2012 г. применяет временное ограничение права на управление транспортным средством для должников по алиментам. Практика показала высокую эффективность данной меры – 41% привлеченных к ответственности практически сразу рассчитываются по долгам. Данный опыт был учтен при введении аналогичных мер в России и Казахстане.

Израиль отличается жестким подходом к взысканию алиментов. При уклонении от выплаты применяется арест банковских счетов, имущества и

заработной платы должника. Предусмотрена возможность ареста должника на срок до 21 дня. Размер алиментов определяется не уровнем жизни родителей, а потребностями ребенка с учетом его социального статуса, при этом размер привязан к индексу цен [4].

Латвия создала Гарантийный фонд, который выплачивает алименты детям в случае неисполнения обязательств родителем, а затем взыскивает выплаченные средства с должника. Аналогичные системы действуют в Великобритании (Государственное исполнительное агентство по предоставлению содержания детям) и Нидерландах (Федеральное бюро по алиментам) (см. таблицу).

Таблица

Сравнительный анализ экономических механизмов обеспечения исполнения алиментных обязательств*

Страна	Финансовые санкции	Ограничительные меры	Институциональные механизмы	Показатели эффективности
Россия	Неустойка 0,1% в день; Исполнительский сбор 7% (мин. 1000 руб.)	Запрет выезда (долг >10 тыс. руб.); Ограничение водительских прав; Удержание до 70% дохода	Отсутствуют	Взыскано 92 млрд руб. (2024); Рост на 38%; 772,4 тыс. неоконченных производств
Казахстан	Неустойка по ст. 353 ГК; Расчет по средней зарплате (137 043 тенге)	Запрет выезда (долг >20 МРП); Приостановление лицензий	Единый реестр должников (публичный)	213 тыс. решений; 14 тыс. не исполнены; 122 тыс. частично исполнены
Белоруссия	Стандартные штрафы	Ограничение водительских прав (с 2012 г.)	Отсутствуют	41% должников платят после ограничения прав
Великобритания	Формульный расчет с учетом доходов обоих родителей	Стандартные меры принуждения	Child Maintenance Service (CMS)	Высокая стоимость воспитания (>200 тыс. фунтов)
Франция	Индексация алиментов	Стандартные меры	Возможность замены алиментов	Данные не представлены

			правом пользования имуществом	
Германия	Переход долга наследникам	Субсидиарная ответственность родственников	Расширенный круг обязанных лиц	Высокий уровень исполнения
Израиль	Индексация к сумме долга; привязка к индексу цен	Арест счетов и имущества; арест должника до 21 дня	Жесткая система принуждения	Высокая результативность
Латвия	Стандартные санкции	Стандартные меры	Гарантийный фонд	Непрерывность выплат обеспечена

* Источник: составлено автором по данным [7; 8; 9].

Представленный сравнительный анализ демонстрирует существенные различия в подходах к обеспечению исполнения алиментных обязательств. Наиболее комплексные системы, сочетающие финансовые санкции, ограничительные меры и институциональную поддержку, показывают более высокую эффективность. Особенно показателен опыт стран, создавших специализированные государственные структуры (Великобритания, Латвия), которые не только контролируют исполнение обязательств, но и гарантируют непрерывность выплат детям независимо от поведения должника.

Анализ экономических показателей выявляет парадоксальную ситуацию: несмотря на впечатляющий рост взыскания алиментов в России (38% за год), абсолютное количество неисполненных обязательств остается критически высоким. Это свидетельствует о том, что существующие механизмы, хотя и демонстрируют определенную эффективность, не способны кардинально решить проблему без институциональных изменений. Опыт Белоруссии с 41% эффективностью ограничения водительских прав подтверждает, что точечные меры могут быть весьма результативными, но требуют системного подхода.

С позиции экономической целесообразности представляется необходимым переход от преимущественно карательной модели к модели экономического стимулирования и институциональной поддержки. Создание

в России аналога гарантийных фондов или централизованной службы по типу британской CMS потребует первоначальных инвестиций, но в долгосрочной перспективе обеспечит стабильную защиту прав детей и снизит социальную напряженность. При этом важно учитывать национальные особенности, включая масштабы теневой экономики и традиции правового нигилизма, адаптируя зарубежный опыт к российским реалиям.

Рост взыскания алиментов в России на 38% в 2024 г. напрямую связан с введением ограничений на выезд за границу и управление транспортными средствами. Государственные фонды в Латвии и Великобритании решают ключевую проблему – защиту интересов ребенка независимо от поведения должника. Цифровизация повысила эффективность: единый реестр в Казахстане обеспечивает прозрачность, дистанционное оформление соглашений в России привело к их росту на 21%. Решение Казахстана использовать среднюю зарплату для расчета задолженности частично решает проблему скрытых доходов.

На основе проведенного сравнительного анализа автором выявлены и систематизированы четыре базовые модели экономического обеспечения алиментных обязательств:

1. Карательно-принудительная модель (Россия, Израиль). Характеризуется доминированием финансовых санкций и ограничительных мер. Основной акцент делается на наказание должника через прогрессивно возрастающие штрафы, ограничение прав и свобод. Эффективность модели ограничена психологическим сопротивлением должников и отсутствием гарантий для получателей алиментов.

2. Институционально-страховая модель (Латвия, Великобритания, Нидерланды). Центральным элементом является государственный фонд, выступающий промежуточным звеном между плательщиком и получателем. Модель обеспечивает непрерывность выплат независимо от поведения должника, но требует значительных организационных ресурсов и создает риски иждивенчества.

3. Расширенно-семейная модель (Германия, частично Франция)

Предполагает вовлечение широкого круга родственников в обеспечение алиментных обязательств через механизм субсидиарной ответственности. Модель опирается на традиционные семейные ценности и солидарность поколений, но может создавать избыточное давление на расширенную семью.

4. Гибридная цифровая модель (Казахстан, Беларусь). Сочетает традиционные механизмы принуждения с современными цифровыми инструментами контроля и публичности. Единые реестры должников и автоматизированные системы расчета повышают прозрачность, но требуют развитой цифровой инфраструктуры.

Исследование выявило ключевые институциональные барьеры, препятствующие эффективному функционированию системы алиментных обязательств в России:

– фрагментация полномочий. Распределение функций между ФССП, судами, органами опеки и попечительства создает институциональные разрывы. Зарубежный опыт демонстрирует эффективность централизованных служб (британская CMS), концентрирующих все функции от расчета до взыскания алиментов;

– информационная асимметрия. Отсутствие единой базы данных о доходах и имуществе граждан позволяет должникам скрывать реальное финансовое положение. Казахстанский опыт интеграции государственных информационных систем показывает путь преодоления данного барьера через создание межведомственных цифровых платформ.

– правовой нигилизм. Культурно обусловленное пренебрежение алиментными обязательствами требует не только правовых, но и социально-психологических механизмов воздействия. Опыт Израиля с жесткими мерами социального порицания и Казахстана с публичными реестрами демонстрирует важность репутационных механизмов.

На основе синтеза лучших международных практик автором разработана концептуальная модель поэтапной трансформации российской системы обеспечения алиментных обязательств:

1. **Фаза институциональной консолидации.** Создание единого координационного центра по алиментным обязательствам, объединяющего функции расчета, мониторинга и первичного взыскания. Данный орган должен получить полномочия по доступу к финансовой информации граждан и автоматическому списанию средств.

2. **Фаза превентивного воздействия.** Внедрение системы раннего предупреждения неплатежей через анализ платежного поведения и проактивное взаимодействие с потенциальными должниками. Использование поведенческих инструментов («подталкивания») для формирования ответственного отношения к алиментным обязательствам.

3. **Фаза социализации ответственности.** Интеграция алиментных обязательств в общую систему социального рейтинга граждан с влиянием на доступ к государственным услугам, кредитам, трудуоустройству. Формирование общественного консенсуса относительно недопустимости уклонения от содержания детей.

Критический анализ применимости зарубежных практик выявил необходимость их существенной адаптации к российскому контексту:

– адаптация британской формульной системы. Прямое заимствование британской формулы расчета алиментов невозможно из-за высокой доли теневых доходов в России. Предлагается двухуровневая система: базовый уровень рассчитывается от региональной медианной зарплаты, дополнительный – при доказанности повышенных доходов плательщика;

– модификация германской субсидиарной ответственности. Полное копирование германской модели противоречит российским семейным традициям. Целесообразно ограничить круг субсидиарно ответственных лиц родителями должника при условии их платежеспособности и отсутствии объективных препятствий;

– трансформация латвийского фонда. Вместо полного государственного финансирования предлагается смешанная модель с участием работодателей, страховых компаний и самих алиментообязанных лиц через систему обязательного страхования алиментных рисков.

Исследование выявило критическую роль социокультурных факторов в эффективности экономических механизмов:

– фактор семейной солидарности. В странах с сильными семейными традициями (Германия, Израиль) эффективны механизмы расширенной ответственности. В России требуется предварительная работа по восстановлению межпоколенческих связей и семейной солидарности;

– фактор правовой культуры. Высокий уровень правосознания в западноевропейских странах обеспечивает добровольное исполнение обязательств. В России необходимо сочетание экономических стимулов с просветительской работой и формированием новых социальных норм;

– фактор цифровой готовности. Успех цифровых механизмов в Казахстане обусловлен государственной программой цифровизации. Для России критически важно обеспечить не только техническую инфраструктуру, но и цифровую грамотность всех участников процесса.

На основе анализа передовых практик автором предложены инновационные механизмы, отсутствующие в текущих национальных системах:

– механизм «алиментного кешбэка». Добросовестным плательщикам предоставляются налоговые вычеты или государственные бонусы, создающие позитивную мотивацию к исполнению обязательств. Размер поощрения дифференцируется в зависимости от стабильности и полноты платежей;

– система «социального залога». При трудоустройстве на государственную службу или в компании с государственным участием требуется подтверждение отсутствия алиментной задолженности. Это создает дополнительные карьерные стимулы к исполнению обязательств;

– модель «алиментного франчайзинга». Передача функций по взысканию алиментов специализированным коллекторским агентствам с оплатой по результату. Это позволит использовать рыночные механизмы и профессиональные компетенции частного сектора.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Существующая российская модель, основанная преимущественно на карательных механизмах, достигла предела эффективности. Дальнейшее ужесточение санкций без институциональных изменений не приведет к качественному улучшению ситуации.

2. Международный опыт демонстрирует превосходство комплексных моделей, сочетающих экономическое принуждение, институциональную поддержку и превентивные механизмы. Особенно эффективны системы с государственными гарантиями.

3. Прямое копирование зарубежной практики невозможно без учета российской специфики: высокой доли теневой экономики, особенностей правовой культуры. Требуется глубокая адаптация с сохранением концептуальной основы.

4. Ключевым условием успеха является изменение общественного отношения к алиментным обязательствам через сочетание экономических стимулов, социального давления и культурно-просветительской работы.

Практические рекомендации включают создание Федерального агентства по алиментным обязательствам с широкими координационными полномочиями, разработку национальной стратегии обеспечения прав детей на содержание с четко прописанными индикаторами и этапами реализации, запуск pilotных проектов в регионах с различными социально-экономическими условиями для тестирования инновационных механизмов.

Список источников

1. Алименты // Tadviser. – 2025. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Алименты> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Нурбекова М.М. Совершенствование механизма правового регулирования взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей / М.М. Нурбекова, Г.А. Ильясова // Репозиторий КарГУ им. академика Е.А. Букетова. – 2024. – С. 291–295.
3. Байрамова Ф.Х. Порядок исполнения исполнительных документов о взыскании алиментов при расчете задолженности по алиментам: актуальные вопросы теории и практики / Ф.Х. Байрамова, Г.Г. Бриль // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 34–39.
4. Черноносова Т.Д. Анализ зарубежного опыта в сфере взыскания алиментных платежей на несовершеннолетних детей / Т.Д. Черноносова. – Омск: Сибирский юридический университет, 2024. – 15 с.
5. Миронова Д.П. Алиментные обязательства в России и зарубежных странах / Д.П. Миронова / Норма. Закон. Законодательство. Право: Материалы XXVII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Пермь, 04–05 апреля 2025 г. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. – С. 101–104.
6. Брускова А.В. Алиментные обязательства в зарубежных странах / А.В. Брускова, Е.О. Демина: Сборник научных статей. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2024. – С. 214–220.
7. Дашин А.В. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с алиментными обязательствами: сравнение с зарубежным законодательством / А.В. Дашин, Л.В. Кудрявцева, Ю.Д. Калита // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 51–53.
8. Ларин А.Е. Сравнительный анализ правового регулирования алиментных соглашений / А.Е. Ларин // Закон и право. – 2025. – № 7. – С. 111–115.
9. Нунаев А.Х. К вопросу о зарубежном опыте взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей / А.Х. Нунаев // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саратов, 15 марта 2024 года. – Саратов: Саратовский источник, 2024. – С. 285–287.

References

1. Alimony. Tadviser. 2025. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Алименты> (date of access: 14.09.2025).
2. Nurbekova M.M. *Sovershenstvovanie mekhanizma pravovogo regulirovaniya vzyskaniya alimentov na soderzhanie nesovershennoletnikh detey = Improving the mechanism of legal regulation of alimony recovery for the maintenance of minor children* / M.M. Nurbekova, G.A. Il'yasova. Repozitoriy KarGU im. akademika E.A. Buketova. 2024. P. 291–295 (in Russ.).
3. Bayramova F. Kh. The procedure for executing enforcement documents on alimony recovery when calculating alimony arrears: topical issues of theory and practice / F. Kh. Bayramova, G. G. Bril'. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2024. No. 2. P. 34–39 (in Russ.).
4. Chernonosova T.D. *Analiz zarubezhnogo opyta v sfere vzyskaniya alimentnykh platezhey na nesovershennoletnikh detey = Analysis of foreign experience in the field of collecting alimony payments for minor children*. Omsk: Sibirskiy yuridicheskiy universitet, 2024. 15 p.
5. Mironova D.P. *Alimentnye obyazatel'stva v Rossii i zarubezhnykh stranakh = Alimony obligations in Russia and foreign countries*. Norma. Zakon. Zakonodatel'stvo. Pravo: Proceedings of the XXVII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. 04–05.04.2025. – Perm': Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2025. P. 101–104 (in Russ.).
6. Bruskova A.V. *Alimentnye obyazatel'stva v zarubezhnykh stranakh = Alimony obligations in foreign countries* / A. V. Bruskova, E. O. Demina: Sbornik nauchnykh statey. – Moscow. Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet, 2024. P. 214–220 (in Russ.).
7. Dashin A.V. Procedural features of dispute resolution related to alimony obligations: comparison with foreign legislation / A. V. Dashin, L. V. Kudryavtseva, Yu. D. Kalita. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2024. No. 12(240). P. 51–53 (in Russ.).
8. Larin A.E. Comparative analysis of legal regulation of alimony agreements. *Zakon i pravo = Law and law*. 2025. No. 7. P. 111–115 (in Russ.).
9. Nunaev A.Kh. K voprosu o zarubezhnom opyte vzyskaniya alimentov na soderzhanie nesovershennoletnikh detey = On the issue of foreign experience in collecting alimony for the maintenance of minor children / Pravo i obshchestvo v usloviyakh globalizatsii: perspektivy razvitiya: Proceedings of the International

Scientific and Practical Conference. Saratov, 15.03.2024. – Saratov: *Saratovskiy istochnik Publ.*, 2024. P. 285–287 (in Russ.).

Статья поступила 02.12.2025, принята к публикации: 12.12.2025.

© Сычева В.С., 2025

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК: 347.95

Возбуждение апелляционного производства в системе стадий и этапов гражданского процесса

Андрей Владимирович Юдин^{1,2,3}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Профессор кафедры гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права

³ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Профессор кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
Доктор юридических наук, профессор

yudin77@ssau.ru

Аннотация. Вопрос о стадиях и этапах гражданского процесса сохраняет свою непреложную актуальность. Как известно, существуют различные подходы к структурированию процесса на стадии и этапы. Доктрина, касающаяся деления процесса на стадии и этапы, в ряде случаев служит основой принимаемых нормативно-правовых актов, равно как и сами акты, затрагивающие вопросы структурирования процесса, служат подтверждением той или иной научной позиции. В гражданском и в арбитражном процессе длительное время существовали различные порядки возбуждения апелляционного производства. В первом случае вопрос о возбуждении апелляционного производства решал суд, вынесший решение; во втором случае данный вопрос решался судом апелляционной инстанции. Аналогичным образом разрешался и вопрос о восстановлении пропущенного процессуального срока на апелляционное обжалование. В существующем порядке усматривалась нелогичность, поскольку вопрос о возбуждении апелляционного производства находился в руках суда, чье решение обжаловалось апеллянтом. С 1 января 2026 г. порядок возбуждения апелляции

в гражданском и арбитражном процессе будет унифицирован, и соответствующий вопрос будет решаться судом апелляционной инстанции. Задача суда первой инстанции будет заключаться в пересылке дела вместе с поступившей жалобой. Однако новый предлагаемый законом порядок имеет отдельные недостатки и порождает вопросы, анализ которых предлагается в настоящей работе.

Ключевые слова: стадия гражданского процесса, этап гражданского процесса, апелляция, апелляционное производство, возбуждение апелляционного производства, апелляционная жалоба, возражения на жалобу, представление прокурора, присоединение к апелляционной жалобе.

Для цитирования: Юдин А.В. Возбуждение апелляционного производства в системе стадий и этапов гражданского процесса // IP: Теория и практика. 2025. № 4 (12).

Original article

Initiation of appeal proceedings in the system of stages and stages of civil procedure

Andrei V. Yudin^{1,2,3}

¹Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Professor of the Department of Civil, Arbitration and Law Enforcement

²Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia Head of the Department of Civil Procedure and Business Law

³Saratov State Law Academy Professor of the Department of Arbitration, Advocacy and Notary, Saratov, Russia

Doctor of Law, Professor

yudin77@ssau.ru

Abstract. The question of the stages and stages of the civil process remains of great relevance. As you know, there are various approaches to structuring the process into stages and stages. The doctrine concerning the division of the process into stages and stages, in some cases, serves as the basis for the adopted normative legal acts, as well as the acts themselves, which address the issues of structuring the process, serve as confirmation of one or another scientific position. For a long time, there have been various procedures for initiating appeal proceedings in civil and arbitration proceedings. In the first case, the issue of initiating appeal proceedings was decided by the court that issued the decision; in the second case, the issue was

decided by the court of appeal. Similarly, the issue of restoring the missed procedural time limit for appeal was resolved. The existing procedure was seen as illogical, since the issue of initiating appeal proceedings was in the hands of the court, whose decision was appealed by the appellant. Starting from January 1, 2026, the procedure for initiating an appeal in civil and arbitration proceedings will be unified, and the relevant issue will be decided by the court of appeal. The task of the court of first instance will be to forward the case along with the received complaint. However, the new procedure proposed by the law is not free from certain shortcomings, and raises certain issues, the analysis of which is proposed in this paper.

Keywords: appeal, appeal proceedings, initiation of appeal proceedings, appeal, objections to the complaint, prosecutor's representation, joining the appeal

For citation: Yudin A.V. Initiation of appeal proceedings in the system of stages and stages of civil procedure // IP: Theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Вопрос о стадиях и этапах гражданского процесса, несмотря на свое солидное теоретическое обоснование, по-прежнему содержит множество нерешенных проблем.

Широко известна позиция Ю.К. Осипова, описывающего процесс через правоприменительные циклы, слагающиеся из таких стадий, как «возбуждение деятельности по применению права, подготовки и совершения правоприменительного акта (действия)» [1, с. 324]. Всякое нововведение должно оцениваться не автономно, а в системе гражданского процессуального права, под которой классиками процессуальной науки понимается «обусловленная единством гражданских процессуальных отношений внутренне согласованная совокупность гражданских процессуальных норм, институтов и других относительно самостоятельных структурных подразделений этой отрасли права, закономерно взаимосвязанных в единое целое» [2, с. 13].

Доктрина составляет фундамент для нормативной организации стадий и этапов цивилистического процесса. Системно-структурная организация процесса (или изменения существующей организации), предлагаемая

принимаемыми правовыми актами, должна проверяться положениями доктрины.

Иллюстративный материал в этом отношении дает Федеральный закон от 01.04.2025 № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ (вступает в силу с 1 января 2026 г.; далее – Закон № 49-ФЗ), который устранил ряд противоречий, выявленных как между нормами самого ГПК РФ (например, об обязанности судьи выслать ответчику копию искового заявления вместе с судебной повесткой), так и между нормами ГПК РФ и других нормативно-правовых актов (например, об отсутствии необходимости в оплате государственной пошлины за подачу заявления об отмене заочного решения). Но самая главная решенная им задача – это унификация порядка возбуждения апелляционного производства в гражданском процессе с порядком, принятым в процессе арбитражном, в котором, как известно, вопрос о принятии апелляционной жалобы разрешается судом апелляционной инстанции. Арбитражный суд первой инстанции при таком порядке выполняет в каком-то смысле техническую роль, сводящуюся к направлению дела в трехдневный срок с момента поступления жалобы в суд апелляционной инстанции (часть 2 ст. 257 АПК РФ). В процессуальном отношении вопрос о принятии жалобы к производству разрешается тем судом, который и будет осуществлять рассмотрение жалобы, т.е. арбитражным апелляционным судом. Данный порядок представляется вполне логичным, поскольку право возбуждения соответствующего проверочного производства принадлежит органу, который наделен компетенцией по вынесению итоговой резолюции.

В гражданском процессе до 2026 г. сохраняется порядок, при котором принятие жалобы («этап установления апелляционного производства», по выражению Е.А. Борисовой [3, с. 186]), осуществляется судом первой инстанции, разрешившим дело. Как пишет Р.В. Шакирьянов, «законодателем

¹ Российская газета от 04.04.2025. С. 13.

вопросы, связанные с возбуждением апелляционного производства, делегированы суду первой инстанции» [4, с. 254]. Указанный порядок изначально подвергался критике в силу того, что право возбуждения проверочного производства передавалось тому органу, чье решение выступает объектом обжалования. Суд первой инстанции также разрешал вопрос о восстановлении пропущенного процессуального срока обжалования (п. 2 ч. 1 ст. 324 ГПК РФ). Как отмечает Е.С. Смагина, «в таких условиях исключать злоупотребления со стороны мирового судьи было бы по меньшей мере легкомысленно» [5, с. 117].

Новый порядок лежит в русле тенденций унификации гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, наметившихся в последнее десятилетие.

Методы

Исследование основывается на нормативно-научных, логических и системно-структурных методах.

Основное содержание

Новый порядок направлен на более четкое размежевание стадий процесса в том смысле, что процессуальные действия, составляющие содержание отдельной стадии процесса, должны совершаться судом – основным субъектом данной стадии процесса. Это обеспечивает концентрацию всех процессуальных действий за главным актором соответствующей стадии. Если он вынужден передавать свои полномочия другим субъектам, то это может привести к раскоординации установленного порядка.

Субъекты апелляционного обжалования. Законом № 49-ФЗ за прокурором было признано право принесения апелляционного представления в защиту лиц, указанных в части 1 ст. 45 ГПК РФ, если судом был разрешен вопрос об их правах и обязанностях. Соответствующее право прокурора

никогда не ставилось под сомнение, но в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»² акценты были расставлены несколько по-другому: за прокурором признавалось право принесения апелляционного представления по делам, в которых его участие являлось обязательным, если он не был привлечен к участию в деле (абзацы 3-4 пункта 9). Предусмотренная Законом № 49-ФЗ норма вручает прокурору более широкие полномочия, поскольку он может выступить в защиту прав субъектов, в том числе по делам, в которых его участие являлось возможным, но не обязательным.

Это не вызывает возражений, т.к. права и охраняемые законом интересы лиц могут одинаково нуждаться в защите как в первой, так и в апелляционной инстанции. Связывать момент вступления прокурора в дело исключительно со стадией процесса, на которой обнаружилось нарушение, было бы сугубо формальным, тем более в ситуации не привлечения субъектов к участию в деле.

Но заложенную в реформируемой норме мысль следовало продолжить, указав в ней не только на субъектов, перечисленных в части 1 ст. 45 ГПК РФ, где предусмотрено участие прокурора в инициативной форме, но и на субъектов, участвующих в делах, перечисленных в части 3 ст. 45 ГПК РФ, где предусмотрена дача прокурором заключения по делу. Если прокурор не был привлечен к участию по таким делам, и, тем более, если не были привлечены сами лица, то нет оснований лишать прокурора права принесения апелляционного представления.

Действия суда первой инстанции, предшествующие возбуждению апелляционного производства. Часть 2 ст. 321 ГПК РФ устанавливает, что возражения относительно апелляционной жалобы, представления

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. №7.

аккумулируются судом первой инстанции после поступления жалобы, а впоследствии, по истечении срока обжалования, направляются в суд второй инстанции. Аналогичный порядок был предусмотрен и ранее, и сохраняется до 01.01.2026, но отличие состоит в том, что при «старом» порядке лица, участвующие в деле, подавали возражения по уже возбужденному судом первой инстанции апелляционному производству, а при «новом» порядке они призываются к подаче возражений по апелляционному производству, которое еще не возбуждено.

Согласно «старому» порядку, судья разъяснял лицам право представить возражения на апелляционную жалобу (часть 1 ст. 325 ГПК РФ); по новому порядку такого разъяснения судья уже не производит. Лица, участвующие в деле, могут возразить против жалобы, получив ее копию по почте от апеллянта.

Однако они могут иметь резонные сомнения, будет ли в последующем жалоба принята к производству суда апелляционной инстанции. Такие лица не лишаются права заявить возражения непосредственно в суд апелляционной инстанции (часть 4 ст. 322.1 ГПК РФ). Аналогичный порядок направления отзыва установлен в арбитражном процессе (ст. 262 АПК РФ).

По соображениям практического удобства при наличии жалобы и возражений дело окажется в суде апелляционной инстанции в более высокой степени готовности, по сравнению с ситуацией, когда возражения вынужден получать сам суд апелляционной инстанции. Но формально апелляционного производства еще нет, чтобы лица имели стимул спорить с жалобой. Дело в суде первой инстанции завершено рассмотрением, а в суде апелляционной инстанции еще не начато. Направление жалобы лицом в адрес суда первой инстанции и в адрес лиц, участвующих в деле, равно как и подача возражений на нее, при отсутствии акта суда апелляционной инстанции, которым возбуждается проверочное производство, по своей роли тяготеет к актам саморегуляции сторон. Суд первой инстанции здесь скорее выступает в роли

межинстанционного посредника, и его задача сводится фактически к технической передаче документов.

Действия суда апелляционной инстанции, связанные с возбуждением апелляционного производства.

1. Право представления возражений на апелляционную жалобу оказывается прописанным дважды – в суде первой инстанции *до истечения срока апелляционного обжалования* и в суде апелляционной инстанции *по истечении срока апелляционного обжалования*.

Во втором случае, как следует из заглавия нормы ст. 322.1 ГПК РФ, право представить возражения имеется у лиц на стадии принятия апелляционной жалобы к производству суда. Полагаем, что такая акцентуация является излишней, поскольку *право заявлять возражения (а равно дополнять апелляционную жалобу) должно быть предоставлено лицам на всем протяжении апелляционного производства*. Можно ли, например, допустить, что лицо после первого заседания суда апелляционной инстанции захочет расширить или уточнить свои возражения, но ему будет отказано по причине пропуска момента для подачи возражений, ограниченного только стадией принятия жалобы к производству? Очевидно, что лицо не может быть ограничено в своем праве приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам (часть 1 ст. 35 ГПК РФ), в том числе доводы, облеченные в форму возражений на апелляционную жалобу. Разумеется, что, если суд усматрит злоупотребление правом в подаче таких возражений, он не лишен права, с учетом требований добросовестности процессуального поведения, отказать в их принятии.

2. Законодатель посчитал необходимым закрепить для суда апелляционной инстанции право лицзнакомиться с материалами дела (часть 4 ст. 322.1 ГПК РФ). Вероятно, это связано с тем, что на практике данное право встречало препятствия в своей практической реализации.

Право на ознакомление с материалами дела образует базис в корпuse общих прав лиц, участвующих в деле (часть 1 ст. 35 ГПК РФ), и

распространяется на все стадии гражданского процесса, независимо от того, зафиксировано ли оно в законе для каждой конкретной стадии процесса.

Действия суда апелляционной инстанции после завершения апелляционного производства. Ситуация, когда после завершения апелляционного производства и принятия апелляционного определения, в том числе вследствие восстановления процессуального срока апелляционного обжалования, поступает новая апелляционная жалоба, и ранее была описана в ст. 330.1 ГПК РФ.

Новая редакция данной нормы, с учетом Закона № 49-ФЗ, предлагает противоречивый алгоритм действий суда апелляционной инстанции. Ему предписано выполнить действия, предусмотренные частями 5 и 6 ст. 321 ГПК РФ, однако совершение подобных действий либо невозможно, либо нецелесообразно.

1. Часть 5 ст. 321 ГПК РФ предписывает суду апелляционной инстанции по жалобам, поступившим непосредственно в его адрес, направлять их в суд первой инстанции для представления другими лицами, участвующими в деле, возражений на апелляционную жалобу и направлению дела в суд. Однако, если согласно диспозиции нормы части 1 ст. 330.1 ГПК РФ срок обжалования уже восстановлен, то такая отсылка просто становится беспредметной.

Если допустить, что новая апелляционная жалоба поступила непосредственно в суд апелляционной инстанции, при том, что по делу уже состоялось первое апелляционное определение, то насколько целесообразно направлять такую жалобу в суд первой инстанции для сбора возражений от лиц, участвующих в деле, которые опять же пребывают в неведении относительно принятия данной жалобы к производству суда второй инстанции? Поскольку закон (как отмечалось выше) допускает направление возражений в суд апелляционной инстанции после истечения срока апелляционного обжалования (а в данном случае первичный срок

апелляционного обжалования явно истек!), то суд апелляционной инстанции и должен осуществлять получение таких возражений.

2. Часть 6 ст. 321 ГПК РФ регламентирует рассмотрение заявления о восстановлении процессуального срока на апелляционное обжалование. Аналогичным образом, если согласно диспозиции нормы части 1 ст. 330.1 ГПК РФ срок обжалования уже восстановлен, то такая отсылка становится беспредметной.

Также указание на *поступление* апелляционной жалобы в суд апелляционной инстанции после рассмотрения первой жалобы, в свете реформируемых положений, оказывается уже не вполне правильным. По действующему до 01.01.2026 порядку жалоба действительно *поступала* из суда первой инстанции, как правило, с определением о восстановлении пропущенного процессуального срока обжалования. Новый порядок означает, что суд апелляционной инстанции, как суд, управомоченный на принятие жалобы и на восстановление срока обжалования, сам решает вопрос, принимать ли такую жалобу к производству. В этом значении апелляционная жалоба уже не может считаться поступившей извне.

Сказанное убеждает в том, что принятие второй (третьей и т.д.) апелляционной жалобы осуществляется по общим правилам, установленным для принятия обычной жалобы. Это и следовало указать в части 1 ст. 330.1 ГПК РФ. Особенности имеет не принятие, а именно рассмотрение новой жалобы на фоне уже имеющегося апелляционного определения, поскольку возникает вопрос о его отмене, оставлении в силе и пр.

Заключение

Различные реформы гражданского процесса должны поверяться доктринальными положениями, в частности, положениями о стадиях и этапах процесса, свидетельством чего является предпринятая новеллизация. Полагая в целом правильной унификацию порядка возбуждения апелляционного производства в гражданском и в арбитражном процессе, считаем, что

устранение выявленных в настоящей статье противоречий нового закона будет способствовать повышению эффективности апелляционного производства и служить гарантией исправления ошибок, допущенных судом первой инстанции. В настоящий момент можно наблюдать концентрацию практически всех процессуальных действий, совершаемых на стадии апелляционного производства, в руках суда апелляционной, а не первой инстанции.

Список источников

1. Осипов Ю.К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права; Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / Под ред. В.В. Яркова. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. – 652 с.
2. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории) / В.М. Шерстюк. – Москва: МГУ, 1989. – 136 с.
3. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е.А. Борисова. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
4. Шакирьянов Р.В. Теоретические и практические проблемы апелляционного производства в гражданском процессе. – Москва: Статут, 2024. – 455 с.
5. Смагина Е.С. Апелляционное производство в гражданском процессе. Москва: Юрлитинформ, 2007. – 192 с.

References

1. Osipov Yu.K. Elements and Stages of Application of Soviet Civil Procedural Law Norms. Brief Anthology of Ural Procedural Thought: 55 Years of the Civil Procedure Department of the Ural State Law Academy / Ed. V.V. Yarkov. Yekaterinburg: Publishing House of the Humanitarian University, 2004. 652 p. (in Russ.).
2. Sherstyuk V.M. *Sistema sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava (voprosy teorii) = The System of Soviet Civil Procedural Law (Theoretical Issues)*. Moscow: Moscow State University Publ. 1989. 136 p. (in Russ.).
3. Borisova E.A. Appeal, Cassation, Supervision in Civil Cases: A Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2013. 320 p. (in Russ.).
4. Shakiryanov R.V. *Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy apellyatsionnogo proizvodstva v grazhdanskom protsesse = Theoretical and*

Practical Problems of Appellate Proceedings in Civil Procedure. Moscow: *Statut Publ.* 2024. 455 p. (in Russ.).

5. Smagina E.S. *Apellyatsionnoye proizvodstvo v grazhdanskom protsesse = Appellate Proceedings in Civil Procedure.* Moscow: *Yurlitinform Publ.* 2007. 192 p. (in Russ.).

Статья поступила 05.11.2025, принята к публикации: 24.11.2025.

© Юдин А.В., 2025

Научная статья
УДК 347.45/.47

**Гражданско-правовые механизмы обеспечения публичных интересов
в инновационной экономике**

Валерий Евгеньевич Белов,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

Доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0009-3597-1476>

gppois@rgiis.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых аспектов обеспечения публичных интересов в инновационной сфере, базирующейся на интеллектуальной собственности. Рассматриваются правовые механизмы контрактной системы, принудительного лицензирования, а также использования изобретений, полезных моделей, промышленных образцов при чрезвычайных обстоятельствах и в случае крайней необходимости. Отмечается особая роль государства в развитии инновационной экономики.

Ключевые слова: правовой механизм, публичные интересы, инновационная сфера, интеллектуальная собственность, государство.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: правовой и социально-экономический аспект» (5-Г3-2023).

Для цитирования: Белов В.Е. Гражданско-правовые механизмы обеспечения публичных интересов в инновационной экономике // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Original article

**Legal mechanisms for ensuring public interests
in the innovation sphere**

Valeriy E. Belov,

Russian State Academy

Intellectual Property, Moscow, Russia

professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law

Doctor of Law, Associate Professor
<https://orcid.org/0009-0009-3597-1476>
 gppois@rgiis.ru

Abstract. This article examines the legal aspects of protecting public interests in the innovation sphere based on intellectual property. It examines the legal mechanisms of the contract system, compulsory licensing, and the use of inventions, utility models, and industrial designs in emergency situations and cases of extreme necessity. The special role of the state in developing an innovative economy is emphasized.

Key words: legal mechanism, public interests, innovation sphere, intellectual property, state.

Financing: The study was carried out within the framework of the research project "Compulsory licensing based on state, public and other public interests: legal and socio-economic aspects" (5-GZ-2023).

For citation: Belov V.E. Civil Law Mechanisms for Ensuring Public Interests in the Innovative Economy // IP: Theory and Practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Известно, что базой для экономики инновационного типа является интеллектуальная собственность. При этом необходимость инновационного развития обусловлена интересами государства и общества. В этой связи представляется актуальным исследование правовых механизмов обеспечения публичных интересов в инновационной сфере, в том числе роли государства как непосредственного участника рассматриваемых отношений.

Методы

При проведении исследования использовались методы структурно-функционального анализа, детерминизма, сравнения, абстрагирования и конкретизации, аналогии и др.

Основное исследование

Инновационная сфера, базирующаяся на интеллектуальной собственности, неразрывно связана с понятиями «государственные интересы», «общественные интересы», «публичные интересы», «национальные интересы». Не углубляясь в анализ данных понятий в рамках

настоящего исследования, будем исходить из того, что понятие «публичные интересы» является более широким понятием, охватывающим иные названные виды интересов.

Одновременно следует подчеркнуть *неразрывную связь* указанных интересов с категориями «цель» и «потребность». В частности, с позиции философского понимания сделаны выводы о том, что «интерес выражает диалектическое единство потребностей и целей», а цель является «результатом осознания социальным субъектом его объективных потребностей и интересов» [1].

Отмеченную взаимосвязь можно проиллюстрировать на примере понятия национальных интересов. Так, в научной литературе отмечается, что национальные интересы «представляют собой разноуровневые и многоплановые осознанные жизненно важные потребности личности, общества и государства, причем взаимосвязанные и взаимообусловленные» [2], также связанные «со стратегическими целями, которые ставит перед собой общество» [3].

Заслуживает внимания вопрос, касающийся *соотношения публичных и частных интересов* в рассматриваемой сфере. Речь идет, в том числе, о частных интересах индивидуума как конечного потребителя материальных и нематериальных благ; интересах патентообладателей и иных лиц, имеющих право использовать результат интеллектуальной деятельности и т.п. Следует согласиться с научной точкой зрения о понимании публичных и частных интересов «как взаимодополняющих элементов единой социально-правовой системы, где публичный интерес включает защиту частных прав в качестве своего необходимого компонента, а реализация частного интереса невозможна без стабильной системы публичного порядка» [4]. Особое значение с точки зрения теории и практики имеет *достижение и поддержание баланса данных интересов*.

Актуальным также является вопрос о том, *кто является выражителем и представителем публичных интересов*. В этой связи представляется верным

научное утверждение, в соответствии с которым «под публичным интересом понимаются не столько интересы государства, сколько совокупные интересы граждан данного государства. Государство же должно выступать в качестве выразителя публичных интересов и представлять интересы общества в целом» [5].

Основу правовых механизмов обеспечения публичных интересов в инновационной сфере составляют *гражданско-правовые нормы*. Говоря о непосредственном участии Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований (далее – публично-правовых образований, государства) в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, следует обратиться к нормам ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), посвященной порядку участия данных субъектов в указанных отношениях. От имени публично-правовых образований в гражданских правоотношениях могут выступать, во-первых, органы государственной власти (органы местного самоуправления) в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов; во-вторых, государственные органы, органы местного самоуправления, юридические лица и граждане, действующие в качестве представителей (ст. 182 ГК РФ).

Реализация публичных интересов в инновационной сфере обеспечивается различными правовыми механизмами.

1. Приобретение публично-правовыми образованиями товаров, результатов работ, услуг (далее также – продукции) инновационного характера в рамках контрактной системы в сфере закупок.

О непосредственной связи данной системы с решением задачи инновационного развития свидетельствуют, в том числе, нормы ст. 6 и ст. 10 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Речь идет о закрепленном в указанных статьях *принципе стимулирования инноваций*,

согласно которому «заказчики при планировании и осуществлении закупок должны исходить из приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции».

Рассматриваемая задача нашла отражение в подп. «в» п. 34 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 01.12.2016 № 642 (далее – Стратегия), где отмечается необходимость «ориентации государственных заказчиков на закупку наукоемкой и инновационной продукции, созданной на основе российских технологий». Указом Президента России от 28.02.2024 № 145 утверждена обновленная Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, ориентированная на дальнейшее повышение эффективности контрактной системы в рассматриваемой сфере. Таким образом, контрактная система в сфере закупок должна рассматриваться в качестве важнейшего инструмента инновационного развития [6].

Ранее отмеченная тесная взаимосвязь категорий интересов, потребностей и целей отчетливо просматривается в сфере контрактных отношений. Так, об этом свидетельствуют, в частности, нормы ст. 1 Федерального закона от 13.12.1994 № 60-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд». К целям таких поставок, в том числе, отнесены: создание и поддержание государственных материальных резервов; поддержание необходимого уровня обороноспособности и безопасности Российской Федерации; реализация федеральных целевых программ. Поставка продукции для нужд субъектов Российской Федерации (региональных нужд) также связывается с решением задач жизнеобеспечения регионов и реализацией региональных целевых программ. Под государственными и муниципальными нуждами при этом понимаются потребности в материальных и нематериальных благах (товарах, результатах работ, услугах и т.д.).

Государственные программы и иные программные документы призваны отражать публичные интересы. Разрабатывая и принимая подобные документы, государство выступает выразителем публичных интересов. Анализ показывает, что реализация данных программ в рамках контрактной системы неразрывно связана с вопросами инновационного развития. Так, в п. 4 Порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26.06.1995 № 594 (с изм.) «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд», говорится о необходимости «широкомасштабного распространения прогрессивных научно-технических достижений и повышения на этой основе эффективности общественного производства».

Правовой механизм контрактной системы базируется на нормах частей первой, второй и четвертой ГК РФ. В рамках данной системы заключаются государственные и муниципальные контракты, являющиеся гражданско-правовыми договорами (п. 8 ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе).

В то же время регулирование отношений в контрактной системе в целом носит *комплексный характер*, обусловленный публичными интересами, что находит отражение в административно-правовой составляющей правового регулирования.

Поскольку публичные интересы реализуются прежде всего за счет публичных источников финансирования (бюджетов различного уровня, а также средств государственных внебюджетных фондов) гражданско-правовое регулирование в рамках контрактной системы также интегрировано с *бюджетно-правовым регулированием*. Это видно на примере правового статуса лиц, управомоченных выступать в контрактных отношениях от имени публично-правовых образований. Речь идет о *государственных заказчиках*, функции которых могут выполнять государственные органы, государственные корпорации «Росатом» и «Роскосмос», публично-правовая

компания «Единый заказчик в сфере строительства», органы управления государственными внебюджетными фондами, государственные казенные учреждения. Выполнение функций *муниципальных заказчиков* может быть возложено на муниципальные органы, а также муниципальные казенные учреждения (ст. 3 Закона о контрактной системе). Особенностью является то, что государственные и муниципальные заказчики одновременно являются субъектами бюджетного права – *получателями бюджетных средств*. В Бюджетном кодексе РФ (далее – БК РФ) закреплено определение понятия получателей бюджетных средств (ст. 6), а также содержатся нормы, касающиеся порядка осуществления закупок товаров (выполнения работ, оказания услуг) для обеспечения государственных либо муниципальных нужд (ст. 72).

Говоря о бюджетном финансировании, составляющем финансовую основу контрактной системы, нельзя не отметить актуальность вопроса, касающегося использования иных источников финансирования. Следует отметить, что в подп. «е» п. 28 ранее упоминавшейся обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации говорится, в том числе, о *принципах партнерства государства, промышленности, науки и высшего образования, объединении государственных и частных ресурсов для проведения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ*. Таким образом, фактически упоминаются элементы государственно-частного партнерства, предполагающего помимо прочего совместное финансирование реализуемых проектов. К сожалению, пока что институты контрактной системы и государственно-частного партнерства не связаны между собой, о чем свидетельствует анализ соответствующих блоков законодательства.

Заключаемые в рамках контрактной системы государственные и муниципальные контракты должны быть нацелены, в том числе на *приобретение продукции инновационного характера (материальных носителей результатов интеллектуальной деятельности; далее – РИД)*.

Одновременно публично-правовые образования могут приобретать имущественные права на РИД, созданные при исполнении контрактных обязательств. В этой связи актуальным является вопрос о реализации данных прав – *организации производства продукции инновационного характера* в публичном (государственном и муниципальном) секторе либо частном секторе экономики.

В настоящее время применительно к производственной составляющей наибольшее развитие в рамках контрактной системы получил сектор *государственного оборонного заказа*. Согласно ст. 1 Федерального закона от 29.12.2012 (с изм.) № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», к предмету правового регулирования относятся помимо прочих и отношения по выполнению государственного оборонного заказа, т.е. по сути стадия производства продукции военного (двойного) назначения. Актуальным видится дальнейшее развитие контрактной системы не только в части закупок готовой продукции инновационного характера, но и непосредственного производства такой продукции (в том числе гражданского назначения). Пока что можно констатировать, что потенциал контрактной системы как инструмента инновационного развития используется далеко не в полной мере.

2. Приобретение публично-правовыми образованиями прав на использование результатов интеллектуальной деятельности на основе механизма принудительного лицензирования.

Правовой механизм принудительного лицензирования предусмотрен нормами части четвертой ГК РФ. Согласно ст. 1239 ГК РФ, по требованию заинтересованного лица суд может принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в решении суда условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия).

Как известно, принудительная лицензия на изобретение, полезную модель или промышленный образец может быть предоставлена при *соблюдении ряда условий*, перечисленных в ст. 1362 ГК РФ.

Во-первых, изобретение или промышленный образец не использовался либо недостаточно использовался патентообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента, а полезная модель – в течение трех лет со дня выдачи патента.

Во-вторых, неиспользование (недостаточное использование) РИД привело к недостаточному предложению соответствующих товаров (работ, услуг) на рынке.

В-третьих, патентообладатель отказался от заключения лицензионного договора (на условиях, соответствующих установившейся практике) с лицом, желающим и готовым использовать РИД (далее – заинтересованное лицо).

В этом случае заинтересованное лицо вправе в судебном порядке потребовать предоставления принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование соответствующего РИД на территории Российской Федерации. Если патентообладатель не сможет доказать, что неиспользование (недостаточное использование) им РИД обусловлено уважительными причинами, суд принимает решение о предоставлении лицензии на определенных условиях.

В качестве заинтересованных лиц могут выступать физические и юридические лица, а также публично-правовые образования. В отличие от лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (физических и юридических лиц), рассматривающих данный правовой механизм прежде всего с позиции частных интересов – возможности извлечения прибыли (что не всегда может иметь место), публично-правовые образования должны использовать возможности данного правового механизма с точки зрения обеспечения публичных интересов (удовлетворения потребностей государства и общества в соответствующих материальных и нематериальных благах).

Непосредственная связь механизма принудительного лицензирования с обеспечением публичных интересов нашла отражение и в рассматриваемой статье ГК РФ. Речь идет о том, что предоставление принудительной простой

(неисключительной) лицензии на использование изобретения, относящегося к технологии полупроводников, возможно исключительно для его некоммерческого использования *в государственных, общественных и иных публичных интересах*, а также для изменения положения, которое в установленном порядке было признано нарушающим требования антимонопольного законодательства Российской Федерации.

О тесной связи механизма принудительного лицензирования с обеспечением публичных интересов красноречиво свидетельствуют также нормы зарубежного законодательства. Так, например, принудительное лицензирование возможно, если того требуют «интересы общества, в частности, национальная безопасность, области продуктов питания, здравоохранения (включая отсутствие доступности медицинской продукции) или другие жизненно значимые области» (подп. 1 ч. 1 ст. 72 Закона Республики Армения «О патентах» от 03.03.2021 №О-108-N); «при чрезвычайном положении (стихийные бедствия, катастрофы, крупные аварии, эпидемии), а также в интересах обороны и национальной безопасности» (ч. 3 ст. 19 Патентного закона Кыргызской Республики от 23.03.2023 № 69).

Правовой механизм принудительного лицензирования связывается с *заключением гражданско-правового договора в обязательном порядке* (ст. 445 ГК РФ), что подтверждается судебной позицией, изложенной в п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Можно констатировать, что порядок принудительного лицензирования в Российской Федерации закреплен в гражданском законодательстве, но пока не нашел широкого применения на практике, в том числе не получил должной апробации в части его использования для обеспечения публичных интересов. В этой связи актуальным является формирование и развитие правоприменительной практики, связанной с предоставлением принудительных лицензий.

3. Обеспечение публичных интересов в инновационной сфере при чрезвычайных обстоятельствах в случае крайней необходимости.

Помимо правовых механизмов обеспечения публичных интересов в инновационной сфере, основывающихся на договорном регулировании, возможно использование механизмов, не связанных с заключением договоров.

Так, согласно п. 3 ст. 1359 ГК РФ, изобретения, полезные модели, промышленные образцы могут использоваться заинтересованными лицами *при чрезвычайных обстоятельствах* (стихийных бедствиях, катастрофах, авариях). При этом предполагается соответствующее уведомление патентообладателя в кратчайший срок, а также последующая выплата последнему соразмерной компенсации.

При анализе данных норм возникает, в том числе, вопрос о том, как быстро может быть создан соответствующий материальный носитель результата интеллектуальной деятельности, который будет использоваться при ликвидации чрезвычайных ситуаций (с учетом особенностей подобных ситуаций, в том числе их экстренного характера).

В соответствии со ст. 1360 ГК РФ Правительство России имеет право *в случае крайней необходимости* принять решение об использовании результата интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя. Крайняя необходимость в данном случае связывается с обеспечением обороны и безопасности государства, а также охраны жизни и здоровья граждан. Как и при чрезвычайных обстоятельствах, патентообладатель должен быть уведомлен об этом в кратчайший срок, а также ему положена соразмерная компенсация.

В научной литературе дается сравнительная характеристика указанных правовых механизмов. В частности, отмечается, что использование РИД при чрезвычайных обстоятельствах не прогнозируется и носит кратковременный характер (до момента ликвидации последствий); РИД может использоваться любым субъектом – ликвидатором. В то же время случаи крайней

необходимости связываются, в частности, с постоянным использованием РИД [7].

Следует отметить, что указанные *базовые нормы ГК РФ дополняются нормами подзаконных нормативных правовых актов*. Так, постановлением Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767 (ред. от 27.03.2024) утверждены методика определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия и порядок ее выплаты. Тем самым обеспечиваются частные интересы правообладателей.

В развитие рассматриваемых положений ГК РФ также принят Указ Президента России от 15.02.2024 № 122 «О совершенствовании порядка принятия решений об использовании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации», в соответствии с которым Правительство России должно сформировать при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции *подкомиссию по вопросам использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации* (далее – подкомиссия).

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 27.03.2024 № 380 основными задачами указанной подкомиссии являются: рассмотрение заявок об использовании объектов патентных прав без согласия патентообладателей и с выплатой им соразмерной компенсации; подготовка решений об использовании таких РИД.

Заявка об использовании РИД принимается только от российских юридических лиц, в уставном капитале которых доля прямого или косвенного участия Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований и (или) граждан превышает 75%; она подается заинтересованным лицом в Минэкономразвития России *после предварительного обращения к правообладателю объекта с просьбой предоставить лицензию, получения*

отказа правообладателя или отсутствия ответа на запрос в течение 30 дней.

В случае соблюдения требований заявка и приложенные к ней материалы направляются в Минпромторг России, Роспатент, ФАС России, иной профильный федеральный орган исполнительной власти, которые рассматривают документы и готовят заключения, касающиеся возможности (невозможности) поддержки решения об использовании РИД.

Минэкономразвития России готовит заключение для отправки в подкомиссию с приложением проекта решения Правительства России, если в более чем половине заключений поддерживается *решение о предоставлении принудительной лицензии*. После этого подкомиссия готовит решение об использовании РИД. Таким образом, обеспечение интересов в сфере экономической безопасности в данном подзаконном нормативном правовом акте связывается с *механизмом принудительного лицензирования*.

В целом совокупная оценка норм, содержащихся в п. 3 ст. 1359, ст. 1360, ст. 1362 ГК РФ, может свидетельствовать об их *взаимосвязи, обусловленной возможностью применения данных норм для обеспечения публичных интересов*. Одновременно следует учесть, что речь идет лишь о приобретении прав на использование результатов интеллектуальной деятельности. Не менее важной является дальнейшая *реализация данных прав*, связанная с воплощением РИД в продукции инновационного характера. Таким образом, требуется применение комплекса мер, обеспечивающих, в том числе, создание, приобретение и использование продукции инновационного характера, необходимой для обеспечения публичных интересов.

Как уже было показано, особая роль в процессе внедрения инноваций принадлежит государству, которое является непосредственным участником рассматриваемых отношений. Одновременно государство выступает в качестве регулятора в данной сфере. В научной литературе выделяется *принцип участия государства в регулировании экономики и предпринимательства* [8].

Важную роль могут сыграть *меры государственной поддержки и стимулирования предпринимательской деятельности* в рассматриваемой сфере. Показательным в этом отношении является пример контрактной системы. Известно, что государственная поддержка отечественных товаропроизводителей (в том числе для решения задачи импортозамещения) в рамках данной системы в настоящее время реализуется в значительной степени путем применения мер административно-правового характера – законодательных запретов и ограничений, касающихся закупок продукции иностранного производства.

В то же время в самом начале формирования отечественной системы государственных закупок в условиях перехода к рыночной экономике в законодательных актах, принятых в первой половине 90-х годов прошлого века, речь шла преимущественно о мерах экономического стимулирования предпринимателей – производителей (поставщиков, подрядчиков) товаров (работ) для государственных нужд:

- льготах по налогообложению, целевых дотациях и субсидиях, а также кредитах на льготных условиях (ст. 4 Федерального закона от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»; ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд»);

- стимулировании выполнения поставок материальных ценностей в государственный резерв, а также поставок товаров (продукции) для эксплуатационных нужд и капитального строительства системы государственного резерва (ст. 10 Федерального закона от 29.12.1994 № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве»);

- предоставлении льгот, предусмотренных законодательством, а также формулировании условий контрактов, направленных на стимулирование своевременного и качественного выполнения работ (п. 6 Основных положений порядка заключения и исполнения государственных контрактов (договоров

подряда) на строительство объектов для федеральных государственных нужд в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14.08.1993 № 812.

Представляется целесообразным более широкое применение подобных мер и в современных условиях, в том числе с целью стимулирования производства продукции инновационного характера.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в гражданском законодательстве содержатся базовые нормы, касающиеся обеспечения публичных интересов в инновационной сфере. Анализ правовых механизмов, связанных с приобретением прав на использование результатов интеллектуальной деятельности при чрезвычайных обстоятельствах, в случае крайней необходимости, а также в рамках принудительного лицензирования, свидетельствует об их тесной взаимосвязи, обусловленной необходимостью обеспечения публичных интересов.

В то же время помимо предоставленной гражданским законом возможности приобретения прав на использование результатов интеллектуальной деятельности не менее важным является создание, закупка и дальнейшее использование продукции инновационного характера (носителей результатов интеллектуальной деятельности). Таким образом, существует связь вышеуказанных правовых механизмов с правовым механизмом контрактной системы, позволяющей решать указанные задачи.

Для обеспечения публичных интересов в инновационной сфере требуется комплексное правовое регулирование. Особая роль в реализации исследованных правовых механизмов принадлежит государству, выступающему непосредственным участником рассматриваемых отношений.

Список источников

1. Знак З.В. Категории «потребность», «интерес», «цель» и их роль в анализе социального детерминизма: дис. канд. ...философ. наук / З.В. Знак. – Москва, 1984. – 153 с.
2. Ницевич В.Ф. О понятии и сущности национальной безопасности / В.Ф. Ницевич // Политика национальной безопасности. – 2015. – № 2. – С. 101–114.
3. Казанцев С.В. Национальные интересы, стратегические цели и долгосрочная безопасность Российской Федерации / С.В. Казанцев // Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15. – № 1. - С. 40–49.
4. Альбов А.П. Диалектика частных и публичных интересов в национальной правовой системе: теоретико-правовой анализ на примере принудительного лицензирования / А.П. Альбов // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).
5. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданского права. (Вопросы теории и практики) / В.Ф. Яковлев. – Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 224 с.
6. Белов В.Е. Контрактная система в сфере закупок как инструмент инновационного развития: экономико-правовые аспекты / В.Е. Белов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 1. – С. 5–16.
7. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой / под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2011. – 926 с.
8. Губин Е.П. Законодательство о предпринимательской деятельности: состояние и направления совершенствования / Е.П. Губин // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2010. – № 3. – С. 18–25.

References

1. Znak Z.V. *Kategorii «potrebnost'», «interes», «tsel'» i ikh rol' v analize sotsial'nogo determinizma = Categories “Need”, “Interest”, “Goal” and Their Role in the Analysis of Social Determinism*: PhD thesis (Philosophy). Moscow. 1984. 153 p. (in Russ.).
2. Nitsevich V.F. On the Concept and Essence of National Security. *Politika nacionalne bezbednosti = The Policy of National Security*. 2015. No. 2. Pp. 101–114 (in Russ.).
3. Kazantsev S.V. National Interests, Strategic Goals and Long-Term Security of the Russian Federation. *Mir novoj ekonomiki = The world of new economy*. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 40–49 (in Russ.).

4. Albov A.P. Dialectics of private and public interests in the national legal system: theoretical and legal analysis on the example of compulsory licensing. *IP: teoriya i praktika = IP: Theory and Practice*. 2025. No. 3 (11) (in Russ.).
5. Yakovlev V.F. *Rossiya: ekonomika, grazhdanskoe pravo (Voprosy teorii i praktiki) = Russia: Economy, Civil Law (Issues of Theory and Practice)*. Moscow: RITs ISPI RAN Publ. 2000. 224 p. (in Russ.).
6. Belov V.E. Contract system in procurement as a tool for innovative development: economic and legal aspects. *Kopirajt (vestnik Akademii intellektual'noj sobstvennosti) = Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2025. No. 1. Pp. 5–16 (in Russ.).
7. Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part four / edited by P. V. Krasheninnikov. Moscow: *Statut* Publ. 2011. 926 p. (in Russ.).
8. Gubin E.P. Legislation on entrepreneurial activity: status and areas for improvement. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom» = Entrepreneurial Law. Appendix “Business and Law in Russia and Abroad”*. 2010. No. 3. Pp. 18–25 (in Russ.).

Статья поступила 21.11.2025, принята к публикации: 08.12.2025.

© Белов В.Е., 2025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК: 347.778

Роль системы патентного права в активизации молодежного научного творчества

Юрий Юрьевич Тимофеев¹, Татьяна Александровна Дадашова²

^{1,2} ФГБНУ «Институт научно-технической информации», г. Донецк, Россия

¹ <https://orcid.org/0009-0008-8448-9865>,

yrif3@mail.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-3965-2869>,

tatyana_dadashova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется роль системы патентного права для активизации молодежного научного творчества. В рамках исследования проанализированы данные о мировой структуре подачи патентных заявок на изобретения, произведен обзор научных исследований в области развития молодежного научного творчества, а также патентной активности как драйвера социально-экономического развития, а также представлен перечень функций системы патентного права в направлении активизации деятельности молодого поколения ученых.

Ключевые слова: патентное право, инновационное развитие, наука, молодые ученые, молодежное научное творчество

Для цитирования: Тимофеев Ю.Ю. Роль системы патентного права в активизации молодежного научного творчества // IP: теория и практика. – 2025. – № 4(12).

Original article

The role of the patent law system in the activation of youth scientific creativity

Yuri Yu. Timofeev¹, Tatiana A. Dadashova²

^{1,2} Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Scientific and Technical Information, Donetsk, Russia

<https://orcid.org/0009-0008-8448-9865>,

yrif3@mail.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-3965-2869>,
 tatyana_dadashova@mail.ru

Abstract. The article examines the role of the patent law system in the activation of youth scientific creativity. The study analyzes data on the global structure of patent applications for inventions, provides an overview of scientific research in the field of youth scientific creativity, as well as patent activity as a driver of socio-economic development, and provides a list of functions of the patent law system to enhance the activities of the younger generation of scientists.

Keywords: patent law, innovative development, science, young scientists, youth scientific creativity

For citation: Timofeev Yu. Yu., Dadashova T.A. The role of the Institute of Intellectual The role of the patent law system in the activation of youth scientific creativity // IP: theory and practice. 2025. №. 4(12).

Введение

Молодые ученые играют важнейшую роль в формировании научно-технического потенциала государства. Активизация молодежного научного творчества (далее – МНТ) и изобретательской деятельности – ключевой элемент устойчивого инновационного развития. Молодежь является источником новых идей и нестандартных решений для осуществления технологических прорывов, а грамотная поддержка ее инициатив способствует формированию высокотехнологичной экономики и повышению конкурентоспособности регионов. Однако без развитой системы патентного права (далее – СПП) эффективная деятельность в области активизации молодежного научного творчества недостаточно эффективна.

Целью статьи является изучение роли СПП в активизации молодежного научного творчества. Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении влияния СПП на активизацию МНТ. В практической плоскости результаты настоящего исследования послужат более эффективному использованию возможностей и преимуществ СПП при разработке мероприятий по активизации молодежного научного творчества, а также устранению существующих препятствий на пути их реализации.

Методы

В процессе исследования для достижения поставленной цели применены методы теоретического обобщения и статистического анализа. Информационной базой послужили научные работы российских ученых, а также статистические данные НИУ «Высшая школа экономики».

Основное исследование

На сегодняшний день вопросы развития МНТ являются предметом многочисленных научных исследований. Так, М.Н. Потёмкин рассматривает МНТ в контексте институциональной организации научной деятельности в вузах, подчеркивая значимость студенческих научных сообществ в данном процессе [1]. В свою очередь, Р.Ш. Суфиянов рассматривает развитие МНТ как ключевую составляющую формирования инновационного потенциала общества, особо выделяя роль образовательных организаций, исследовательских коллективов и институциональной поддержки в стимулировании исследовательской активности молодого поколения ученых [2]. Наряду с этим Е.Н. Гусева, В.Р. Лимановская и А.С. Собчишен рассматривают инфраструктурную составляющую МНТ, акцентируя внимание на роли научно-технических библиотек и цифровых сервисов в формировании экосистем научного творчества [3].

Учитывая имеющееся многообразие научных источников, авторы считают целесообразным сформулировать собственное определение понятия МНТ. Так, МНТ представляет собой вид интеллектуальной деятельности ученых в возрасте до 39 лет, реализуемый в рамках формальных и неформальных научно-исследовательских сообществ, направленный на производство и распространение новых научных знаний, создание изобретений, а также на разработку и апробацию нестандартных подходов и методов решения актуальных проблем в различных областях человеческой деятельности, осуществляемый с помощью методов научного познания, проектирования, а также генерации новых идей.

Как уже было сказано ранее, на сегодняшний день активизация и развитие МНТ по-настоящему невозможны без функционирования развитой СПП, которая представляет собой совокупность институтов, правовых норм и механизмов, регулирующих отношения в связи с созданием, использованием и правовой защитой изобретений, полезных моделей и промышленных образцов [4; 5; 6]. В пользу важности развития СПП говорят, к примеру, данные о числе патентных заявок на изобретения в мире, представленные в таблице.

Таблица

Число патентных заявок на изобретения, ед.
 (по данным из открытых источников [7; 8; 9; 10; 11]) за 2019-2023 гг.

№	Страна	Число патентных заявок на изобретения, ед.				
		2019	2020	2021	2022	2023
1	Китай	1327847	1441086	1538549	1586339	1644331
2	США	521145	496123	509853	515281	529372
3	Япония	452130	423264	412851	406374	415421
4	Республика Корея	248427	260614	267517	272675	288414
5	Германия	178184	168092	165656	157652	160292
6	Индия	34015	37895	43133	56396	65204
7	Франция	67294	64287	66087	66446	64848
8	Великобритания	54762	53079	53608	54620	55425
9	Италия	32001	32551	34166	32021	32827
10	Россия	29284	30283	25881	24744	26614
11	Канада	24469	23855	26504	25562	24823
12	Австрия	12568	11907	12821	11707	13477
13	Испания	9920	10170	10875	10518	10580
14	Иран	11705	11550	11550	8391	8653
15	Бразилия	7409	7271	6900	6984	7381

Согласно статистическим данным НИУ ВШЭ, в 2023 г. Российская Федерация вошла в десятку стран-лидеров по числу патентных заявок на

изобретения (26 614 шт.) с показателем в 0,7% от общего числа поданных заявок в мире, опередив такие страны, как Канада (0,69%), Австрия (0,4%), Испания (0,3%), Иран (0,2%) и Бразилия (0,19%). Места в первой пятерке списка занимают научно-технические лидеры азиатского, американского и европейского регионов с общим числом заявок в 3,04 млн ед., которые составляют 85,5% от общемирового объема. Важно подчеркнуть, что лидерскую позицию в представленном рейтинге традиционно занимает Китай, чей средний показатель числа заявок за весь представленный период составил 1,51 млн ед. Важно подчеркнуть, что в 2023 г. число поданных Китаем заявок составило 1,64 млн ед., т.е. практически половину от общего числа поданных заявок в мире, тогда как совокупный объем заявок США (14,9%), Японии (11,7%), Южной Кореи (8,1%) и Германии (4,5%) составил 1,39 млн ед. с удельным весом в мире в 39,2%.

Результаты анализа представленных в таблице статистических данных говорят о том, что страны-лидеры рассматривают СПП как важнейший элемент национальной инновационной системы. Имеющийся на сегодняшний день уровень патентной активности в представленных странах свидетельствует, что правовой механизм охраны объектов патентного права (далее – ОПП) служит не только правовым инструментом, но и важным инструментом активизации национальных НИОКР, привлечения инвестиций и укрепления научно-технического суверенитета государств.

Тем самым СПП занимает важное место в процессе обеспечения устойчивого научно-технического и социально-экономического развития, в пользу чего свидетельствуют многочисленные труды отечественных ученых.

К примеру, Н.А. Ламберова рассматривает интеллектуальную собственность в качестве ключевого механизма стимулирования инновационной активности, анализируя патентование как показатель развития научно-технического потенциала и подчеркивая необходимость совершенствования правовой базы в данной сфере [12]. В свою очередь В.Л. Бабурин и С.П. Земцов акцентируют внимание на факторах региональной

патентной активности, предлагая рассматривать ее через призму производственной функции знаний. Результаты исследования указывают на то, что уровень инновационного развития регионов во многом определяется не только институциональными условиями, но и концентрацией научно-технического потенциала [13]. Вместе с тем З.А. Корейша и В.С. Паршина анализируют взаимосвязь между патентной и инновационной деятельностью в масштабах РФ, делая акцент на их роли в обеспечении экономического развития страны и отдельных регионов [14].

Воспользовавшись результатами имеющихся научных исследований СПП как драйвера социально-экономического и научно-технического развития, приведем собственный перечень функций данной системы в активизации МНТ (см. рис.).

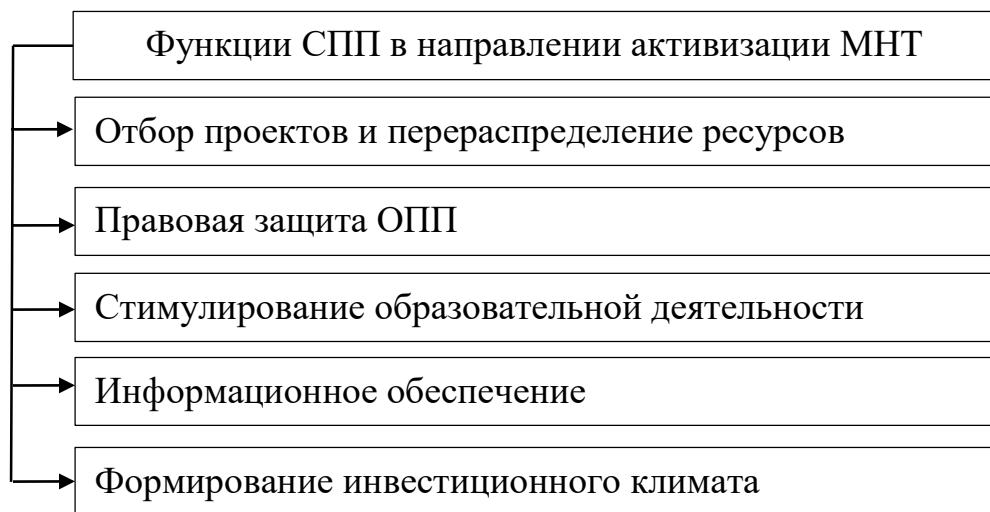

Рис. Функции системы патентного права в направлении активизации молодежного научного творчества [12; 13; 14]

Одной из ключевых функций СПП в направлении активизации МНТ является роль эффективного механизма отбора РИД и перераспределения ресурсов, способствующего формированию высоких стандартов качества научных разработок. СПП отделяет низкосортные проекты от изобретений,

обладающих высоким уровнем научно-технической важности и социально-экономической востребованности. Такой отбор способствует оптимизации финансовых и ресурсных потоков, перенаправляя их на поддержку наиболее значимых научных инициатив, благодаря чему существенно снижаются затраты на поддержку неэффективных научных проектов. В данной системе отбора поток поддержки перенаправляется в пользу ученых, чьи разработки наиболее соответствуют критериям новизны, оригинальности, и промышленной применимости, что стимулирует молодых ученых прикладывать больше усилий для работы над наиболее значимыми и качественными научными инициативами. При системе жесткого отбора повышается и уровень личной ответственности молодых ученых, т.к. осознание необходимости строгого соответствия высоким требованиям патентоспособности побуждает их к непрерывному профессиональному совершенствованию, без которого невозможен не только рост, но и удержание начинающими специалистами собственного уровня научной востребованности.

СПП является гарантом сохранения МНТ, т.к. низкий уровень развития данной системы ведет к цепочке негативных последствий, препятствующих эффективному вовлечению молодого поколения ученых, участвующих в НИОКР. Отсутствие надежного правового поля приводит к систематической краже, плагиату и неправомерному использованию ОПП, что, в свою очередь, переводит деятельность молодых ученых в режим юридической и коммерческой уязвимости. Такое положение дел снижает заинтересованность и мотивацию молодежи прикладывать усилия к инновационному изобретательству, что в конечном итоге приводит к оттоку талантливых компетентных специалистов и их разработок за рубеж. Более того, неспособность системы обеспечить защиту права молодого изобретателя на получение заслуженного дохода от РИД в целом снижает престиж профессии ученого, что также ведет к снижению научного потенциала страны и препятствует построению внутреннего конкурентоспособного

высокотехнологичного сектора. Такое положение дел усугубляет технологическую зависимость национальной хозяйственной системы от работы иностранного научно-технического комплекса. Описанные выше последствия свидетельствуют в пользу непрерывной поддержки и совершенствования СПП как драйвера активизации МНТ.

Процедура оформления прав на РИД требует от молодых ученых базовых знаний и минимальных практических навыков в сфере охраны интеллектуальной собственности. В данном контексте особое значение приобретает понимание основ регистрации ОПП, без чего возрастают риски неправомерного использования разработок молодых ученых и, следовательно, снижения их коммерческого потенциала. Более того, отсутствие базовой грамотности в сфере ИС и вовсе может привести к полной утрате имущественных прав. Осознавая масштаб потенциального ущерба, все чаще активные представители молодежного научного сообщества испытывают необходимость в приобретении знаний и навыков в сфере ИС, которые позволяют им более уверенно и эффективно доводить собственные разработки до стадии продукции, готовой к полноценному выходу на рынок. Возрастающий спрос стимулирует появление в образовательном пространстве все большего числа специализированных курсов и программ, направленных на изучение дисциплин, связанных со сферой ИС. В результате формируется среда, в которой подающие надежды ученые, начиная со студенческой скамьи, осваивают основы правовой охраны объектов ИС и приобретают уверенность в собственных возможностях надлежащим образом распоряжаться принадлежащими им правами на РИД. Такая уверенность придает молодому поколению ученых дополнительный стимул для активного участия в инновационном изобретательском процессе, что напрямую ведет к повышению количества и качества реализуемых научных проектов и, в конечном итоге, приводит к активизации МНТ.

Функция информационного обеспечения является важным элементом работы СПП в направлении активизации МНТ, т.к. специализированные

информационные ресурсы, обеспечивающие функционирование СПП, дают молодым ученым представление о структуре передовых научно-технических достижениях. Имеющаяся база данных помогает молодым ученым не тратить время на реализацию уже существующих решений благодаря возможности точно выявлять тенденции технологического развития. Доступность достоверной логически структурированной информации подталкивает молодое поколение ученых работать над проектами с более высоким уровнем инновационной составляющей. Вместе с тем доступ к имеющемуся массиву научно-технической информации также предоставляет начинающим исследователям возможность ориентироваться на мировой опыт при совершенствовании собственных проектов. Все это не только повышает эффективность научной работы, но и непосредственно активизирует МНТ за счет стимулирования креативной деятельности.

Логическим результатом реализации перечисленных выше функций СПП в направлении активизации МНТ является построение благоприятного инвестиционного климата, основанного на развитой IP-культуре, под которой понимается сложившийся в обществе комплекс принципов, регламентирующих создание, использование и охрану объектов ИС, предполагающий признание и защиту прав авторов и правообладателей РИД, а также формирование у населения уважительного отношения к правовым и этическим нормам в сфере ИС [15;16]. Важно подчеркнуть, что от класса юридической защиты ОПП и уровня надежности процесса коммерциализации РИД зависят доверие потенциальных спонсоров со стороны бизнес-сектора, и, как следствие, размеры и интенсивность инвестиционных потоков в изобретательский научно-технический сектор. Благодаря эффективной СПП как неотъемлемой составляющей формирования благоприятного инвестиционного климата молодому поколению ученых открывается доступ к дополнительным источникам и программам поддержки, что ведет к появлению более широкого спектра перспективных научных инициатив, а также к ускорению внедрения полученных результатов в реальный сектор,

что, в свою очередь, является непосредственным показателем активизации МНТ.

Заключение

СПП выступает важным элементом активизации МНТ благодаря обеспечению механизмов правовой охраны, образовательного сопровождения и информационного обеспечения в рамках деятельности молодого поколения ученых. Так, эффективный отбор научных проектов по критерию научно-технической и социально-экономической значимости оптимизирует распределение финансовых и ресурсных потоков, сокращая затраты на поддержание неэффективных проектов. В свою очередь, система правовой защиты ОПП формирует условия для надежной защиты и коммерциализации научных разработок. Благодаря стимулированию образовательного процесса СПП обеспечивает формирование у молодых ученых правовой грамотности в сфере ИС, а информационное обеспечение предоставляет им доступ к актуальной базе научно-технических данных, позволяя ориентироваться на передовой изобретательский опыт, тем самым повышая качество собственных разработок. Комплексная реализация рассмотренных функций ведет к развитию IP-культуры, которая служит основой формирования благоприятного инвестиционного климата и притока средств для активизации МНТ.

Список литературы

1. Потёмкин М.Н. Современные аспекты научного творчества молодёжи, обучающейся в университете / М.Н. Потёмкин // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 1(45). – С. 56–63.
2. Суфиянов Р.Ш. Развитие молодежного научного творчества / Р.Ш. Суфиянов // Trends in Research and Innovation. – 2022. – № 10. DOI: 10.18411/trnio-10-2022-43.
3. Гусева Е.Н. Современная библиотека как элемент экосистемы молодежного научного творчества: обоснование концепции / Е.Н. Гусева, В.Р. Лимановская, А.С. Собчишен // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 2024. – № 6. – С. 9–14.

4. Бычкова А.О. Понятие института и системы гражданско-правовой защиты интеллектуальной собственности / А.О. Бычкова // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. – № 1(82). – С. 259–263.
5. Баттахов П.П. Понятие и правовая природа интеллектуальной собственности / П.П. Баттахов // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11(179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-priroda-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 13.08.2025).
6. Котенева О.Е. Патентоведение: учеб. пособие / О.Е. Котенева, А.С. Николаев. – СПб.: Университет ИТМО, 2020. – Разд. «Объекты патентного права...». URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/2677.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).
7. Индикаторы науки: 2025. – НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013096647.html> (дата обращения: 13.08.2025).
8. Индикаторы науки: 2024. – НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/906819199.html> (дата обращения: 13.08.2025).
9. Индикаторы науки: 2023. – НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/817836754.html> (дата обращения: 13.08.2025).
10. Индикаторы науки: 2022. – НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/581313268.html> (дата обращения: 13.08.2025).
11. Индикаторы науки: 2021. – НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/454933528.html> (дата обращения: 13.08.2025).
12. Ламберова Н.А. Роль интеллектуальной собственности в стимулировании инновационной активности (на примере патентования) / Н.А. Ламберова // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 12-4(77-4). – С. 626–630. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-intellektualnoy-sobstvennosti-v-stimulirovaniyu-innovatsionnoy-aktivnosti-na-primere-patentovaniya> (дата обращения: 13.08.2025).
13. Бабурин В.Л. Факторы патентной активности в регионах России // Вопросы статистики. – 2013. – № 2. – С. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-patentnoy-aktivnosti-v-regionah-rossii> (дата обращения: 13.08.2025).
14. Корейша З.А. Исследование патентной и инновационной деятельности как фактора экономического развития России // Известия Байкальского государственного университета. – 2014. – Т. 24. – № 6. – С. 102–109.
15. Ломакина А.А. Формирование IP-культуры среди детей и молодежи: опыт Роспатента и Корейского ведомства интеллектуальной собственности; Рынок интеллектуальной собственности как основа инновационного сценария

развития экономики России: доклад на научно-практической конференции Роспатента. – Москва: ФИПС, 2024. – С. 27–32.

16. Лопатина Н.В., Рыбакова Ю.В. Формирование IP-культуры населения: концептуальные основания, опыт, актуальные задачи / Н.В. Лопатина, Ю.В. Рыбакова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 3(107). – С. 122–133.

References

1. Potyomkin M.N. Modern aspects of scientific creativity of university students. *Upravleniye obrazovaniyem: teoriya i praktika = Education Management: Theory and Practice*. 2025. № 1(45). P. 56–63 (in Russ.).
2. Sufiyanov R.Sh. Development of youth scientific creativity. *Trends in Research and Innovation*. 2022. № 10. DOI: 10.18411/trnio-10-2022-43 (in Russ.).
3. Guseva E.N., Limanovskaya V.R., Sobchishen A.S. The modern library as an element of the ecosystem of youth scientific creativity: concept justification. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty = Scientific and technical information*. 2024. № 6. P. 9–14 (in Russ.).
4. Bychkova A.O. The concept of the institution and system of civil-legal protection of intellectual property. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2025. Vol. 4. № 1(82). P. 259–263. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/21045> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
5. Battakhov P.P. Concept and legal nature of intellectual property. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2019. № 11(179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-priroda-intellektualnoy-sobstvennosti> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
6. Koteneva O.E., Nikolaev A.S. *Patentovedenie = Patent Studies*. St. Petersburg: ITMO University, 2020. Section “Objects of Patent Law...”. URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/2677.pdf> (date of access: 29.09.2025) (in Russ.).
7. Science Indicators: 2025. NIU VShE: website. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013096647.html> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
8. Science Indicators: 2024. NIU VShE: website. URL: <https://issek.hse.ru/news/906819199.html> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
9. Science Indicators: 2023. NIU VShE: website. URL: <https://issek.hse.ru/news/817836754.html> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
10. Science Indicators: 2022. NIU VShE: website. URL: <https://issek.hse.ru/news/581313268.html> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).

11. Science Indicators: 2021. NIU VShE: website. URL: <https://issek.hse.ru/news/454933528.html> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
12. Lamberova N.A. The role of intellectual property in stimulating innovation activity (on the example of patenting). *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2016. № 12-4(77-4). P. 626–630. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-intellektualnoy-sobstvennosti-v-stimulirovaniy-innovatsionnoy-aktivnosti-na-primere-patentovaniya> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
13. Baburin V.L. Factors of patent activity in the regions of Russia. *Voprosy statistiki = Statistics questions*. 2013. № 2. P. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-patentnoy-aktivnosti-v-regionah-rossii> (date of access: 13.08.2025) (in Russ.).
14. Koreysha Z.A. Study of patent and innovation activity as a factor of Russia's economic development. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = News of Baikal State University News of Baikal State University*. 2014. Vol. 24. № 6. P. 102–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-patentnoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-kak-faktora-ekonomiceskogo-razvitiya-rossii> (date of access: 29.09.2025) (in Russ.).
15. Lomakina A.A. Formation of IP culture among children and youth: experience of Rospatent and the Korean Intellectual Property Office. In: The Intellectual Property Market as the Foundation of an Innovative Scenario for Russian Economic Development: A Report at the Rospatent Scientific and Practical Conference. Moscow: FIPS, 2024. P. 27–32 (in Russ.).
16. Lopatina N.V., Rybakova Yu.V. Formation of IP culture of the population: conceptual foundations, experience, current tasks. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2022. № 3(107). P. 122–133 (in Russ.).

Статья поступила 14.10.2025, принята к публикации: 20.11.2025.

© Тимофеев Ю.Ю., Дадашова Т.А., 2025

Научная статья

УДК 347.77

**Применение лингвистических исследований при экспертизе
обозначений, заявленных в качестве товарных знаков:
совершенствование подходов**

Геннадий Борисович Золотов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности
Москва, Россия

Преподаватель кафедры Управления инновациями и коммерциализации
интеллектуальной собственности

<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>
zolotov1753@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ подходов при экспертизе заявленного обозначения в ходе государственной регистрации товарного знака для выявления проблем, возникающих при рассмотрении результатов лингвистических исследований, предоставляемых заявителями. По итогам исследования сделан вывод о том, что методология лингвистических исследований охватывает не только восприятие обозначения рядовыми потребителями, но и населением России в целом, что является более значимым и правильным при формировании окончательного вывода о регистрации или об отказе в регистрации товарного знака. Также обоснована целесообразность применения результатов лингвистических исследований при рассмотрении дел о нарушении исключительного права на товарные знаки в ситуации, когда хозяйствующие субъекты используют обозначение в отношении неоднородных товаров и услуг, однако их действия очевидно противоречат общественным интересам и подрывают репутацию правообладателя.

Ключевые слова: лингвистические исследования, обозначение, рядовой потребитель, товарный знак, экспертиза обозначения.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Альтернативная система международной регистрации товарных знаков» (7-Г3-2023).

Для цитирования: Золотов Г.Б. Применение лингвистических исследований при экспертизе обозначений, заявленных в качестве товарных знаков: совершенствование подходов // IP: теория и практика. – 2025. – № 4

(12).

Original article

The use of linguistic research in the examination of designations declared as trademarks: improving approaches

Gennadiy B. Zolotov

Russian State Academy of Intellectual Property

Moscow, Russia

Postgraduate student, lecturer of the Department of Innovation Management and Commercialization of Intellectual Property, Russian State Academy of Intellectual Property

zolotov1753@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>

Abstract. The analysis of approaches to the examination of the claimed designation during the state registration of a trademark has been carried out to identify problems that arise when considering the results of linguistic research provided by applicants. Based on the results of the study, it was concluded that the methodology of linguistic research covers not only the perception of the designation by ordinary consumers, but also by the Russian population as a whole, which is more significant and correct in forming a final conclusion about the registration or refusal to register a trademark. The expediency of applying the results of linguistic research when considering cases of infringement of the exclusive right to trademarks in a situation where business entities use the designation in relation to heterogeneous goods and services is also substantiated, but their actions obviously contradict public interests and undermine the reputation of the copyright holder.

Keywords: linguistic research, designation, ordinary consumer, trademark, designation expertise.

Funding: The study carried out within the framework of research work “Alternative system of international trademark registration” (7-GZ-2023).

For citation: Zolotov G.B. The use of linguistic research in the examination of designations declared as trademarks: improving approaches // IP: Theory and Practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

При экспертизе обозначений, заявленных в качестве товарных знаков, могут возникать ситуации, когда в ходе экспертизы на соответствие заявленного обозначения требованиям положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) выявляются основания для отказа в регистрации товарного знака по пунктам 1 и/или 6 ст. 1483 ГК РФ¹, при этом доводы экспертизы могут носить субъективных характер [1].

Основное исследование

В качестве примера рассмотрим заявку на товарный знак № 2021774706 (дата подачи заявки: 15.11.2021). По данной заявке испрашивалась охрана на словесное обозначение «МЕТАШКОЛА» в отношении товаров и услуг 9, 16, 35, 38, 41 и 42 классов МКТУ.

В результате экспертизы обозначения государственной экспертизой было установлено, что заявленное обозначение сходно до степени смешения:

- с ранее поданным обозначением «МЕТА» (заявка № 2021771371, приоритет от 29.10.2021) в отношении однородных товаров и услуг 9, 35, 38, 41, 42 классов МКТУ;
- с ранее поданным обозначением «Мета» (заявка № 2021771193, приоритет от 29.10.2021) в отношении однородных услуг 35, 38, 41, 42 классов МКТУ;
- с ранее поданным обозначением “meta” (заявка № 2021763635, приоритет от 29.09.2021) в отношении однородных услуг 35, 42 классов МКТУ;
- со знаком обслуживания “МЕТА” (св-во № 836074, приоритет от 21.07.2020), зарегистрированным в отношении однородных услуг 38, 41 классов МКТУ;

¹ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая): Федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. 1 ч. Ст. 5496.

- с товарным знаком (знаком обслуживания) «МЕТА» (св-во № 809243, приоритет от 17.12.2019), зарегистрированным в отношении однородных товаров и услуг 9, 35, 42 классов МКТУ;
- с товарным знаком (знаком обслуживания) “meta” (св-во № 734459, приоритет от 24.04.2019), зарегистрированным в отношении однородных товаров и услуг 9, 42 классов МКТУ;
- со знаком обслуживания «Мета» (св-во № 579867, приоритет от 02.12.2014), зарегистрированным в отношении однородных услуг 35 класса МКТУ;
- с товарным знаком «МЕТА» (св-во № 259102, приоритет от 11.04.2002), зарегистрированным в отношении однородных товаров 9 класса МКТУ;
- с товарным знаком “meta” (международная регистрация № 1228785, приоритет от 06.08.2014), зарегистрированным в отношении однородных услуг 35 класса МКТУ;
- с товарным знаком «МЕТА» (международная регистрация № 1096767, приоритет от 19.10.2011), зарегистрированным в отношении однородных услуг 41 класса МКТУ;
- с товарным знаком “Meta” (международная регистрация № 645257, приоритет от 14.06.1994), зарегистрированным в отношении однородных услуг 42 класса МКТУ.

В связи с чем, по мнению государственной экспертизы, заявленное обозначение не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака (знака обслуживания) для заявленных товаров и услуг 9, 35, 38, 41, 42 классов МКТУ на основании положений п. 6 ст. 1483 ГК РФ².

Не согласившись с позицией экспертизы, заявитель подготовил ответ на уведомление, в рамках которого были представлены следующие доводы относительно сходства до степени смешения.

² Гражданский кодекс РФ (часть четвертая): Федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. 1 ч. Ст. 5496.

1. Отсутствует графическое сходство. Обозначение «МЕТАШКОЛА» представлено длинным словом, буквы являются заглавными и выполнены в простом стилистическом написании. Противопоставленные товарные знаки и заявки выполнены в более коротком исполнении, некоторые обозначения имеют графическую проработку и/или изобразительные элементы. Все противопоставленные обозначения существенно различаются с заявлением на регистрацию обозначением по общему зрительному впечатлению и визуальному написанию.

2. Отсутствует семантическое сходство. Заявленное обозначение «МЕТАШКОЛА» является для российского потребителя фантазийным и не несет смысловой нагрузки.

Слово «МЕТА» (с греч. *metá* – «между, после, через») используется как часть сложных слов, обозначающая промежуточность, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращение (например, метагалактика, метацентр). В древнегреческом языке предлог *μετά* (*metá*) и приставка *μετα-* имеют значения: «после», «следующее», «за», а также «через», «между». Все противопоставленные товарные знаки и заявки представлены словом «МЕТА» на кириллице / латинице.

Слово «ШКОЛА» используется как название (видовое наименование) учебных заведений (первой ступени, средних, высших, специальных).

То есть заявленное слово «МЕТАШКОЛА» имеет свое уникальное значение: междисциплинарный учебный процесс одновременно внутри и во внешнем контуре образовательной организации, т.е. образование в самом широком смысле. Другими словами, «МЕТАШКОЛА» – это возможность получения знаний вне рамок классического понимания школы как учебного заведения. Приставка «МЕТА» позволяет расширить границы школы, рождая при этом новый смысл: «МЕТАШКОЛА».

3. Отсутствует фонетические сходство. Фонетика и мелодика звучания словесного элемента «МЕТАШКОЛА» в целом отличаются от фонетики и мелодики противопоставленных товарных знаков. При анализе фонетического

сходства необходимо учитывать, что заявленное обозначение представлено длинным словом «МЕТАШКОЛА», за счет чего звучание данного слова более длительное. Противопоставленные товарные знаки и заявки представлены коротким словом «МЕТА».

Дополнительной оценке подлежит постановка ударения:

- в заявлении обозначении: ме-та-шкО-ла;
- в противопоставленных товарных знаках и заявках: мЕ-та.

За счет фонетических особенностей в сравниваемых обозначениях происходит разная постановка смыслового акцента: в слове «МЕТАШКОЛА» – на вторую часть слова; в слове «МЕТА» – в начале короткого слова.

Таким образом, по мнению заявителя, отсутствуют риски смешения заявленного обозначения с товарными знаками №№ 836074, 809243, 734459, 579867, 259102, международными регистрациями №№ 1228785, 1096767, 645257 и поданными заявками №№ 2021771371, 2021771193, 2021763635, так как при сравнении обозначений «МЕТАШКОЛА» и «МЕТА» очевидно отсутствие графического, семантического и фонетического сходства.

Однако на представленный ответ заявителя государственной экспертизой был направлен запрос, в котором отмечалось, что словесный элемент «МЕТАШКОЛА», образующий заявленное обозначение, представляет собой сложносоставное слово, образованное путем слитного написания слов, где «МЕТА» является фантазийным элементом и не несет смысловой нагрузки, «ШКОЛА» – видовое наименование учебных заведений первой ступени, средних, высших, специальных³. В обозначении «МЕТАШКОЛА» логическое ударение падает на словесный элемент «МЕТА» – именно он является сильным элементом обозначения. Словесный элемент «ШКОЛА» является слабым элементом обозначения, поскольку является указанием на общепринятое видовое наименование организации.

³ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.

Таким образом, по мнению экспертизы, обозначение считается сходным до степени смешения с противопоставленными товарными знаками (знаками обслуживания), поскольку оно ассоциируется с ними в целом, несмотря на их отдельные отличия.

В свою очередь, заявитель, не согласившись с доводами, изложенными в запросе, обратился в ФГБОУ ВО РГАИС для проведения лингвистического исследования с постановкой следующих вопросов:

1) являются ли сходными по звучанию / звуковому оформлению словесные элементы «Мета» и «МЕТАШКОЛА»;

2) являются ли семантически сходными словесные элементы «Мета» и «МЕТАШКОЛА»?

В результате исследования было установлено следующее.

Заявленное обозначение «МЕТАШКОЛА» является словом, образованным путем именной префиксации: школа (сущ.) + мета- (префиксойд). Основное словесное ударение в обозначении «МЕТАШКОЛА» падает на слог «шко-». Второстепенное (побочное) словесное ударение⁴ в обозначении «МЕТАШКОЛА» падает на слог «ме-» в соответствии с русской традицией словесного ударения⁵, которая находит отражение и в других словах, образованных путем именной префиксации с префиксойдом мета-: метафизика, метаморфоза, метаязы́к, метафáза, метаплáзма, метатеóрия и др.

Логическое ударение в заявлении обозначении «МЕТАШКОЛА» совпадает с основным ударением в данном слове.

Противопоставленными обозначению «МЕТАШКОЛА» являются товарные знаки №№ 836074, 809243, 734459, 579867, 259102, международные

⁴ Обычно в слове имеется одно словесное ударение, однако в длинных словах часто возникает, помимо главного, и т.н. второстепенное (побочное) ударение: четырехэтáжный, лавинообразный (См.: Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979. С. 357).

⁵ §240. Русское словесное ударение. Сложные слова, а также слова с приставками анти-, меж-, около-, контр-, сверх-, супер-, экс- и др. могут иметь, кроме основного, побочное (или второстепенное) ударение, условно обозначаемое знаком гравис (*). <...> Побочное ударение обычно по порядку бывает первым (ближе к началу слова), а основное – вторым (ближе к концу слова): клятвопреступлéние, кóнтратáка, óколозéмный, прóфорганизáция, стрóйотрýд, самолетостроéние, вóдонепроницáемый, глáвврач, мéжобластной, мéжреспубликáнский, сúперблóжка, вице-президéнт, э́кс-чемпион и др. (см.: Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М.: ЧеРо, 1999. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text1/74.htm> (дата обращения: 30.10.2025)).

регистрации №№ 1228785, 1096767, 645257 и поданные заявки №№ 2021771371, 2021771193, 2021763635, включающие словесный элемент «МЕТА» (кириллическое и латинское написание). В обозначении «МЕТА» основное словесное ударение падает на слог «ме-». Второстепенное (побочное) ударение отсутствует.

Кроме того, было установлено, что в представленных обозначениях «МЕТАШКОЛА» и «МЕТА» значительно различаются фонетический состав (более чем на 50%) и акцентологические особенности произнесения словесных элементов при совпадении исключительно графической части «мета» (менее чем на 50%).

Словесный элемент «МЕТАШКОЛА» образован путем именной префиксации. Корень «школ-»⁶ является носителем лексического значения «учебное заведение» и используется как название (видовое наименование) учебных заведений (первой ступени, средних, высших, специальных).

ПрефиксOID «мета»⁷ является носителем абстрактной семантики «после», «за», «через», «между» (в пер. с др.-греч. μετά) и используется в качестве обозначения:

- промежуточности явлений;
- следования за чем-либо;
- перехода к чему-либо другому, перемены состояния превращения.

Функция префиксOIDа – дополнение лексического значения слова.

В данном контексте префиксOID «мета-» дополнило значение корня «школ-» («меташкола» – расширение границ, пространства школы) и создало неологизм «МЕТАШКОЛА».

В свою очередь, лексическое значение слова «МЕТА» перечисленных товарных знаков неясно, т.к. словари фиксируют следующие значения:

⁶ Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/o gegova/270614> (дата обращения: 30.10.2025).

⁷ Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М: Русский язык, 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/46200/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 30.10.2025).

– МЕТА... [от греч. *metá* - вслед, за, после, через] – 1. Обозначает уровень описания какого-нибудь объекта или системы (как правило, также описания), высшего по отношению к предыдущему описанию; «описание описания». Металингвистика, металогика, метаматематика, метаобозначение, метаописание, метапеременная, метасимвол, метатекст, метатеория, метаязык. 2. Обозначает выход за пределы чего-либо. Метагалактика, метагалактический, метафизика (2 зн.)⁸.

– мета – обозначает следование за чем-л., промежуточность (за, после, между, вне); переход к чему-л. другому, посредство, перемену состояния, превращение (через, вместо, вместе); соответствует рус. пере-, лат. транс- (trans-) [2].

Также было установлено, что словесный элемент «МЕТАШКОЛА» в соответствии с его морфемным и фонетическим анализом понимается автором как цельное – не членимое на сильный и слабый словесный элемент – обозначение. «МЕТАШКОЛА» является фантазийным словесным элементом, т.к. представляет собой неологизм – новое, авторское слово, незафиксированное в толковых, орфографических, словообразовательных и др. словарях какого-либо языка, в том числе русского.

Таким образом, слово «МЕТАШКОЛА» является сильным словесным элементом, которое обладает самостоятельным лексическим значением и в котором логическое ударение совпадает с основным словесным ударением.

Учитывая различия в фонетике и семантике заявленного обозначения «МЕТАШКОЛА» и противопоставленных товарных знаков и заявок «МЕТА», был сделан вывод об отсутствии сходства.

Подготовленное ФГБОУ ВО РГАИС заключение по итогам проведения лингвистического исследования было представлено заявителем в Роспатент для учета в качестве доводов относительно приведенных экспертизой

⁸ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Кузнецова С.А. 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/530/mode/2up> (дата обращения: 30.10.2025).

мотивов, препятствующих регистрации обозначения в качестве товарного знака.

Рассмотрев повторно материалы заявки и изложенные заявителем доводы в пользу регистрации обозначения «МЕТАШКОЛА» в качестве товарного знака, экспертиза вынесла решение о регистрации только в отношении части товаров 16 класса МКТУ, отказав в регистрации в отношении иных заявленных товаров и услуг. Данный пример иллюстрирует практику рассмотрения государственной экспертизой заключений, подготовленных по результатам лингвистических исследований [3].

По мнению автора, такой подход связан с тем, что сходство до степени смешения определяется с позиции среднего рядового потребителя, в то время как такой потребитель не всегда обладает специальными познаниями в области лингвистики. Однако это в корне неверно, т.к. методология лингвистических исследований учитывает не только лексическое значение слов и выражений, но и может дать нормативно-стилистическую оценку и определить восприятие слова в разных контекстах его употребления.

Между тем нельзя не учитывать положения Федерального закона от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹, который вступит в действие с 01.03.2026. Положения данного закона направлены на обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (зарегистрированных в нормативных и грамматических словарях, справочниках), а также защиту русского языка в публичном пространстве.

Лингвистические исследования как один из подходов к защите заявителями своих интересов при осуществлении регистрации товарного знака должны учитываться государственной экспертизой наравне с иными доводами, представляемыми в качестве уведомления о результатах проверки

⁹ Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.06.2025 № 26 (часть I), ст. 3498.

соответствия обозначения требованиям законодательства. По мнению автора, целесообразно прибегать к таким исследованиям в ситуации доказывания несходства заявленного обозначения с противопоставленными экспертизой товарными знаками, а также при доказывании наличия различительной способности у обозначения, отсутствия описательности и указательности в контексте положений п. 1 ст. 1483 ГК РФ¹⁰.

Кроме того, подобный подход должен применяться судами при рассмотрении споров о нарушении исключительного права на товарный знак. В качестве иллюстративного примера приведем использование обозначения «Т-34», являющегося зарегистрированным товарным знаком № 773448 на имя акционерного общества «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» имени Ф.Э. Дзержинского». В данном случае методология комплексной лингвистической экспертизы позволяет учитывать не только особенности построения слов или словосочетания, их этимологию и семантику, но и восприятие данного обозначения населением, порождаемый им ассоциативный ряд. Очевидно, что ассоциации при восприятии обозначения «Т-34» будут следующими: победа, героизм, мощь, надежность, потенциал, историческая важность, масштабность, патриотизм и др. Одновременно с этим использование данного обозначения для таких товаров, как трусы, биоактивные добавки или ритуальные услуги, по мнению автора, с высокой долей вероятности будут восприниматься потребителями как глумление, некорректное использование обозначения и неуважение к истории и культуре России. При этом такое использование, с точки зрения права на товарные знаки, не будет являться нарушением, т.к. товарный знак № 773448 не зарегистрирован в отношении перечисленных товаров и услуг, а лица, использующие данный товарный знак, не будут являться конкурентами правообладателя.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что именно

¹⁰ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая): Федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. 1 ч. Ст. 5496.

методология лингвистической экспертизы выступает наиболее корректным механизмом, с помощью которого оценивается восприятие не только узкой группы людей (рядовых потребителей товаров и услуг, в отношении которых испрашивается правовая охрана), но и населения в целом.

Заключение

Таким образом, при проведении как экспертизы обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков, так и в спорах о нарушении исключительного права на товарные знаки, экспертизой и судами должны учитываться выводы, изложенные в заключении по итогу проведения лингвистических исследований, т.к. зачастую данные исследования позволяют оценить не только восприятие рядовыми потребителями обозначения или товарного знака [4], но и населением в целом в настоящий момент времени.

Список источников

1. Золотов Г.Б. Обзор практики по вопросам, возникающим при применении положений пунктов 1 и 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации / Г.Б. Золотов: Сборник статей магистрантов / под ред. О.А. Флягиной. – Москва: РГАИС. – 2021. – С. 75–81.
2. Быков А.А. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого / А.А.Быков. – Москва: НЦ ЭНАС, 2007. URL: https://term_greek.academic.ru/180/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 30.10.2025).
3. Погребинская Т.Ю. Средства индивидуализации: фирменные наименования, товарные знаки, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения. Гражданско-правовая охрана в Российской Федерации: сборник схем информационно-справочного характера / Т.Ю. Погребинская. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. – 152 с.
4. Болотаева О.С. Индивидуализация, идентификация и аутентификация субъектов правоотношений в цифровой среде / Болотаева О.С. // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 274–276.

References

1. Zolotov G.B. Review of practice on issues arising in the application of the provisions of paragraphs 1 and 3 of Article 1483 of the Civil Code of the Russian Federation. *Sbornik statej magistrantov = Collection of articles by undergraduates* / edited by O.A. Flyagina. Moscow: RGAIS, 2021. Pp. 75–81 (in Russ).
2. Bykov A.A. Anatomy of terms. 400 word-forming elements from Latin and Greek / A.A.Bykov. – Moscow: NC ENAS, 2007. URL: https://term_greek.academic.ru/180/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0 (date of access: 30.10.2025) (in Russ).
3. Pogrebinskaya T.Y. Means of individualization: brand names, trademarks, names of places of origin, commercial designations. Civil law protection in the Russian Federation: a collection of information and reference schemes. Moscow. *Infotropik Media Publ.*, 2011. 152 p. (in Russ).
4. Bolotaeva O.S. Individualization, identification and authentication of subjects of legal relations in the digital environment. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the state: theory and practice*. 2024. No. 9(237). Pp. 274–276. (in Russ).

Статья поступила 01.11.2025, принята к публикации: 24.11.2025.

© Золотов Г.Б., 2025

Научная статья
УДК 347.22

**Проблема нормативно-правового закрепления определения
национализации в контексте права интеллектуальной собственности**

Егор Витальевич Голубев,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права
юридического факультета

<https://orcid.org/0009-0001-9066-0875>

e.golubev@rgiis.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию определения понятия национализации в гражданском законодательстве с позиций её возможного применения к интеллектуальной собственности. В работе сделан авторский вывод о несовместимости данных понятий и предложены авторские пути разрешения выявленной проблемы.

Ключевые слова: национализация, интеллектуальная собственность, убытки.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-Г3-2023).

Для цитирования: Голубев Е.В. Проблема нормативно-правового закрепления определения национализации в контексте права интеллектуальной собственности // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Original article

Egor V. Golubev,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Lecturer, Department of Civil and Business Law, Faculty of Law
<https://orcid.org/0009-0001-9066-0875>
e.golubev@rgiis.ru

The problem of normative and legal consolidation of the definition of nationalization in the context of intellectual property law

Abstract. This article examines the definition of nationalization in civil law from the perspective of its possible application to intellectual property. The author concludes that these concepts are incompatible and proposes solutions to this problem.

Keywords: nationalization, intellectual property, losses.

Funding: The research was carried out within the framework of the research project “Foreign experience of nationalization of intellectual property objects in the context of retaliatory measures of sanctions policy” (6-GZ-2023).

For citation: Golubev E.V. The problem of normative-legal consolidation of the definition of nationalization in the context of intellectual property law // IP: Theory and Practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

На сегодняшний день интеллектуальная собственность используется в качестве орудия воздействия в глобальном противостоянии между Российской Федерацией и западным сообществом. В начале 2020-х гг. западные правообладатели все чаще стали использовать исключительное право на объекты интеллектуальной собственности в политических целях, что не только противоречит общепринятым представлениям о добросовестном использовании исключительного права, но и несет реальную угрозу для безопасности нашей страны.

В этой связи все активнее раздаются голоса в пользу введения механизма национализации интеллектуальной собственности как одной из мер защиты российской экономики в данной сфере. Такой ответ на угрозу от западных правообладателей однозначно является асимметричным, но вместе с тем действенным шагом, который исключительно по факту своего закрепления в отечественном законодательстве может прекратить использование иностранной интеллектуальной собственности против нашей страны. Тем не менее введение указанной новации в российскую правовую систему требует тщательного изучения основных положений действующего

гражданского законодательства о национализации на предмет того, насколько данный институт существенно совместим с правом интеллектуальной собственности. Ввиду этого представляется необходимым рассмотрение базовой нормы Гражданского кодекса¹ Российской Федерации (далее – ГК РФ), содержащейся в ст. 235 закона, в контексте соотношения легальной дефиниции национализации и правовой природы интеллектуальной собственности.

Методы

В настоящей статье применялись такие научно-исследовательские методы, как диалектический, сравнительно-правовой анализ и синтез, дедуктивный и индуктивный методы.

Основное исследование

Так, в ст. 235 ГК РФ под национализацией понимается обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц. Следует обратить особое внимание на то, что национализация всегда производится исключительно на основании закона, при этом также в обязательном порядке физическому лицу или организации, утратившим свое право собственности на национализируемое имущество, осуществляется возмещение как стоимости указанного имущества, так и убытков, которые могли возникнуть результате национализации.

Исходя из легального определения понятия национализации можно сделать вывод о том, что данный механизм может относиться исключительно к материальному имуществу, являющимся объектом права собственности юридических и физических лиц [1, с. 200]. Как указывается в п. 3 рассматриваемой статьи, государство сменяет гражданина либо организацию в качестве субъекта права собственности на национализируемое имущество, которое, в свою очередь, ввиду сущностной особенности правомочия собственности как вещного права, может представлять собой исключительно

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

овеществлённый предмет материального мира [2, с. 45], что имеет принципиальное значение для практического осуществления национализации интеллектуальной собственности.

При этом следует обратить внимание на то, что поскольку в соответствии с п. 1 ст. 214 ГК РФ под государственной собственностью понимается как собственность Российской Федерации, так и собственность субъекта Российской Федерации, в результате национализации право собственности на имущество, принадлежавшее до ее осуществления физическому или юридическому лицу, может возникнуть как у России в целом, так и у ее отдельного региона, в частности.

Также в рассматриваемом легальном определении национализации указывается, что в случае осуществления данного механизма принудительного прекращения права собственности бывший собственник национализируемого имущества может понести «другие убытки», перечисленные после указания на возмещение стоимости национализируемого имущества.

В свою очередь, согласно нормативно закрепленному определению убытков, содержащейся в п. 2 ст. 15 ГК РФ, под ними понимаются:

- 1) уже произведенные расходы лица, чье право было нарушено, или те расходы, которые оно будет вынуждено произвести в будущем;
- 2) утрата или повреждение имущества (реальный ущерб);
- 3) неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В данном случае можно сделать вывод о наличии коллизии между различными нормами гражданского законодательства, т.к. основаниями для взыскания убытков всегда является либо нарушение имущественного права его обладателя (произведенные и будущие расходы, а также упущенная выгода), либо утрата или повреждение объекта имущественного права.

В первом случае убытки в результате национализации не могут быть понесены ввиду того, что сама по себе национализация не представляет собой нарушение права собственности физического или юридического лица, а осуществленное на основании закона прекращение права частной собственности на имущество и одновременно возникновение на него права собственности государственной [3, с. 606], по своей сути никак не может быть расценено в качестве нарушения имущественного права собственника национализируемого имущества ввиду законного основания осуществляемого прекращения права собственности.

При этом можно утверждать, что посредством национализации происходит нарушение интересов собственника, однако следует отметить: при указанном прекращении права частной собственности подобного рода нарушение происходит не всегда, и, безусловно, по своей природе интересы в значительной степени отличаются от субъективных прав [4, с. 103].

Во втором случае следует отметить, что сам по себе процесс национализации не приводит к утрате национализируемого имущества в смысле его физического исчезновения, т.к. в результате подобной утраты на него не могло бы возникнуть права государственной собственности [5, с. 39]. Также национализация не приводит и к повреждению данного имущества, потому что по своей природе рассматриваемый механизм прекращения права собственности представляет собой исключительно юридическое обстоятельство [6, с. 182], которое само по себе никак не может оказать какое-либо физическое воздействие на национализируемое имущество.

Однако основным препятствием для взыскания убытков в результате национализации является то, что убытки могут быть компенсированы исключительно собственнику, чье право на имущество было нарушено, или же собственнику, объект имущественного права которого был утрачен или поврежден [7, с. 61], в то время как в результате национализации новым собственником становится государство, а гражданин или организация утрачивают с ним эту юридическую связь.

В этой связи также важно отметить недопустимость отождествления стоимости национализируемого имущества и убытков в целом, поскольку в соответствии со ст. 235 ГК РФ обязательность их выплаты возникает «на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков». В данном случае допустимо соотнести стоимость национализированного имущества с упущенной выгодой, т.к. у его бывшего собственника отсутствует возможность реализации объекта его права собственности по причине принудительного прекращения указанного правомочия, и, следовательно, извлечения денежной суммы, равной стоимости данного объекта. Однако следует учитывать тот факт, что в соответствии со ст. 15 ГК РФ возникновение упущенной выгоды также возможно только при нарушении имущественного права [8, с. 232], вследствие чего ставить упущенную выгоду наравне со стоимостью все-таки нельзя, поскольку стоимость сама по себе возникнуть в результате правонарушения в принципе не может. При этом национализация нарушением имущественного права по своей сути не является, ввиду чего как упоминание убытков, так и тем более их отождествление со стоимостью представляет собой принципиальный недостаток законодательно закрепленного определения национализации. Исходя из этого, вне контекста интеллектуальной собственности, следует отметить, что указанная норма сама по себе нуждается в изменениях согласно действующему гражданскому законодательству, что, в том числе, представляет собой дополнительное и важное препятствие для национализации объектов исключительных прав.

Одновременно с этим важно отметить, что в норме п. 3 ст. 235 ГК РФ, устанавливающей национализацию, есть указание на то, что рассматриваемый механизм принудительного прекращения права собственности должен быть урегулирован положениями отдельного законодательного акта, посвященного национализации. Отсюда содержащееся в ГК РФ упоминание национализации по своей сути представляет собой только общую норму гражданского законодательства, в которой закреплена лишь легальная дефиниция данного

понятия, в то время как непосредственное нормативно-правовое регулирование национализации должно быть установлено в отдельном федеральном законе [9, с. 215], в котором были бы учтены все особенности осуществления указанного прекращения права собственности, в том числе возможно и упоминание про объекты интеллектуальных прав.

Однако на сегодняшний момент указанное в ст. 235 ГК РФ упоминание о необходимости принятия отдельного закона о национализации на момент проведения настоящего исследования остается нереализованным, несмотря на то, что неоднократно предпринимались попытки принять определенные проекты законов о национализации. Такое положение дел имеет принципиальное значение для института национализации в целом, т.к. на сегодня в российской правовой системе отсутствуют основания для ее проведения ввиду отсутствия отдельного закона. В силу этого невозможно осуществить и национализацию интеллектуальной собственности, что могло бы быть закреплено в законе о национализации или же урегулировано в отдельном законодательном акте, посвященном исключительно указанному виду национализации.

Заключение

В этой связи следует констатировать тот факт, что на сегодня национализация интеллектуальной собственности в России невозможна по нескольким причинам.

Во-первых, закрепленное в действующем гражданском законодательстве определение национализации жестко привязывает этот механизм к праву собственности, распространяемому исключительно на вещи. Одновременно с этим, исходя из анализа выплаты убытков, современный институт национализации в правовой системе России требует доработки ввиду особенностей формулировки определения данного вида принудительного прекращения права собственности. Тем не менее именно положения ст. 235 ГК РФ на сегодняшний момент составляют нормативный фундамент национализации в отечественном законодательстве, вследствие чего

правомерно утверждать о принципиальной невозможности национализации объектов интеллектуальной деятельности сегодня в нашей стране.

Во-вторых, национализация должна осуществляться только на основании отдельного федерального закона о национализации, который в России до сих пор не принят, вследствие чего чисто технически отсутствует возможность осуществления национализации как таковой, так и отдельных видов имущества, в том числе интеллектуальной собственности. При этом принятие подобного рода нормативно-правового акта имеет первостепенное значение, т.к. именно в нем будут содержаться нормы права, учитывающие особенности проведения указанного механизма прекращения права собственности. Однако для того, чтобы действие этого закона могло охватывать объекты интеллектуальной собственности, в любом случае необходимо изменить законодательно закрепленное определение национализации в ст. 235 ГК РФ.

Ввиду указанного анализ содержания основной нормы российского законодательства о национализации демонстрирует, что для практической реализации модели национализации интеллектуальной собственности в отечественной правовой системе необходимо провести ряд принципиальных изменений, которые будут выходить за пределы проблематики принудительного прекращения исключительного права физических и юридических лиц на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Если нынешнее противостояние обострится, в том числе в экономической сфере, подобного рода меры могут представлять собой оправданный шаг, призванный радикальным образом защитить российское общество от враждебных действий со стороны недружественных государств.

Список литературы

1. Голубев Е.В. Особенности национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте природы интеллектуальных прав / Е.В. Голубев // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 199–203.

2. Савельев О.Н. Концепция права собственности в историческом аспекте / О.Н. Савельев, А.Г. Федоров // Социосфера. – 2020. – № 3. – С. 44–48.
3. Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности / Т.В. Ефимцева // *Russian Journal of Economics and Law*. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 598–609.
4. Максимов В.А. К вопросу о соотношении «права» и «интереса» в гражданском праве / В.А. Максимов // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 1(51). – С. 98–108.
5. Филиппова С.Ю. Естественная убыль, порча и гибель вещей и их гражданско-правовое значение / С.Ю. Филиппова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2021. – № 3. – С. 27–48.
6. Щенникова Л.В. Граждано-правовая наука о национализации / Л.В. Щенникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 4(18). – С. 179–186.
7. Романова И.Н. Граждано-правовая природа понятия «убытки» / И.Н. Романова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – № 2(20). – С. 61–63.
8. Стародубова У.М. К правовому понятию «упущенная выгода» / У.М. Стародубова // Образование и право. – 2024. – № 1. – С. 229–234.
9. Мазаев В.Д. Нужен ли закон о национализации в Российской Федерации? / В.Д. Мазаев // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: Материалы международного круглого стола, Минск, 21 октября 2022 г. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 214–219.
10. Сергеева Н.Ю. Юридическая сущность ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности в России / Н.Ю. Сергеева // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2025. – № 5. – С. 16–24.

References

1. Golubev E.V. Features of the nationalization of intellectual property objects in the context of the nature of intellectual rights. *Obrazovaniye i pravo = Education and Law*. 2024. No. 7. P. 199–203 (in Russ).
2. Savelyev O.N., Fedorov A.G. The concept of property rights in a historical aspect. *Sotsiosfera = Sociosphere*. 2020. No. 3. P. 44–48 (in Russ).
3. Efimtseva T.V. Some aspects of legal support for the nationalization of private property. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 598–609 (in Russ).
4. Maksimov V.A. On the Relationship between "Right" and "Interest" in Civil Law. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2018. No. 1 (51). P. 98–108 (in Russ).

5. Filippova S.Yu. Natural Loss, Damage, and Destruction of Things and Their Civil-Law Significance. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law.* 2021. No. 3. P. 27–48 (in Russ).
6. Shchennikova L.V. Civil Law Science of Nationalization. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences.* 2012. No. 4 (18). P. 179–186 (in Russ).
7. Romanova I.N. Civil-law nature of the concept of "damages". *Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal sciences.* 2019. No. 2 (20). P. 61–63 (in Russ).
8. Starodubova U.M. On the legal concept of "lost profits". *Education and Law.* 2024. No. 1. P. 229–234 (in Russ).
9. Mazaev V.D. Is a law on nationalization needed in the Russian Federation? *Theoretical and applied prospects of legal support for economic development: Materials of the international round table, Minsk, October 21, 2022.* Minsk: Belarusian State University. 2022. P. 214–219 (in Russ).
10. Sergeeva N.Yu. Legal essence of restrictive measures in the sphere of intellectual property in Russia. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nyye prava = Patents and licenses. Intellectual rights.* 2025. No. 5. Pp. 16–24 (in Russ).

Статья поступила 11.11.2025, принята к публикации: 24.11.2025.

© Голубев Е.В., 2025

Научная статья

УДК 347.78

Проблемы правовой охраны авторских прав в отечественной индустрии моды

Анна Игоревна Масальцева,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Кандидат юридических наук, доцент кафедры Авторского права, смежных
прав и частноправовых дисциплин

<https://orcid.org/0009-0009-1614-2058>

a.masalceva@rgiis.ru

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации активно развивается такая часть экономики, как креативные индустрии, что требует совершенствования и правового регулирования складывающихся отношений. Интерес представляет индустрия моды, поскольку продукты такой индустрии могут охраняться в различных правовых режимах, что может негативно влиять как на их объем охраны, так и на возможности применения тех или иных механизмов защиты прав субъектов индустрии моды.

Ключевые слова: креативные индустрии, творческие индустрии, индустрия моды, авторское право в индустрии моды, охрана дизайна, промышленный образец в индустрии моды.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-Г3-2023).

Для цитирования: Масальцева А.И. Проблемы правовой охраны авторских прав в отечественной индустрии моды // IP: теория и практика. – 2025. – № 3.

Original article

Problems of legal protection of copyright in the domestic fashion industry

Anna I. Masaltseva,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

PhD in Law, Associate Professor, Department of Copyright, Related Rights, and Private Law Disciplines

<https://orcid.org/0009-0009-1614-2058>

a.masalceva@rgiis.ru

Abstract. Currently, such part of the economy as creative industries is actively developing in the Russian Federation, which requires improvement and legal regulation of the emerging relations. The fashion industry is of interest because the products of such an industry can be protected under various legal regimes, which can negatively affect both their scope of protection and the possibility of using certain mechanisms to protect the rights of subjects of the fashion industry.

Keywords: creative industries, creative industries, fashion industry, copyright in the fashion industry, design protection, industrial design in the fashion industry.

Funding: The study was carried out as part of the research project "Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: status and prospects" (2-GZ-2023).

For citation: Masaltseva A.I. Problems of legal protection of copyright in the domestic fashion industry // IP: theory and practice. 2025. No. 3.

Введение

Экономика Российской Федерации с 2020-х гг. развивается в условиях политики импортозамещения, что оказывает влияние почти на все сферы жизни общества. В 2021 г. был принят важнейший стратегический документ – Концепция технологического развития, рассчитанная до 2030 г.¹ (далее – Концепция), в котором сформулировано понятие технологического развития, определены ключевые направления деятельности всех субъектов экономики на основе анализа и обобщения федеральных и региональных программ

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 04.10.2021, № 40, ст. 6877.

развития государства, планов и программ развития бизнеса. Исходя из ориентиров, определенных в Концепции, в Российской Федерации были разработаны и реализуются национальные проекты, в том числе в сфере развития конкуренции, поддержки малого и среднего бизнеса².

Одним из важнейших направлений государственной политики в отношении развития отечественной экономики является формирование правового регулирования и инфраструктуры креативных (творческих) индустрий. Принятый в 2024 г. закон³ определяет креативные индустрии как базовый сектор экономики, представляющий собой «экономическую деятельность, непосредственно связанную с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью»⁴. В основе креативных индустрий – создание результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, что еще раз подчеркивает связь этих индустрий с технологическим развитием России, поскольку в Концепции уделено достаточно много внимания вопросам интеллектуальной собственности, коммерциализации ее объектов и инновационным процессам.

Методы

При изучении вопросов правовой охраны креативного продукта индустрии моды в Российской Федерации были использованы как общенаучные, так и специальные методы. Метод анализа позволил выявить положительные и отрицательные факторы для субъектов индустрии моды при выборе авторско-правового или патентно-правового режима охраны продукта рассматриваемой индустрии. При формулировании предложений по определению наиболее оптимального правового режима охраны дизайна в

² Официальный портал Национальных проектов России. URL: <https://xn--80aaparmpemccchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/effektivnaya-i-konkurentnaya-ekonomika/razvitiye-konkurentsii/> (дата обращения: 06.02.2025).

³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // Российская газета, № 182, 16.08.2024.

⁴ Ст. 3 Федерального закона от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».

индустрии моды был использован специальный сравнительно-правовой метод в отношении законодательных подходов систем общего и континентального права.

Основное исследование

Особое внимание хотелось бы обратить на такой объект интеллектуальной собственности, как дизайн, поскольку этот результат интеллектуальной деятельности является базовым элементом индустрии моды, которая в условиях импортозамещения сегодня показывает хорошие темпы развития. Правовая охрана дизайну в Российской Федерации предоставляется нормами авторского права и патентного права, также в отношении продуктов индустрии моды возможно зарегистрировать товарный знак. При возможности охраны одного объекта в нескольких правовых режимах речь идет о так называемой кумулятивной охране. Для субъектов индустрии моды с точки зрения правовой охраны их продуктов возникает вопрос: какой режим охраны предпочтительней?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо разобраться в особенностях функционирования индустрии моды в России на текущий момент. С 2022 года во всех отраслях экономики нашего государства произошли те или иные изменения конъюнктуры, к чему и государству, и рынку необходимо было адаптироваться. Многие зарубежные производители одежды, обуви и аксессуаров ушли в российского рынка, а индустрия моды показала рост числа российских производителей. Так, в 2023 г. продажи российских марок одежды выросли на 12%, а к концу того же года рост локальных марок в столичном регионе вырос на 72% [1]. Согласно данным, опубликованным медиагруппой РБК, на 2025 г. показатели в индустрии моды выросли. Так, доля отечественных продуктов индустрии в покупках составляет 15%, а уровень удовлетворенности потребителей российской продукцией – 93% [2].

Одной из трудностей, с которыми сталкиваются субъекты индустрии моды, является нарушение прав на результаты их интеллектуального труда, выраженные в продуктах индустрии (одежде, обуви, аксессуарах). В отчете Агентства стратегических инициатив о состоянии индустрии моды в России⁵ одним из важнейших факторов для развития данного креативного сектора экономики указана необходимость интеграции непосредственно производства продукта и его продвижения на рынке, которое невозможно реализовать без надлежащего оформленной правовой охраны результата творческой деятельности дизайнера. А в случае неверно выбранного правового режима охраны продуктов индустрии моды возникает еще одна угроза – незаконное воспроизведении таких продуктов другими субъектами индустрии, что приводит к появлению на рынке контрафактной продукции.

При выборе того или иного правового режима охраны продукта индустрии моды следует также учитывать в числе прочего скоротечность модных трендов, необходимость индустрии постоянно подстраиваться под изменения потребительских интересов, что влияет на производственный процесс, маркетинг и продажи.

Рассмотрим особенности авторско-правовой охраны продуктов индустрии моды, поскольку такая охрана возникает всегда и не требует государственной регистрации. Перечень объектов авторского права, исходя из которого продукт индустрии моды можно отнести к дизайну, определен п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Под продуктом индустрии моды понимается одежда, обувь и аксессуары, т.е. материальные объекты, в том числе утилитарного характера. Для того, чтобы получить охрану нормами авторского права, такие объекты должны отвечать установленным критериям охраноспособности. А именно представлять собой произведение изобразительного искусства, декоративно-

⁵ Отчет Агентства стратегических инициатив «Состояние и перспективы развития индустрии «Мода», июнь 2025 г.: Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/library/creative/204564/> (дата обращения: 25.09.2025).

прикладного искусства или совокупность таких произведений, выраженных в объективной форме и отражающих творческий замысел автора (дизайнера) [3].

Несомненным преимуществом авторско-правового режима дизайна является возможность охранять продукты модной индустрии с момента их выражения в объективной форме (наброски, эскизы, черновые варианты и готовые изделия), причем такая охрана действует всю жизнь автора и еще 70 лет после его смерти. Однако следует помнить, что главным минусом авторско-правовой охраны является сложность доказывания своих прав в суде.

Кроме того, при рассмотрении дел о спорах в сфере авторского права сложно бывает доказать и факт прямого заимствования, поскольку внешний вид дизайна одного автора может быть схож с другим, но не идентичен. При разрешении таких споров очень высок уровень субъективизма, как сторон, так и суда.

Более приемлемым с точки зрения уровня правовой охраны дизайна является, конечно, патентно-правовая охрана дизайна в качестве промышленного образца: отличительные черты творческого продукта конкретизированы автором, точно определена дата начала охраны, патент на промышленный образец в суде не вызывает сомнений в авторстве дизайна. Основным минусом является длительность процедуры получения охранного документа, что не всегда в условиях динамики индустрии моды устраивает творцов.

Надо сказать, что сложность правового регулирования продуктов индустрии моды не сводится только к спорам о правовом режиме охраны уникальных, оригинальных дизайнов одежды и аксессуаров. На практике, пока представленной только решениями судов Великобритании, США, стран Европейского союза (далее – ЕС), поднимается вопрос и об охране оригинальных решений при производстве достаточно утилитарных предметов одежды и обуви⁶. Американская модель охраны дизайна строится в основном

⁶ Здесь и далее практика зарубежных судов из блога адвоката А. Станишевского [4].

на принятии различия охраны самой одежды (обуви, аксессуаров) и ее дизайна (дуализм), тогда как при европейской модели сама одежда (обувь, аксессуары) и ее дизайн воспринимаются как единое целое (монизм).

В Америке ряд судебных тяжб об охране дизайна тех или иных «привычных» утилитарных предметов одежды и быта привел к возникновению так называемого «теста»: если сторона доказывает уникальность дизайна путем возможности сохранения его узнаваемости на иных предметах материального мира (на бумаге, другой одежде и пр.), то охрана такому дизайну предоставляется. В европейских государствах продукт модной индустрии охраняется авторским правом, если он создан в условиях творческой свободы и достаточно ясно выражен вовне. Такие критерии представляются довольно размытыми, конечно, но дают большой простор для деятельности представителей индустрии моды. Надо сказать, что в Европейском союзе существует достаточно интересный режим охраны дизайна в качестве промышленного образца. В развитие Директивы 98/71 от 1998 г. о правовой охране промышленных образцов был принят Регламент «О промышленном образце ЕС» от 12.12.2001 № 6/2002, который предусматривал охрану незарегистрированного промышленного образца [5]. Условиями охраноспособности при этом являются новизна и индивидуальный характер объекта, при этом индивидуальный характер определяется как общее впечатление информированного потребителя, которое отличается от общего впечатления этого же потребителя в отношении иных, уже известных дизайнов. Условием возникновения такой охраны является раскрытие дизайна на территории одной из стран ЕС, а длительность охраны – 3 года. Очевидно, что такой механизм чрезвычайно удобен для представителей индустрии моды, поскольку нет необходимости прохождения регистрационных процедур, тогда как охрана дизайна реализуется посредством патентного права.

Заключение

Итак, сегодня в России индустрия моды нуждается в большей правовой определенности относительно правового режима охраны дизайна. Развитие

института креативных индустрий и формирование инфраструктуры данного сегмента экономики должно опираться как на опыт ведущих мировых фэшн-центров, так и учитывать специфику отечественного права. Кумулятивная охрана дизайна создает, с одной стороны, широкие возможности для авторов, с другой стороны, неизбежно приводит к трудностям правоприменения, особенно в случае споров между авторами дизайна как объекта авторского права и дизайна – промышленного образца.

Необходимо учесть опыт применения правовой конструкции незарегистрированного промышленного образца, что позволит повысить уровень правовой охраны продуктов индустрии моды. Важно четко определить критерии охраноспособности таких объектов, условия возникновения и срок охраны, а также круг объектов, к которым такой режим может применяться. Кроме того, важно установить четкие правила для судопроизводства в отношении порядка разрешения споров, в которых рассматриваются дизайн как объект авторского права и дизайн как объект промышленной собственности.

Список источников

1. Fashion-500: как российские модные бренды завоевывают свой же рынок: Официальный новостной портал РБК. URL:<https://www.rbc.ru/business/29/11/2024/6734aabc9a794747c5e0a428> (дата обращения: 03.03.2025).
2. Выживают яркие и системные: как устроен рынок моды в 2025 году. 17.09.2025: Информационный портал радио-РБК. URL: <https://www.rbc.ru/radio/17/09/2025/68ca3dc29a79474195dbc296> (дата обращения: 25.09.2025).
3. Быченок П.С. Авторско-правовая защита объектов индустрии моды / П.С. Быченок // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 161–168.
4. Блог адвоката А. Станишевского «Интеллектуальная собственность моды: часть 1». URL: <https://stanishevski.ru/blog/fashion-ip-law> (дата обращения: 06.02.2025).
5. Маркеев А.И. Правовые особенности охраны исключительных прав на дизайн в сфере моды / А.И. Маркеев // Творчество и современность. – 2022. – №3 (18). – С. 62–66.

References

1. Official news portal RBC “Fashion-500: how Russian fashion brands are conquering their own market”. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/11/2024/6734aabc9a794747c5e0a428> (date of access: 03.03.2025) (in Russ.).
2. Bright and systemic survive: how the fashion market works in 2025. 09/17/2025: RBC Radio information portal. URL: <https://www.rbc.ru/radio/17/09/2025/68ca3dc29a79474195dbc296> (date of access: 25.09.2025).
3. Bychenok P.S. Copyright protection of objects of the fashion industry. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Issues of Russian justice*. 2021. No. 16. Pp. 161–168.
4. Blog of lawyer A. Stanishevsky, “Intellectual property of fashion: part 1” URL: <https://stanishevski.ru/blog/fashion-ip-law> (date of access: 06.02.2025) (in Russ.).
5. Markeev A. I. Legal features of protecting exclusive rights to design in the field of fashion. *Tvorchestvo i sovremennost' = Creativity and Modernity*. 2022. No. 3 (18). P. 62–66 (in Russ.).

Статья поступила: 04.05.2025, принята к публикации: 03.12.2025.

© Масальцева А.И., 2025

Научная статья
УДК 347.77

О режимах регулирования прав на интеллектуальную собственность в условиях санкций

Евгений Николаевич Петров,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

к.т.н., профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, доцент, магистр
юриспруденции

<http://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

petrov-en@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются подходы к национализации собственности компаний при уходе с российского рынка, значение исключительных прав на объекты интеллектуальных прав (результаты интеллектуальной деятельности, воплощенные в технологиях, способах производства, устройствах, содержащихся в активах национализируемых западных компаний в условиях западного санкционного давления), приводится сравнение процесса национализации и выдачи принудительной лицензии для объектов патентного права.

Ключевые слова: национализация, принудительное изъятие интеллектуальной собственности, интеллектуальные права, правовые режимы национализации интеллектуальных прав.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-Г3-2023).

Для цитирования: Петров Е.Н. О режимах регулирования прав на интеллектуальную собственность в условиях санкций / Е.Н. Петров // IP: Теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Original article

**On the legal regimes governing intellectual property rights in the
context of sanctions**

Evgeny N. Petrov,

Russian State Academy intellectual property, Moscow, Russia

Ph.D in Technical Sciences, Professor of the Department of General Education Disciplines, Associate Professor of Higher Attestation Commission, Master of Law

<http://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

petrov-en@mail.ru

Abstract. This article discusses some ways to solve the problem of nationalization of property of companies when leaving the Russian market, the importance of exclusive rights exclusive rights to intellectual activity embodies in technologies, production methods. The processes of nationalization and issuance of compulsory licenses for objects of nationalization and the issuance of exclusive rights compulsory licenses for objects of patent law are compared with the devices contained in the intangible assets of nationalized Western intellectual property objects (the results intellectual activity embodied in technologies, production methods. The article compares the processes of nationalization and the issuance of compulsory for patent rights.

Key words: nationalization, compulsory seizure of property intellectual rights, regimes for nationalization of the results of intellectual activity embodie in devices, methods, and production technologies.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project "Foreign Experience in the Nationalization of Intellectual Property in the Context of Sanctions Policy Countermeasures" (6-GZ-2023).

For citation: Petrov E.N. On the legal regimes governing intellectual property rights in the context of sanctions // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

В последние времена Россия оказалась в условиях беспрецедентного и масштабного санкционного давления со стороны западных стран практически во всех областях экономической деятельности и международного сотрудничества. Это серьезное испытание для всей системы интеллектуальных прав требует разработки и внедрения новых подходов к пониманию понятия «исключительное право».

Методы

Методологической основой представленного исследования послужили как общенаучные, так и частноправовые методы познания, а именно

логический, сравнительно-правовой, методы аналогий, анализа и синтеза полученной информации по вопросу правовых режимов регулирования прав на объекты интеллектуальных прав в условиях санкций. Совокупное применение перечисленных методов позволило наиболее полно понять теоретическую основу и практические аспекты использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях санкций.

Основное исследование

В сложившейся экономической и общеполитической ситуации в России возрастает роль и значение интеллектуальной собственности для инициирования творческой активности авторов при создании новых перспективных инновационных разработок. Как показывают последние исследования, по разным оценкам от 80% до 85% объектов, охраняемых патентным правом, являются результатом творческого коллективного труда работников организаций, предприятий, компаний и крупных корпораций [1].

Это в первую очередь связано со стремлением организаций инвестировать в создание и выведение патентоохраняемых разработок на рынок инновационного продукта с целью получения коммерческой выгоды, которые на некоторое время гарантировали бы эксклюзивность продукта, охраняемого интеллектуальными правами.

Отметим, что в области авторского права, количество таких служебных объектов интеллектуальной собственности, результатов коллективного творчества, значительно уступает количеству инновационных разработок в сфере промышленной собственности.

Введение западных санкций, в первую очередь экономических, влияет на регулирование правоотношений в сфере интеллектуальной собственности и негативно отражается на рынке инновационных продуктов, определяющих в большей степени технологический суверенитет и независимость развития национального промышленного потенциала России, поэтому обеспечение создания благоприятных условий для внедрения перспективных

отечественных разработок с целью скорейшего практического использования инновационных технологий и результатов интеллектуальной деятельности, направлено на достижение технологического суверенитета, в том числе в военно-технической области.

Учитывая важность и значение организации процесса правового регулирования в области интеллектуальной собственности в России, эта функция обеспечивается Федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации – Роспатентом, который участвует в процессе формирования и реализации условий для быстрого ввода инновационных российских и перспективных зарубежных разработок на отечественном рынке.

Масштабные экономические санкции, инициированные западными странами, заставляют искать новые подходы для решения задач правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности.

Совокупность нормативно-правовых актов, устанавливаемых или санкционируемых государством, в сфере интеллектуальной собственности характеризует режим правового регулирования отношений в этой области.

Отметим, что введение ответных ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности узаконено в ст. 1194 ГК РФ, названной «Реторсии» и предусматривающей возможность ограничения прав юридических или физических лиц из недружественных Российской Федерации юрисдикций ввиду того, что в стране регистрации этих лиц нарушаются права российских граждан. Правительством Российской Федерации, несмотря на действующее законодательство, направленное на реализацию мер в ответ на санкции западных стран, до сих пор не введены соответствующими актами ограничительные меры-реторсии, поэтому интеллектуальные права иностранных правообладателей из недружественных стран (юрисдикций) подлежат правовой охране и защите в Российской Федерации в полном объеме.

Вместе с этим в настоящее время практически полностью отсутствует, существовавший ранее обмен результатами интеллектуальной деятельности в

условиях достаточно хорошо развитого международного рынка интеллектуальной собственности, приобретения новейших технологий и инновационных разработок, нарушен порядок подачи заявок и регистрации интеллектуальных прав на объекты интеллектуальной собственности, существовавший до введения санкций.

Недружественная политика западных стран практически во всех областях экономики проявляется не только в сфере промышленной собственности, но также негативно влияет на правовое регулирование отношений в сфере авторского права, когда имеют место ограничения, например, при организации процесса выдачи лицензий на продукцию кинематографии (кинофильмы, сценические постановки и т.д.). Меры, указанные в 14-м пакете санкций Евросоюза, являются грубым нарушением норм международного права и приводят к ответным действиям с российской стороны.

Одной из таких мер явилась легализация на государственном уровне правового режима параллельного импорта с введением принципа национального исчерпания права на объекты интеллектуальной собственности на территории нашей страны и приостановлением выплаты компенсаций патентообладателям из недружественных стран, товары которых импортируются на территорию России через таможенную границу без согласия правообладателя и участия дистрибутора [2].

В России постоянно прорабатываются и внедряются новые ответные меры в разных областях хозяйственной деятельности.

Так, принят ряд нормативных актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2022 № 947 «Об использовании изобретения для производства на территории Российской Федерации лекарственного средства в целях его экспорта без согласия патентообладателя», Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров) в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите

исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы», Указ Президента Российской Федерации от 27.05.2022 № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями», Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2024 № 430 «О временном порядке приобретения исключительных прав некоторых правообладателей и исполнения денежных обязательств перед отдельными иностранными кредиторами и подконтрольными им лицами» (далее – приказ № 430), приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21.07.2023 № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров) в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров(групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями(патентообладателями)».

Все действующие правовые нормы российского законодательства направлены на решение задачи противодействия санкциям. Параллельно идет процесс совершенствования этих норм, осуществляемый в форме законодательных инициатив: проекты федеральных законов № 717759-8 «О внесении изменений в статью 1362 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», № 651038-8 «О внесении изменений в статью 1225 и статью 1231 части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации» [3] и других предложений.

Особо выделим принятие Правительством Российской Федерации Постановления от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров) в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы», которое

послужило фактически легализацией «параллельного импорта» в России некоторых видов товаров и услуг, указанных в специальном перечне.

Очевидно, параллельный импорт и национализация – различные понятия, вместе с тем в сложившейся в России экономической ситуации, обусловленной санкционным давлением во всех областях международных отношений, эти понятия стали выполнять похожие функции [4].

В соответствии с Федеральным законом от 26.03.2022 № 66-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ установлены нулевые ставки налога на прибыль для российских ИТ-компаний и низкие ипотечные ставки для привлечения в данную сферу производства работников, которые разрабатывают конкурентоспособные программные продукты, занимаются внедрением инновационных технологий в областях промышленного производства, связанных с технологическим суверенитетом и обеспечением независимости России.

Для иностранных компаний, фирм, организаций, намеревающихся продать свои активы и покинуть Россию, был введен первоначально обязательный дисконт в 50% от последней оценочной капитализации компаний, затем был добавлен так называемый «налог на выход» в 5% от оценочной стоимости компаний. Такие меры представляются оправданными и не являются дискриминацией интересов уходящих западных компаний, т.к. до введения санкций иностранные компании не всегда корректно предоставляли отчетность о своей хозяйственной деятельности в российские контролирующие и налоговые органы. В связи с этим необходимо учитывать: при уходе иностранных компаний с национального рынка обычно взимается налог на прибыль и налог на вывод дивидендов, причем всех имеющихся активов, в том числе и нематериальных, таких как объекты интеллектуальных

¹ Федеральный закон от 26.03.2022 № 66-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 4.

прав. Капитализация финансовых активов, представленная в бухгалтерских документах, отчетах иностранных фирм и корпораций до введения санкций, на практике, как правило, занижалась и составляла порядка 30–40% от реального значения и указывалась с целью снижения налоговых выплат. Это было выгодно головным компаниям и их руководству, находящимся на территории западных стран. В результате нарушалось налоговое законодательство России, которая несла прямые финансовые потери из-за недополучения налоговых выплат от деятельности иностранных корпораций и компаний на своей территории.

Уход с российского рынка иностранных компаний после введения санкций позволил обосновать позицию Российской Федерации в рамках организации ответных мер: приобретение (национализация с выплатой определенной компенсации) активов иностранных компаний по более низкой стоимости [5].

Как известно, интеллектуальные права имеют нематериальную природу, поэтому к этим правам не могут быть применены непосредственно правовые режимы национализации собственности в том же виде, если бы они относились к материальным объектам вещного права [6].

В Гражданском кодексе РФ (подп. 9 п. 2 ст. 235) указывается: «...Обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация) производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков». Следовательно, имущество собственника переходит из частной собственности в государственную собственность, другими словами, национализация на основе нормативного правового акта – закона, легализующего этот осуществляемый исполнительными органами государства процесс изъятия собственности, предоставляет государству большие возможности использования данного нормативно-правового механизма, вместе с тем в законе практически не отражены вопросы национализации объектов интеллектуальной собственности.

В России сегодня национализация собственности компаний в условиях санкций может проводится исключительно с соблюдением публичных интересов, на недискриминационной основе с выплатой компенсаций в соответствии с законодательством РФ.

Это положение отражено в Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 №160-ФЗ, в соответствии со ст. 8 которого «имущество иностранного инвестора или коммерческой организации с иностранными инвестициями не подлежит принудительному изъятию, в том числе национализации, реквизиции, за исключением случаев и по основаниям, которые установлены Федеральными законами или международным договором Российской Федерации». Исключениями, как показывает практика, являются случаи принудительного отчуждения имущества для государственных нужд, и на этой основе принятие нормативных правовых актов о национализации конкретных объектов собственности, включая и объекты интеллектуальной собственности.

Известно, одним из способов коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности является предоставление лицензий. Очевидно, при появлении еще одного принудительного лицензиата при обязательном условии выплаты компенсации нарушаются законные интересы правообладателя, однако объем этих нарушений его прав не всегда является существенным. Это можно обосновать следующим образом: возникновение такой ситуации зависит от принятия комплексных инновационных решений, например, в таких областях, как ИТ-технологии, электроника, робототехника, телекоммуникации и т.д., когда при высоких затратах на патентный поиск, установление контакта и переговорный процесс с правообладателем, занимающим иногда очень длительное время, также возрастают временные риски, связанные с потерей эксклюзивности инновационного продукта при выводе его на рынок. При этом оценка выкупа права на использование запатентованного решения не представляет нерешаемую задачу, и можно считать, что основной формой коммерциализации, как косвенно используемой

при национализации собственности иностранных компаний, все-таки является непосредственное внедрение результатов интеллектуальной деятельности в производственный процесс, в технологию, в устройство и создание на их основе инновационных продуктов. Только в этом смысле можно условно говорить об отношении к процессу национализации объектов интеллектуальной собственности.

Процесс получения принудительной лицензии касается исключительно объектов патентного права, в этом случае определенный правовой режим принудительного предоставления права использования этих РИД другим лицам помимо правообладателя предусмотрен законодательством. Вместе с тем неверно утверждать, что механизм изъятия прав на РИД в некоторой степени компенсирует отсутствие нормативного правового акта регулирования процесса национализации объектов интеллектуальной собственности, т.к. подобный подход не решает проблему в комплексе, для всех объектов интеллектуальных прав.

Несмотря на снижение темпов научного, индустриального и промышленного развития, санкции вместе с тем имеют и положительное значение для дальнейшего инновационного развития России.

Обратим внимание на интересный факт: санкции позволили привлечь к решению вопросов, связанных с регулированием прав на объекты интеллектуальной собственности в России, высококвалифицированных отечественных специалистов, в том числе ранее работавших в иностранных компаниях или их представительствах, находившихся за рубежом в составе структурных подразделений ВОИС, ВТО и других международных организаций, в качестве национальных представителей от Российской Федерации. Это сыграло положительную роль при решении задач современного инновационного развития России и достижения технологического суверенитета, способствовало более быстрому внедрению РИД в промышленное производство в рамках реализации процесса импортозамещения.

Несмотря на то, что российское законодательство до возникновения беспрецедентного санкционного давления практически во всех сферах экономики и хозяйственной деятельности было ориентировано на западную модель правового регулирования, в настоящее время некоторые режимы правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности, как отмечалось выше (параллельный импорт и т.д.), работают на практике и обеспечивают в той или иной мере решение задач антисанкционного противодействия. В дополнение к этому международные организации, организующие и регулирующие правовые отношения в сфере интеллектуальной собственности, могли бы оказать содействие в разработке и обосновании правовых режимов регулирования отношений в этой сфере. Однако международные организации (ВОИС, ВТО и другие) не предпринимают активных усилий по противодействию нарушениям международных договорных, законодательных норм в области правового регулирования интеллектуальной собственности.

Существующая в настоящее время международная система регистрации товарных знаков, промышленных образцов, наименований мест происхождения товаров и географических указаний в рамках международных организаций, организующих и регулирующих правовые отношения в сфере интеллектуальной собственности, например ВОИС, регулирует вопросы международной регистрации интеллектуальной собственности посредством ряда договоров: для изобретений это Договор о патентной кооперации (РСТ); Мадридская, Гаагская и Лиссабонская системы регистрации – для товарных знаков, промышленных образцов, географических указаний и наименований мест происхождения товаров соответственно. Положения этих международных договоров предусматривают при отсутствии ответа от патентных ведомств Европейского союза, страны которого ввели санкции (именно такая ситуация складывается сегодня), автоматическую регистрацию заявки на объект интеллектуальной собственности непосредственно через

Роспатент, как организацию, уполномоченную представлять Россию в международных соглашениях в сфере интеллектуальной собственности.

В настоящее время Европейским патентным ведомством (далее – ЕПВ) введены дополнительно ограничения для российских заявителей при подаче заявки и поддержании патентов в странах – участницах ЕПВ.

Очевидно, патентные ведомства европейских стран, присоединившихся к санкциям, не могут на законном основании игнорировать заявки, подаваемые через ВОИС российскими заявителями, – в противном случае может быть задействован механизм оспаривания подобных решений в судебном порядке. В современной ситуации судебная практика показывает, что международные суды, как правило, находящиеся в странах, применяющих антироссийские санкции, не всегда выносят обоснованные и справедливые решения в пользу российских заявителей и правообладателей, руководствуясь не здравым смыслом и ранее установленными договоренностями, а в большей степени политическими соображениями. В этой связи Роспатент совершенно обоснованно рекомендует российским заявителям воздержаться от подачи напрямую заявок в патентные ведомства стран Европейского союза, предлагая подавать их через головное ведомство по взаимодействию с ВОИС, которым является Роспатент, чтобы таким образом сохранить хотя бы какую-то правовую основу в соответствии с международными договорами, подписанными Российской Федерацией [7].

В настоящее необходимо в экстренном порядке разрабатывать новые меры и определять новые подходы в области правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, искать решения проблемы, возникающей при национализации собственности иностранных компаний, инициативно уходящих с российского рынка, учитывая при этом особенности внедрения РИД этих компаний в производственные процессы, технологии, устройства, относящиеся к национализируемой иностранной собственности. Такие действия оправданы только в случае исключительных обстоятельств: если результат служит инновационному развитию и связан с

объектом исключительного права, воплощенном в сложном инновационном продукте.

Упомянутым выше Указом № 430 определен режим реализации временного порядка совершения сделок, предусматривающих приобретение резидентами у «недружественных лиц» исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации, а также исполнение и (или) обеспечение исполнения денежных обязательств по таким сделкам» – заключение договоров об отчуждении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. В этом случае правообладателями могут быть как иностранные представители, так и лица, находящиеся под контролем иностранных лиц (независимо от места их регистрации, в том числе и зарегистрированные в Российской Федерации или местах преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности) [3].

Резидентские сделки подобного рода совершаются на основании решения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций, денежные средства перечисляются на специальный рублевый счет типа «О», открытый на имя правообладателя, при этом заключение резидентских сделок с российскими правообладателями, которые находятся под контролем «недружественных лиц», также требуют разрешения Правительственной комиссии, с перечислением денежных средств по сделке на счет типа «О». Вышеперечисленный порядок не относится к сделкам, предусматривающим получение исключительных прав на произведения науки, литературы, искусства, результаты исполнительской деятельности, фонограммы, сообщения передач организаций эфирного и кабельного вещания, а также к сделкам, размер обязательств приобретения по которым не превышает 15 млн рублей или сумму в иностранной валюте, эквивалентную 15 млн рублей.

Указ действует в отношении объектов патентного права, товарных знаков, ноу-хау (секретов производства), коммерческих обозначений,

исключительное право на которые переходит другому лицу в результате сделок.

Указ не может применяться к таким объектам интеллектуальной собственности в случае, когда исключительное право не подлежит отчуждению: к фирменным наименованиям (п. 2 ст. 1474 ГК РФ), к географическим указаниям и наименованиям мест происхождения товаров (п. 6 ст. 1519 ГК РФ).

Заключение

Анализ правовых норм использования результатов интеллектуальной деятельности без разрешения правообладателей из недружественных стран в хозяйственном обороте России показал, что эти нормы могут стать частью нового правового института, регулирующего отношения в рамках ответных мер на санкции западных стран и создающих более выгодные условия для российских предприятий, компаний, обеспечивая им конкурентное преимущество. Это важно при развитии производства в условиях все возрастающей роли и увеличения объема импортозамещения, поэтому российское законодательство в сфере противодействия санкциям постоянно совершенствуется с учетом сегодняшних реалий.

Список источников

1. Ворожевич А. Исключительные права и санкции. URL:https://zakon.ru/blog/2022/3/29isklychitelnye_prava_i_sankcii (дата обращения: 10.11.2025).
2. Петров Е.Н. Некоторые итоги параллельного импорта товаров иностранных брендов в Россию / Е.Н. Петров, О.В. Ревинский // Патенты и лицензии. – 2023. – № 6. – С. 57–61.
3. СОЗД. Законопроект «О внесении изменений в статью 1225 и статью 1231 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части изменения статуса охраны права интеллектуальной собственности недружественных иностранных государств» № 651938-8. URL:<https://sozd.duma.gov.ru./bill/651038-8?ysclid=m3h2u2rzkk91561145> (дата обращения: 10.11.2025).

4. Голубев Е.В. Особенности национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте природы интеллектуальных прав / Е.В. Голубев // Образование и право. – 2024. – №7. – С. 199–203.

5. Новости права. Новые ограничения по сделкам с объектами интеллектуальной собственности, принадлежащими иностранным правообладателям. URL: <http://denuo.legal/ru/insights/news/240527> (дата обращения: 10.11.2025).

6. Богданов Е.В. Проблемы принудительного изъятия государством объектов частной собственности посредством реквизиции, конфискации и национализации по гражданскому законодательству России / Е.В. Богданов // Lex Russica. – 2020 – Т. 73. – №2. – С. 25–32. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159. 2. 025-032.

7. Роспатент об изменении патентных пошлин: официальный сайт. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-08072024> (дата обращения: 10.11.2025).

References

1. Vorozhevich A. Exclusive Rights and Sanctions. URL: https://zakon.ru/blog/2022/3/29isklychitelnye_prava_i_sankcii (date of access: 10.11.2025) (in Russ.).

2. Petrov E.N., Revinsky O.V. Some Results of Parallel Imports of Foreign-Brand Goods into Russia. *Patenty i litsenzii = Patents and Licenses*. 2023. No. 6. Pp. 57–61 (in Russ.).

3. SOZD. Bill "On Amendments to Article 1225 and Article 1231 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (regarding changes in the status of protection of intellectual property rights of unfriendly foreign states" No. 651938-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru./bill/651038-8?ysclid=m3h2u2rzkk91561145> (date of access: 10.11.2025) (in Russ.).

4. Golubev E.V. Features of the nationalization of intellectual property in the context of the nature of intellectual property rights. *Obrazovaniye i pravo = Education and Law*. 2024. No. 7. Pp. 199–203 (in Russ.).

5. Legal News. New Restrictions on Transactions with Intellectual Property Owned by Foreign Copyright Holders. URL: <http://denuo.legal/ru/insights/news/240527/> (date of access: 10.11.2025) (in Russ.).

6. Bogdanov E.V. Problems of forced seizure of private property by the state through requisition, confiscation, and nationalization under the civil legislation of

Russia. *Lex Russica*. 2020. Vol. 73. No. 2. Pp. 25–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.025-032 (in Russ.).

7. Rospatent on changes in patent fees. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-08072024> (date of access: 10.11.2025) (in Russ.).

Статья поступила 21.11.2025, принята к публикации: 08.12.2025.

© Петров Е.Н., 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Научная статья

УДК: 338.242

Состояние и проблемы государственной политики поддержки малого инновационного предпринимательства

Андрей Тимофеевич Волков¹, Екатерина Владимировна Жебит²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ Доктор экономических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-2743-9991>

a.volgov@rgiis.ru

² Магистрант кафедры управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности

<https://orcid.org/0009-0008-3177-0768>

cat.zhebit@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу роли малого инновационного предпринимательства (МИП) в инновационной политике ведущих стран мира и оценке современного состояния и перспектив развития данного сектора в России. Выявлены ключевые проблемы российских МИП, такие как: дефицит финансирования, административные барьеры и изолированность от крупного бизнеса. В качестве решения предлагается реализация скоординированных мер по четырем направлениям: финансовая поддержка, стимулирование спроса, инфраструктурное развитие и регуляторные улучшения. В заключение сформулированы выводы об особой экономической природе МИП, комплексном характере проблем в России и необходимости системного, а не точечного подхода к их решению для достижения страной технологического суверенитета.

Ключевые слова: инновации, инновационное предпринимательство, малое инновационное предприятие, государственная поддержка инноваций, конкурентоспособность.

Для цитирования: Волков А.Т., Жебит Е.В. Состояние и проблемы государственной политики поддержки малого инновационного предпринимательства // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12).

Original article

Consistency and political problems in the countryside little innovation scientist

Andrey T. Volkov¹, Ekaterina V. Zhebit²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Doctor of Economic Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0002-2743-9991>

a.volgov@rgiis.ru

² Master's student at the Department of Innovation Management and Commercialization of Intellectual Property

<https://orcid.org/0009-0008-3177-0768>

cat.zhebit@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the role of small innovative entrepreneurship in the innovation policy of the leading countries of the world and the assessment of the current state and prospects of development of this sector in Russia. The key problems of Russian small innovative entrepreneurship, such as a lack of funding, administrative barriers, and isolation from large businesses, have been identified. As a solution, it is proposed to implement coordinated measures in four areas: financial support, demand stimulation, infrastructure development, and regulatory improvements. The article concludes with a discussion of the special economic nature of the IP, the complex nature of the problems in Russia, and the need for a systematic rather than a piecemeal approach to achieving technological sovereignty.

Keywords: innovation, innovative entrepreneurship, small innovative enterprise, government support for innovation, competitiveness

For citation: Volkov A.T., Zhebit E.V. Consistency and political problems in the countryside little innovation scientist // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

В условиях глобализации и перехода к экономике знаний малое инновационное предпринимательство становится ключевым драйвером технологического прогресса, диверсификации экономики и обеспечения национальной конкурентоспособности. Исследование потенциала этой подотрасли и барьеров на пути ее развития является важной научной и практической задачей.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г. была поставлена задача войти в число ведущих научных держав мира, увеличив совокупные вложения государства и бизнеса в научные исследования и разработки более чем вдвое, и довести их долю до 2% ВВП к 2030 г. В частности, предполагалось, что частному бизнесу необходимо двукратно увеличить инвестиции в науку уже к 2030 г¹.

Что касается инновационной деятельности, то необходимость увеличения объема частных инвестиций в ее развитие нашла отражение в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»², в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³ и Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁴.

Следует отметить сложность проведения исследований по данной тематике вследствие нехватки актуальной информации в отношении российского бизнеса, что также подчеркивается в ряде научных работ отечественных авторов. Данный факт, однако, не препятствует выявлению и анализу основных рисков малого инновационного бизнеса, а также барьеров для развития их инновационной деятельности.

Методы

В процессе проведения настоящего исследования применялись методы сравнительного и статистического анализа, синтеза, обобщения и систематизации.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=471111&dst=100001#pRw8T0Vi8dwdsnfG1> (дата обращения: 23.10.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 23.10.2025).

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 23.10.2025).

⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 23.10.2025).

Основное исследование

Инновационная политика ведущих государств. Ключевую роль в деле наращивания инновационного потенциала передовых государств играет малое инновационное предпринимательство (далее – МИП). Основной рост количества малых инновационных предприятий в мире пришелся на период 1970–1980-х гг.

Успехи в научно-технологической сфере в таких государствах, как Китай, Южная Корея, Сингапур, Швейцария, Швеция, США, Великобритания, Финляндия, Нидерланды, Дания, не были бы возможны без реализации масштабных национальных и региональных научно-технологических проектов, и программ, основанных на принципах государственно-частного партнерства.

Классическим примером системы, где государство выступает гарантом частных инвестиций в инновационные высокорисковые проекты, являются США. Здесь необходимо отметить программу SBIR (Small Business Innovation Research), позволяющую малым предприятиям развиваться благодаря внедрению технологий в сферах энергетики, экологии, здравоохранения. Программа предусматривает выдачу грантов на НИОКР, коммерциализацию и привлечение частного капитала. Это позволяет выделить наиболее перспективные проекты и обеспечить их финансирование на наиболее рискованных стадиях. Программа не предусматривает бюджетного финансирования, и нет единого органа, отвечающего за нее. Ответственность распределяется между 11 федеральными государственными агентствами, которые обязаны выделять около 3% своего бюджета на финансирование контрактов с участием МИП [1].

Разумная инновационная политика США способствовала формированию развитой подотрасли венчурных услуг, а также бизнес-ангелов. В этих условиях инновационные кластеры вроде Кремниевой долины обеспечивают быстрый рост стартапов, функционируя как центры притяжения талантов и капиталов.

Немецкая модель поддержки МИП характерна тесной связью фундаментальных и прикладных исследований с производствами. Институты Общества Фраунгофера (Fraunhofer-Gesellschaft zur Förderung der angewandten Forschung e.V.) выполняют НИОКР с финансовым участием бизнеса, часто становясь «инкубаторами» малых инновационных компаний. Успешные немецкие МИП превращаются в «скрытых чемпионов» (hidden champions) – лидеров мирового рынка в узкоспециализированных областях, чему способствует коопeração с крупными промышленными концернами в рамках отраслевых кластеров [2].

Государства Восточной Азии часто демонстрируют преимущества централизованного подхода, при котором государство напрямую определяет стратегию и технологические приоритеты.

Поддержка МИП в Китае является элементом национальной стратегии экономического и технологического развития. Так, например, в 2015 г. была запущена национальная программа «Сделано в Китае 2025 (MIC 2025)», предусматривающая прямое финансирование инновационных предприятий через государственные венчурные фонды, создание масштабных специальных экономических зон («Шэньчжэнь», «Чжухай», «Шаньтоу», «Сямэнь», «Хайнань») и технопарков (например, Чжунгуаньцунь в Пекине (Zhongguancun (ZGC) Science Park). Предусматривается также проведение политики так называемого «принуждения к инновациям», реализуемой через госзаказ и требования по трансферу технологий [3].

В Сингапуре поддержка МИП обеспечивается путем создания исключительно благоприятных условий для ведения бизнеса: низкие налоги, упрощенные административные процедуры, защита прав интеллектуальной собственности. Государственные агентства, такие как агентство при Министерстве торговли и промышленности SPRING Singapore, предоставляют целевые гранты, софинансирование и менторскую поддержку стартапам на всех этапах их развития, активно привлекая в страну международные таланты и капиталы [4].

Состояние инновационной активности в России. В рейтинге 18-го выпуска Глобального инновационного индекса Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization), опубликованного в сентябре 2025 г., Россия заняла 60-ю строчку в списке из 139 стран, расположившись между Арменией и Южной Африкой (в 2024 г. Россия находилась на 59-й позиции). По объему инвестиций в инновационную деятельность Россия поднялась с 76-й на 73-ю строчку, по результатам инновационной деятельности – с 56-й на 55-ю [5].

Проанализировав данный документ, российские специалисты пришли к выводу, что некоторые отечественные показатели (около 30% всех индикаторов) трудно оценивать по причине неактуальности данных (данные старше 2021 г.). Вероятнее всего актуализация данных, с привлечением как материалов отчетов международных организаций, так и сведений, опубликованных в российских официальных документах, позволила бы получить более оптимистичные результаты.

Согласно данным Глобального инновационного индекса, сильными сторонами инновационной системы России стали человеческий капитал и передовая наука, креативность и результативность решений, развитие бизнеса. К факторам, снижающим общую оценку, относятся: недостатки в развитии законодательной базы, рыночных инфраструктур, внедрении новых технических решений. Для выхода на передовые позиции необходимо увеличивать ассигнования не только на сами исследования и разработки, но и на подготовку научных кадров, совершенствование механизмов государственного регулирования, развитие исследовательской инфраструктуры и т.д. Задача по достижению технологического суверенитета требует от России выстраивания целенаправленной политики, при которой МИП должны рассматриваться в одном ряду с ключевыми исполнителями.

В 2023 г., рост деловой активности малых инновационных предприятий в России составил 7,2%, в то время как в 2019-м этот показатель составлял 5,8%. Лидерами в этом процессе выступают производители

высокотехнологичной продукции, компьютеров, электронных и оптических изделий, лекарственных средств, а также производители транспортных средств и оборудования, включая корабли, железнодорожные составы, воздушные и космические суда.

Уход с рынка зарубежных конкурентов стал стимулом для вложения средств российскими производителями в разработку и внедрение новой техники и технологий. Так, в 2023 г. вклад российских предприятий малого бизнеса в инновационную деятельность составил 93,6 млрд руб. [6].

В сложившихся условиях российские МИП наряду с определенными конкурентными преимуществами обладают и существенными недостатками. Из ключевых преимуществ можно отметить следующие:

- 1) высокую гибкость и динамичность (быстрое принятие решений, короткий инновационный цикл и быстрая реакция на изменения конъюнктуры рынка и появление технологических новаций);
- 2) эффективное управление (простые модели управления и схемы документооборота);
- 3) экономическую эффективность и высокую мотивацию сотрудников;
- 4) клиентаориентированность и способность к быстрой адаптации.

Среди недостатков российских малых инновационных предприятий:

- 1) ресурсные ограничения (внешнего финансирования и кредитования, ограничение по диверсификации);
- 2) высокие риски (предпринимательские и финансовые);
- 3) организационная нестабильность (узкая специализация, невысокий профессиональный уровень некоторых сотрудников);
- 4) ограниченность масштабирования (в условиях роста спроса).

Отметим, что в статистике Росстата нет четкого указания на количество МИП, их распределение по отраслям, объемы инвестиций в целях инновационного развития. В литературе гораздо больше материалов посвящено малому и среднему предпринимательству. Инновационная активность отслеживается только по малым промышленным предприятиям

(добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство электроэнергии и газа), и учитываются лишь продуктивные и процессные новшества, в то время как инновационные процессы могут эффективно организовываться на малых предприятиях и других отраслей.

Также стоит отметить немалое количество рационализаторов и изобретателей, работающих на микропредприятиях, которые также не входят в статистические исследования Росстата.

Что касается изолированности малых инновационных предприятий в структуре современной рыночной экономики, то эксперты отмечают значительные трудности при поиске партнеров из числа среднего и крупного бизнеса, а также при поиске источников информации о мерах государственной поддержки, логистических и маркетинговых возможностях, перспективах международного сотрудничества. Здесь, конечно, для малых инновационных предприятий на первый план выступает необходимость финансовых ресурсов, которыми располагает более крупный бизнес. Однако последние остро нуждаются в постоянном партнерстве с генераторами новых идей и интересных разработок.

Российский малый бизнес сегодня адаптируется к новым условиям, наращивая инновационные процессы. Этому способствуют также государственная политика и комплекс мер, включающий льготное кредитование, компенсация части затрат на НИОКР, на приобретение нового оборудования и материалов. Однако необходимо признать, что отставание России от стран-лидеров технологического прогресса с каждым годом увеличивается, оставляя все меньше надежд на достижение уровня опережающего развития.

Реализация инновационной стратегии в России. Современные инструменты государственной поддержки можно условно разделить на прямые и косвенные.

Первая группа – прямых инструментов – нацелена на целевое финансирование и инфраструктурное развитие МИП. К ней, в первую очередь,

относятся грантовая и целевая финансовая поддержка, реализуемые, в том числе через программы Фонда содействия инновациям (Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере). В качестве примеров таких программ можно привести конкурс «Развитие – НТИ» для юридических лиц, занимающихся научными разработками, а также программу «Коммерциализация», направленную на поддержку малых инновационных предприятий, завершивших НИОКР и планирующих создание или расширение производства инновационной продукции [7]. Кроме этого, можно выделить программу «Старт», которая направлена на создание новых и поддержку существующих малых инновационных предприятий, стремящихся разработать и освоить производство нового товара, изделия, технологии или услуги с использованием результатов собственных научно-технических и технологических исследований, находящихся на начальной стадии развития и имеющих значительный потенциал коммерциализации.

Указанные программы могут помочь малым инновационным предприятиям преодолеть наиболее рискованный этап между разработкой научной идеи и созданием опытного образца.

К первой группе инструментов поддержки МИП можно отнести также грантовое финансирование на доработку и создание технологической продукции под требования крупных российских корпораций, а также стимулирование развития специализированной инфраструктуры, позволяющей малым компаниям получить доступ к уникальному оборудованию, экспертизе и кадровому потенциалу, которые ранее им были бы недоступны.

Ко второй группе – косвенным механизмам государственной поддержки МИП относятся:

- стимулирование спроса через государственные и корпоративные закупки у малых инновационных предприятий [8];
- формирование технологических партнерств, где корпорации выступают и как заказчики, и как технологические партнеры для МИП;

– внедрение адаптивного регулирования в виде специального правового режима, создающего безопасную среду для тестирования инновационных бизнес-моделей, продуктов и услуг (так называемая «регуляторная песочница») [9]. Малым инновационным предприятиям, работающим в высокорисковых областях, предоставляется возможность тестировать свои продукты и бизнес-модели в ограниченном правовом пространстве. Это позволяет апробировать новые решения, не нарушая действующее законодательство, и способствует более гибкому подходу регулятора к прорывным инновациям.

Идентификация сдерживающих барьеров. Можно выделить основные факторы, сдерживающие рост инвестиций в инновации малым бизнесом в России:

- дефицит собственных средств, сложность их привлечения;
- нестабильность экономической и политической ситуации, не располагающей к долгосрочным инвестициям;
- отсутствие эффективной государственной экономической политики, направленной на стимулирование инновационной и научной деятельности (налоговая политика, денежно-кредитная политика, координация и контроль научных исследований, проводимых государственными организациями и т.д.);
- несовершенство правовой базы, низкий уровень защиты авторских прав и интеллектуальной собственности, высокая степень бюрократизации;
- недостаточное количество инвестиционно привлекательных научноемких проектов, нехватка или отсутствие необходимой информации о рынке и технологиях, отсутствие спроса на инновационные продукты;
- высокий уровень риска осуществления инвестиций в научной деятельности, обусловленный сложностью прогнозирования результатов исследования и возможности их практического применения;

- недостаточный объем государственной поддержки и отсутствие эффективных инструментов стимулирования предпринимателей к инвестициям (низкая эффективность программ льготного кредитования);
- применение неэффективных управленческих инструментов на самих предприятиях;
- нехватка квалифицированных кадров, необходимых тренингов, недостаточный уровень научной креативности;
- высокая степень изолированности малых инновационных предприятий по сравнению со средним и крупным бизнесом.

В свою очередь существенными барьерами для использования государственной поддержки являются сложные процедуры их получения, большие издержки администрирования и отчетности, высокие риски недостижения целевых показателей и штрафы [10].

Некоторые из вышеперечисленных факторов являются взаимозависимыми, а совокупность данных проблем, безусловно, требует комплексных решений.

Некоторые меры для успешной реализации стратегии. Реализация стратегических решений потребует осуществления комплекса организационных, правовых и иных мер, направленных на существенное повышение эффективности расходов на проведение научных исследований и разработок, усиление горизонтальных связей и межведомственных взаимодействий в целях обеспечения научно-технологического развития отраслей экономики и социальной сферы, а также создания эффективных партнерств государственных и частных компаний, способных стать лидерами на национальном и глобальном рынках.

В научной литературе для реализации интеграционного взаимодействия МИП и крупного бизнеса предлагаются следующие направления:

- 1) организация и проведение различного рода мероприятий, выставок, конференций для обмена научно-технической информацией, актуальными знаниями;
- 2) проектная деятельность малого инновационного бизнеса по заказам корпораций;
- 3) венчурное взаимодействие, предполагающее участие крупной компании в капитале малого инновационного предприятия.

Для преодоления системных барьеров развития малого инновационного предпринимательства необходима реализация скоординированных государством мер, формирующих целостную экосистему поддержки. Приоритетными являются следующие четыре ключевые направления:

- финансовая поддержка должна обеспечивать сквозное финансирование всех стадий развития МИП через гранты, венчурные займы и налоговые льготы для частных инвесторов;
- стимулирование спроса, требующее внедрения технологических квот в госзакупках, создания карты ключевых технологических и промышленных вызовов и развития корпоративных акселераторов;
- инфраструктурное развитие, предполагающее расширение сети технопарков с льготным доступом к оборудованию, интеграцию предпринимательских программ в вузы и запуск национальной менторской программы;
- регуляторные улучшения должны включать расширение «регуляторных песочниц» и усиление охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Только такой системный подход позволит создать устойчивую экосистему для роста МИП как драйвера технологического суверенитета экономики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что МИП играет существенную роль в современной экономике, выступая не только источником динамического роста, но и ключевым драйвером технологических изменений и повышения глобальной конкурентоспособности государства. При этом, как показывает мировая практика, государственная политика поддержки МИП играет ключевую роль и выступает фактором его развития.

В результате исследования были сформулированы следующие основные выводы.

Во-первых, МИП обладают принципиально иной экономической природой по сравнению с традиционным малым бизнесом. Их отличие определяется ориентацией на создание прорывных технологий и продуктов, высокой степенью неопределенности и риска, гибкостью организационной структуры, а также ключевой зависимостью от интеллектуального капитала.

Во-вторых, развитие сектора МИП в России сдерживается комплексом взаимосвязанных проблем, а именно: дефицитом финансирования на начальных стадиях разработки и коммерциализации проекта, сохраняющимися административными барьерами и избыточной регуляторной нагрузкой, а также острой нехваткой квалифицированных кадров, обладающих компетенциями на стыке науки и технологий, экономики и предпринимательства.

В-третьих, эффективное преодоление существующих барьеров требует реализации комплексного и системного подхода при поддержке МИП, точечные меры не способны кардинально изменить ситуацию. Необходима синергия государственных финансовых инструментов (венчурное финансирование, гранты, налоговые льготы), развитой научной инфраструктуры (технопарки, бизнес-инкубаторы, акселераторы) и целенаправленной образовательной политики, направленной на подготовку нового поколения инновационных предпринимателей.

Перспективы дальнейших исследований в данной области видятся в углубленном анализе региональных аспектов развития МИП, что позволит выявить и учесть территориальную специфику. Кроме того, актуальным остается исследование моделей коммерциализации результатов научной деятельности университетов и научных центров, а также изучение трансформации бизнес-моделей МИП под влиянием процессов цифровизации и формирования экономики данных. Решение этих задач будет способствовать созданию более целостной и эффективной национальной инновационной экономики.

Список источников:

1. Small Business Innovation Research (SBIR) / Small Business Technology Transfer (STTR). URL: https://www.nasa.gov/sbir_sttr/ (дата обращения: 24.10.2025).
2. Инновационная система Германии // Ежемесячное аналитическое обозрение. Наука за рубежом / Ин-т проблем развития науки РАН. – 2023. – № 113. – Январь – Февраль.
3. The "Made in China 2025" concept is more than "just" Industry 4.0, AI, Metaverse and 5G technology. URL: <https://xpert.digital/en/made-in-china-2025/> (дата обращения: 24.10.2025).
4. Чебуханова Л.В. Финансирование малых инновационных предприятий в Сингапуре / Л.В. Чебуханова // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovaniye-malyh-innovatsionnyh-predpriyatiy-v-singapure> (дата обращения: 24.10.2025).
5. Global Innovation Index 2025. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Малый инновационный бизнес набирает обороты: официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/950207637.html> (дата обращения: 18.10.2025).
7. Фонд содействия инновациям: офиц. сайт. URL: <https://fasie.ru/> (дата обращения: 24.10.2025).
8. Аттарпур М.Р. Государственные закупки как механизм стимулирования инновационного развития / М.Р. Аттарпур, М. Наримани, М. Эльяси, А. Мохаммади // Форсайт. – 2024. – № 1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-kak-mehanizm-stimulirovaniya-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 24.10.2025).

9. Громова Е.А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eksperimentalnyh-pravovyh-rezhimah-sozdaniya-tsifrovyyh-innovatsiy-regulyatornyh-pesochnitsah> (дата обращения: 24.10.2025).

10. Бизнес планирует наращивать инвестиции в НИОКР. URL: <https://rspp.ru/events/news/biznes-planiruet-narashchivat-investitsii-v-niokr-66f263a88bf52/> (дата обращения: 18.10.2025)

References

1. Small Business Innovation Research (SBIR) / Small Business Technology Transfer (STTR). URL: https://www.nasa.gov/sbir_sttr/ (date of access: 24.10.2025).
2. The German Innovation System. *Ezhemesyachnoye analiticheskoye obozreniye. Nauka za rubezhom = Monthly Analytical Review. Science Abroad* / Institute of Science Development Problems, Russian Academy of Sciences. 2023. No. 113. January – February (in Russ).
3. The "Made in China 2025" Concept is More Than "Just" Industry 4.0, AI, Metaverse, and 5G Technology. URL: <https://xpert.digital/en/made-in-china-2025/> (accessed: 24.10.2025).
4. Chebukhanova L.V. Financing Small Innovative Enterprises in Singapore. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Knowledge Academy*. 2019. No. 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-malyh-innovatsionnyh-predpriatiy-v-singapure> (date of access: 24.10.2025) (in Russ).
5. Global Innovation Index 2025. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index> (date of access: 23.10.2025).
6. Small innovative business is gaining momentum: Official website of the National Research University Higher School of Economics. URL: <https://issek.hse.ru/news/950207637.html> (date of access: 18.10.2025) (in Russ).
7. Foundation for Assistance to Small Innovative Enterprises: official website. URL: <https://fasie.ru/> (date of access: 24.10.2025) (in Russ).
8. Attarpour M.R., Narimani M., Elyasi M., Mohammadi A. Public procurement as a mechanism for stimulating innovative development. *Forsayt = Foresight*. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-kak-mehanizm-stimulirovaniya-innovatsionnogo-razvitiya> (date of access: 24.10.2025) (in Russ).

9. Gromova E.A. On the issue of experimental legal regimes for the creation of digital innovations (regulatory sandboxes). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.* 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eksperimentalnyh-pravovyh-rezhimah-sozdaniya-tsifrovyyh-innovatsiy-regulyatornyh-pesochnitsah> (date of access: 24.10.2025) (in Russ).

10. Business plans to increase investment in R&D. URL: <https://rspp.ru/events/news/biznes-planiruet-narashchivat-investitsii-v-niokr-66f263a88bf52/> (date of access: 18.10.2025) (in Russ).

Статья поступила 11.11.2025, принята к публикации: 24.11.2025.

© Волков А.Т., Жебит Е.В., 2025

Научная статья
УДК: 351.71

**Программно-целевые методы в государственном управлении:
возможные риски и перспективы развития**

Алексей Павлович Соколов,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Доктор юридических наук

a.sokolov@rgiis.ru

Аннотация. В статье исследуются программно-целевые методы управления как инструмент реализации государственной политики. Рассматриваются их теоретические основы, практика применения в России, ключевые риски и перспективы развития. На основе анализа федеральных и региональных программ выявляются такие проблемы, как недостаточная координация между ведомствами, недофинансирование, низкая эффективность контроля. Предложены меры по совершенствованию методологии целеполагания, внедрению цифровых платформ мониторинга и повышению прозрачности использования бюджетных средств.

Ключевые слова: программно-целевое управление, государственные программы, эффективность управления, риски реализации, цифровизация, бюджетное планирование.

Для цитирования: Соколов А.П. Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Program-oriented methods in public administration: possible risks and development prospects

Alexey P. Sokolov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Doctor of Law

a.sokolov@rgiis.ru

Abstract. The article examines program-oriented management methods as a tool for implementing public policy. Their theoretical foundations, application practice in Russia, key risks and development prospects are considered. Based on the analysis of federal and regional programs, the author identifies such problems as insufficient coordination between departments, underfunding, and low control efficiency. Measures are proposed to improve goal-setting methodology, introduce digital monitoring platforms, and increase transparency in the use of budget funds.

Keywords: program and target management, government programs, management efficiency, implementation risks, digitalization, budget planning.

For citation: Sokolov A.P. Program-oriented methods in public administration: possible risks and development prospects // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Программно-целевые методы управления – важные инструменты реализации стратегических целей государства. Они позволяют концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях, обеспечивая комплексный подход к решению общественно значимых задач. В условиях усложнения социально-экономических процессов и роста внешних вызовов актуальность применения этих методов только возрастает.

На практике реализация программно-целевого управления сталкивается с рядом системных проблем: несогласованность действий органов власти, недостаточное ресурсное обеспечение, низкая адаптивность программ к изменяющимся условиям.

В данной статье рассматриваются как теоретические аспекты программно-целевого управления, так и практические риски его применения, а также перспективы развития в контексте цифровой трансформации государственного управления.

Методы

Для целей настоящего исследования применялись сравнительный и формально-юридический методы.

Основное исследование

Теоретические основы программно-целевого управления.

Программно-целевое управление представляет собой методологию управления, ориентированную на достижение конкретных социально-экономических результатов через реализацию взаимосвязанных мероприятий в установленные сроки. Его теоретическая база формировалась на протяжении последних десятилетий, интегрируя элементы системного подхода, теории управления и экономического планирования.

Ключевой особенностью программно-целевого управления является его ориентация на конечный результат, что отличает его от традиционного отраслевого управления. Если отраслевой подход фокусируется на функционировании отдельных ведомств, то программно-целевой – на решении конкретных проблем общества. Это предполагает переход от управления ресурсами к управлению результатами. Основные компоненты программно-целевого управления:

- 1) четко сформулированные цели и задачи, выраженные в конкретных измеримых показателях;
- 2) комплекс взаимосвязанных мероприятий, обеспечивающих достижение поставленных целей;
- 3) ресурсное обеспечение (финансовое, кадровое, материально-техническое);
- 4) организационная структура управления программой;
- 5) система мониторинга и оценки эффективности.

Теоретическая модель программно-целевого управления базируется на нескольких фундаментальных принципах:

- 1) единства нормативно-методологической базы – включает в себя создание единого методического пространства для управления программами, предполагающее применение согласованных стандартов, методических рекомендаций и процедур на всех этапах их жизненного цикла;
- 2) четкого целеполагания и ориентации на результат – включает в себя

приоритет достижения конкретных, измеримых результатов в установленные сроки над контролем за процессом реализации;

3) системности и комплексности, включающих в себя рассмотрение решаемых проблем и формируемых целей во всей совокупности внутренних и внешних взаимосвязей, с обязательным учетом влияния разнородных факторов (экономических, социальных, технологических, экологических) при формировании программных мероприятий.

В Российской Федерации теоретические основы программно-целевого управления нашли отражение в ряде нормативных документов. Бюджетный кодекс РФ закрепил программный принцип организации бюджетных расходов. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» установил правовые основы для разработки и реализации государственных программ¹.

В таблице 1 приведена сравнительная характеристика программно-целевого и традиционного управления.

Таблица 1

Сравнительная характеристика методов управления

Критерий	Традиционное управление	Программно-целевое управление
Фокус внимания	Процесс выполнения функций	Достижение целевых показателей
Организационная структура	Ведомственная	Межведомственная
Критерии эффективности	Освоение бюджетных средств	Достижение социально-экономических результатов
Планирование	Краткосрочное, оперативное	Среднесрочное, стратегическое
Ответственность	Рассредоточена по функциям	Сконцентрирована на результат

Несмотря на проработанность теоретической базы, практическая

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

реализация программно-целевого управления сталкивается с рядом методологических проблем. К ним относятся сложности количественной оценки социальных результатов, недостаточная разработанность методик межведомственного взаимодействия, противоречия между текущей оперативной деятельностью и достижением долгосрочных программных целей. Теоретические основы программно-целевого управления – комплексная методология, требующая дальнейшего развития и адаптации к современным вызовам государственного управления. Особого внимания заслуживают вопросы интеграции программно-целевых методов с проектным управлением и цифровой трансформацией государственного аппарата.

Практика применения программно-целевых методов. Практика применения программно-целевого метода в последние годы охватывает различные сферы, и ее анализ позволяет выявить как успехи, так и системные проблемы.

Реализация принятой в 2019 г. в России государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» столкнулась с рядом проблем. Исследование, проведенное в Вологодской области, выявило сокращение объема финансового обеспечения программы на 2020–2025 гг. по сравнению с первоначальными планами, несовершенство критериев отбора проектов, нехватку квалифицированных кадров для разработки проектов на местах и ограниченность полномочий органов местного самоуправления [1]. Это указывает на разрыв между целями, установленными на федеральном уровне, и реальными возможностями для их достижения в регионах.

Анализ, проведенный в Республике Карелия, показал, что эффективность использования бюджетных ресурсов напрямую зависит от качества применения программно-целевого метода. Проблемами остаются слабая взаимоувязка стратегического и бюджетного планирования, а также сохранение стимулов к освоению бюджетных средств без адекватного повышения их эффективности.

Примером применения подхода в социальном блоке является реализация

в Липецкой области государственной программы «Развитие образования», в рамках которой решались задачи организации досуговой деятельности детей и подростков [2].

Обобщая практику последних лет, можно выделить несколько характерных проблем:

1. Объемы финансирования программ нередко сокращаются после их утверждения, что ставит под угрозу достижение заявленных целей.

2. На местном уровне часто не хватает квалифицированных кадров для качественной разработки и реализации программных мероприятий.

3. Сохраняются сложности в обеспечении согласованной работы различных ведомств и уровней власти в рамках единой программы. В качестве общей тенденции отмечается, что программно-целевое управление, включая национальные проекты, стало основным драйвером развития, однако для повышения его эффективности требуется преодоление указанных системных ограничений.

Риски применения программно-целевых методов. На основе анализа современных российских практик и научных публикаций риски применения программно-целевых методов в государственном управлении можно систематизировать в несколько ключевых групп, подкрепленных примерами последних лет.

Координационные и организационные риски связаны со сложностями управления и взаимодействия между различными участниками программ [3]. На практике сохраняется ведомственная разобщенность, когда участники программы действуют в рамках своих узких задач, а не единого целевого ориентира. Это приводит к дублированию функций, распылению ресурсов и снижению синергетического эффекта. Как показала практика реализации одной из федеральных целевых программ, лишь около 50% субъектов Российской Федерации приняли в этом активное участие, что свидетельствует о проблемах координации на вертикальном уровне. Несогласованность приоритетов и инструментов поддержки на национальном, региональном и

муниципальном уровнях препятствует формированию целостных производственных цепочек и достижению максимального мультипликативного эффекта. Даже успешные на федеральном уровне инициативы могут «пробуксовывать» на местах. Жесткая структура многих целевых программ не позволяет оперативно корректировать их в условиях быстро меняющейся внешней среды, кризисов или появления новых вызовов.

Финансово-экономические риски напрямую связаны с бюджетными ограничениями и эффективностью использования средств. Объемы финансирования программ нередко сокращаются после их утверждения, что ставит под угрозу достижение заявленных целей. Проблема усугубляется в условиях экономической нестабильности.

Также следует отметить, что отсутствие прозрачной и отлаженной системы контроля за расходованием средств создает риски их нецелевого использования. Это, в свою очередь, ведет к снижению доверия к программно-целевому методу в целом.

Как отмечается в Стратегии научно-технологического развития РФ², сохраняется фундаментальная проблема – слабое взаимодействие между сектором исследований и разработок и реальным сектором экономики. Разрывы инновационного цикла, когда результаты государственных инвестиций в науку и технологии не находят практического применения в экономике, доля инновационной продукции в общем выпуске остается низкой (8–9%), а инвестиции в нематериальные активы значительно уступают показателям стран-лидеров.

Методические и кадровые риски обусловлены недостатками в планировании, методологии и человеческом факторе. Ошибочные управленческие решения, неверное целеполагание и некачественное планирование являются одними из главных причин падения эффективности [4]. Цели программ могут быть размытыми, а индикаторы – не отражать

² Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

реального прогресса.

Для успешной реализации программно-целевого подхода необходимы специалисты высокой квалификации, обладающие соответствующим опытом. На всех уровнях, особенно на местном, часто наблюдается нехватка кадров, способных к комплексному проектному управлению. Как справедливо отмечается в научных публикациях, нивелирование этих недостатков требует высокой квалификации специалистов и соответствующего опыта, что является ключевым условием для повышения эффективности государственного управления через программно-целевые методы. В условиях нестабильности и неопределенности внешней среды сложность применения программно-целевого управления возрастает, а цена ошибки, заложенной на этапе проектирования, становится чрезвычайно высокой.

Перспективы развития программно-целевого управления. В совершенствовании методологии и процессов управления одним из основных направлений является глубокая методологическая перестройка, затрагивающая все этапы жизненного цикла программ.

Создание единых информационных систем для мониторинга и управления государственными программами позволяет перейти к контролю в режиме реального времени. Такие платформы обеспечивают прозрачность выполнения мероприятий, расходования бюджетных средств и достижения целевых показателей, что значительно повышает ответственность исполнителей [5].

Совершенствование методологии измерения результатов заключается в переходе от оценки процесса освоения бюджетных ассигнований к анализу реального социально-экономического эффекта и достижения конечных целей. Это требует разработки более сложных, многофакторных моделей оценки, учитывающих долгосрочное воздействие программ.

Цифровизация открывает новые возможности для повышения обоснованности управленческих решений [6]. Анализ структурированных и неструктурированных данных позволяет проводить более точное

прогнозирование, выявлять скрытые зависимости и оценивать потенциальную эффективность программ на этапе их разработки, что способствует переходу к управлению, основанному на данных. Цифровая трансформация предполагает не просто автоматизацию существующих процедур, а перепроектирование межведомственных взаимодействий. Создание сквозных процессов, исключающих дублирование функций и избыточный документооборот, повышает скоординированность действий и снижает административную нагрузку.

Развитие кадрового потенциала и экспертного сопровождения включает в себя нивелирование ключевых рисков, оно напрямую связано с квалификацией специалистов. Для эффективного применения сложных методов и проектного управления необходимы целенаправленные программы подготовки и переподготовки государственных служащих. Ключевыми становятся компетенции в области стратегического планирования, управления проектами, анализа данных и межведомственной коммуникации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что программно-целевые методы управления сохраняют статус ключевого инструмента реализации государственной политики в Российской Федерации. Сформированная за последние годы нормативно-методическая база создала необходимые предпосылки для их системного применения на всех уровнях публичной власти. Достигнуты значительные результаты в части формализации процессов разработки и реализации государственных программ, их увязки со стратегическими целями развития. Вместе с тем практика применения программно-целевого подхода выявила устойчивые системные риски, снижающие его эффективность. К наиболее существенным из них относятся недостаточная межведомственная и межуровневая координация, сохраняющаяся ориентация на освоение бюджетных средств в ущерб достижению качественных результатов, а также дефицит

квалифицированных кадров, способных к комплексному проектному управлению. Перспективы развития программно-целевого управления связаны с его глубокой трансформацией в контексте цифровизации государственного аппарата. Внедрение сквозных цифровых платформ, использование технологий больших данных создают возможность перехода к управлению на основе реальных данных в режиме, приближенном к реальному времени. Одновременно требуется совершенствование методологии оценки эффективности программ с акцентом на измерение конечного социально-экономического эффекта, а не объема освоенных ресурсов. Не менее важным направлением является развитие кадрового потенциала государственной службы, ориентированного на проектное управление и достижение измеримых результатов. Синергетический эффект может быть достигнут за счет комплексного сочетания организационных, методических и технологических новаций, что в конечном итоге позволит повысить качество государственного управления и обеспечить достижение национальных целей развития.

Список литературы

1. Ворошилов Н.В. Программно-целевой метод в развитии сельских территорий регионов России / Н.В. Ворошилов, К.А. Задумкин, Е.Б. Шулепов // Регионология. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 555–585.
2. Бизин С.В. Применение программно-целевого подхода в организации и управлении досуговой деятельности детей и подростков в регионе / С.В. Бизин // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 8. – С. 3117–3136.
3. Жигаленко Е.В. Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития // Инновации и инвестиции. – 2023. – №10.
4. Казаков А.В. Опыт и современное применение программно-целевого метода (проектного) управления в Российской Федерации / А.В. Казаков, А.Н. Приходько // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 3-1. – С. 62–67.
5. Сергиенко Н.С. Программно-целевое управление в системе публичной власти: особенности и перспективы / Н.С. Сергиенко //

Управленческие науки. – 2025. – Том 15, № 1.

6. Пыжова Ж.Ю. Новации проектно-целевого подхода в системе стратегического планирования национальной экономики / Пыжова Ж.Ю., Лыкова Е.С. // Научные проблемы водного транспорта. – 2022. – № 77. – С. 199–210.

References

1. Voroshilov N.V., Zadumkin K.A., Shulepov E.B. Program-target method in the development of rural territories of Russian regions. *Regionologiya = Regionalology*. 2022. Vol. 30, No. 3. P. 555–585 (in Russ.).
2. Bizin S.V. Application of a program-targeted approach in organizing and managing leisure activities of children and adolescents in the region. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*. 2023. Vol. 13. No. 8. P. 3117–3136 (in Russ.).
3. Zhigalenko E.V. Program-targeted methods in public administration: possible risks and development prospects. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2023. No. 10 (in Russ.).
4. Kazakov A.V., Prikhodko A.N. Experience and modern application of the program-target method (project) management in the Russian Federation. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021. No. 3-1. P. 62–67 (in Russ.).
5. Sergienko N.S. Program-targeted management in the public authority system: features and prospects. *Upravlencheskiye nauki = Management Sciences*. 2025. Vol. 15, No. 1 (in Russ.).
6. Pyzhova Zh.Yu., Lykova E.S. Innovations of the project-target approach in the system of strategic planning of the national economy. *Nauchnyye problemy vodnogo transporta = Scientific problems of water transport*. 2023. No. 77. P. 199–210 (in Russ.).
- 7.

Статья поступила 09.12.2025, принята к публикации: 11.12.2025.

© Соколов А.П., 2025

Научная статья
УДК 338.24

Механизмы государственного управления сферой интеллектуальной собственности как объектом налогового стимулирования

Вероника Ремовна Смирнова

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности

<https://orcid.org/0000-0002-9318-8545>

smirnova@rgiis.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизмов государственного управления сферой интеллектуальной собственности в контексте налогового стимулирования в условиях перехода к экономике знаний. Рассмотрена трансформация роли интеллектуальной собственности из преимущественно правового института в значимый экономический актив, вовлеченный в инвестиционную и налоговую политику государства. Особое внимание удалено налоговому стимулированию как инструменту привлечения частного капитала в сферу науки, высоких технологий и коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности. Раскрыто содержание и функции налогового стимулирования, а также его роль в структурной трансформации экономики.

На основе анализа отечественной и зарубежной практики обобщены основные механизмы налогового стимулирования, применяемые в Российской Федерации для поддержки НИОКР и сферы интеллектуальной собственности. Сделан вывод о целесообразности рассмотрения налогового стимулирования как элемента комплексной инновационной политики, сопряженной с мерами прямой государственной поддержки, развитием инновационной инфраструктуры и институтов коммерциализации интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, налоговое стимулирование, инновационная деятельность, государственное управление, НИОКР, экономика знаний, инновационная политика, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Разработка Концепции инвестиций в сферу интеллектуальной собственности на основе проектного, акционерного финансирования и налогового стимулирования» (2-Г3-2025).

Для цитирования: Смирнова В.Р. Механизмы государственного управления сферой интеллектуальной собственности как объектом налогового стимулирования // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12).

Original article

Mechanisms of State Management of Intellectual Property as an Object of Tax Incentives

Veronika R. Smirnova

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Innovation Management and Intellectual Property Commercialization

<https://orcid.org/0000-0002-9318-8545>

smirnova@rgiis.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the mechanisms of state management of the intellectual property sphere in the context of tax incentives in the context of the transition to the knowledge economy. The article considers the transformation of the role of intellectual property from a predominantly legal institution into a significant economic asset involved in the investment and tax policy of the state. Special attention is paid to tax incentives as a tool for attracting private capital in the field of science, high technologies and commercialization of intellectual property rights. The content and functions of tax incentives, as well as their role in the structural transformation of the economy, are disclosed. Based on the analysis of domestic and foreign practice, the main tax incentive mechanisms used in the Russian Federation to support R&D and intellectual property are summarized. It is concluded that it is advisable to consider tax incentives as an element of a comprehensive innovation policy, coupled with measures of direct government support, the development of innovation infrastructure and institutions for the commercialization of intellectual property.

Keywords: intellectual property, tax incentives, innovation, public administration, R&D, knowledge economy, innovation policy, commercialization of intellectual property results.

Financing: The research was carried out within the framework of the research project "Development of the Concept of investments in the field of intellectual property based on project, equity financing and tax incentives" (2-GZ-2025).

For citation: Smirnova V.R. Mechanisms of State Management of Intellectual Property as an Object of Tax Incentives // IP: Theory and Practice. 2025. No 4 (12).

Введение

Государственное управление сферой интеллектуальной собственности в условиях перехода к экономике знаний становится все более актуальным. Переход к экономике знаний объективно усиливает значение нематериальных факторов роста, ключевым из которых выступает интеллектуальная собственность (далее – ИС). Результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) формируют основу технологического суверенитета, инновационного развития и долгосрочной конкурентоспособности национальной экономики. В этих условиях государственное управление сферой ИС перестает быть вспомогательной функцией правовой охраны и трансформируется в самостоятельное направление экономической политики.

Можно констатировать, что интеллектуальная собственность становится объектом инвестиционной, финансовой и налоговой политики государства. Современные исследования подчеркивают, что она выступает не только объектом юридической практики, но и экономическим активом, способным вовлекаться в коммерческий оборот, использоваться в качестве предмета финансирования, залога, вклада в уставный капитал. Соответственно, сфера ИС становится объектом комплексного воздействия инвестиционной, финансовой и налоговой политики государства.

Налоговое стимулирование рассматривается как один из ключевых инструментов расширения финансирования сферы науки и высоких технологий, снижения рисков частных инвесторов и повышения капиталоемкости рынка ИС. В отличие от прямого бюджетного

финансирования, налоговые стимулы позволяют вовлекать частный капитал и формировать устойчивую экономическую мотивацию участников рынка.

Основное исследование

Определим место интеллектуальной собственности в системе государственного управления экономикой. Государственное управление ИС реализуется на стыке инновационной, промышленной, научно-технической и налоговой политики. Органы государственной власти формируют институциональные условия создания, обеспечения правовой охраны, защиты и оборота ИС, а также создают экономические стимулы для ее коммерциализации.

Место интеллектуальной собственности в системе государственного управленияочно утвердиось на стыке нескольких ключевых направлений госполитики. ИС является не только юридическим институтом охраны прав авторов и правообладателей, но и экономическим фактором, обеспечивающим реализацию инновационной, научно-технической, промышленной и налоговой политики государства. В экономике знаний результаты интеллектуальной деятельности выступают в роли стратегических активов, формирующих основу конкурентоспособности на уровне компаний, отраслей и национальных экономик. Исследования подтверждают, что эффективная политика в сфере ИС оказывает влияние на национальный экономический рост через стимулирование инновационной активности и коммерциализации прав на РИД [1].

С позиций государственного управления, интеллектуальная собственность занимает центральное место в механизмах формирования институциональной среды инновационного развития. Государство формирует правовые нормы, регулирующие права на результаты интеллектуальной деятельности, обеспечивает механизм правоприменения и защиты прав, стимулирует творческую активность индивида, а также формирует экономические стимулы для вовлечения субъектов предпринимательской деятельности в процессы создания и коммерциализации инноваций. Так,

государственная политика в сфере ИС должна быть интегрирована с инновационной, научно-технической и промышленной стратегией, она должна способствовать оптимизации экономических, социальных, технологических, экологических выгод от использования прав на РИД для общества [2].

Параллельно государство должно обеспечивать широкий доступ к финансированию инновационных проектов, направленных на создание результатов интеллектуальной деятельности, в последующем преобразующихся в активы и способных к обороту на рынке интеллектуальной собственности. Коммерциализация интеллектуальной собственности через лицензионные договоры, вклады в уставные капиталы организаций, отчуждение становится возможной благодаря наличию устойчивой правовой среды и экономических механизмов поддержки.

Особое место в государственном управлении занимает налоговая политика, направленная на стимулирование инновационной активности через механизмы интеллектуальной собственности. Налоговые льготы в сфере НИОКР и ИС, ускоренная амортизация нематериальных активов и специальные режимы налогообложения доходов от ИС стимулируют компании к созданию, регистрации и коммерческому использованию РИД. В ряде стран эффективное использование таких стимулов показало положительное влияние на увеличение инвестиций в исследования и разработки, и рост технологической активности. Анализ роли государственной политики ИС в структурировании национального инновационного потенциала включает налоговые компоненты как ключевые элементы стимулирования инноваций [1].

Налоговое стимулирование в системе государственного управления рассматривается в научной литературе как совокупность налоговых инструментов, направленных на формирование экономически выгодного поведения хозяйствующих субъектов и достижение приоритетных целей экономической политики [3]. Такая трактовка отражает современный подход,

согласно которому налоговая политика перестает быть лишь средством мобилизации доходов бюджета и становится инструментом регулирования экономической активности, средством изменения инвестиционной и инновационной динамики. В отечественных исследованиях подчеркивается, что налоговые стимулы выступают механизмом влияния государства на распределение капитала, инвестиционную и инновационную активность и развитие новых инновационных направлений, а также структурную трансформацию экономики [4].

Результаты анализа мировой практики показывают, что основными положительными моментами в использовании налоговых стимулов для привлечения инвестиций являются: активизация инвестиционной деятельности, повышение экономической активности и снижение безработицы; увеличение стимулов для инвестиций в основной капитал; активизация движения капитала и прямых иностранных инвестиций; привлечение мобильного капитала и повышение конкурентоспособности территории; реализация социально значимых инвестиционных проектов [5].

Одной из ключевых функций налогового стимулирования является инвестиционная функция. Она направлена на снижение стоимости инвестиций для бизнеса, повышение эффективности капитальных вложений и стимулирование модернизации основных фондов. В российских условиях использование инвестиционных налоговых льгот позволяет смягчать барьеры для входа в капиталоемкие проекты, особенно в высокотехнологичных секторах. Анализ показывает, что меры инвестиционного стимулирования – такие как инвестиционный налоговый кредит и ускоренная амортизация – способствуют увеличению притока частного капитала в обновление производственных мощностей, а современные методы оценки эффективности инвестиционных налоговых льгот могут показать, эффективно ли используются денежные средства, освободившиеся у компаний в результате применения льгот [6].

Налоговые льготы способствуют поощрению научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, что критически важно для формирования отечественного инновационного потенциала и технологической независимости, развития государственного управления интеллектуальной собственностью. В российских исследованиях отмечается, что налоговые льготы и преференции, направленные на стимулирование инноваций, являются одним из инструментов повышения конкурентоспособности компаний, занимающихся разработками и внедрением новых технологий. При этом исследователи выделяют основные формы стимулирования инновационной деятельности: налоговый кредит, налоговый вычет на НИОКР, ускоренная амортизация, освобождение от налога на прибыль, льготы по налогу на имущество, уменьшение ставки страховых взносов, освобождение от НДС, специальные налоговые режимы и другие формы [7].

В то же время в условиях внешних ограничений и санкционного давления фискальные инструменты приобретают особое значение как элемент государственной поддержки наукоемких и высокотехнологичных секторов, однако их реальная эффективность требует эмпирической проверки. Так, выявлено [8], что Россия характеризуется сравнительно стабильным и относительно высоким уровнем показателя предполагаемого налогового субсидирования расходов на НИОКР (TSR) по сравнению с рядом развитых стран, однако при этом существенно уступает им по показателям реальных расходов на НИОКР. Это свидетельствует об ограниченной эффективности действующих налоговых стимулов и их низкой востребованности со стороны бизнеса. Авторы [8] подчеркивают, что в странах – лидерах по уровню НИОКР, таких как Израиль и Республика Корея, решающую роль играют не налоговые льготы, а иные инструменты государственной поддержки, включая прямое финансирование, развитую инновационную инфраструктуру и институциональные условия для коммерциализации результатов исследований и разработок.

Выделим основные механизмы налогового стимулирования в системе государственного управления, используемые в российской практике стимулирования НИОКР и интеллектуальной собственности:

- налоговые льготы по налогу на прибыль организаций, которые применяются в форме пониженных ставок, освобождения или вычетов для отдельных категорий налогоплательщиков и видов деятельности и используются как базовый инструмент стимулирования инвестиций и инноваций, в том числе в высокотехнологичных и наукоемких секторах экономики;
- инвестиционный налоговый кредит, который рассматривается в российской научной литературе как инструмент поддержки капиталоемких, долгосрочных инвестиционных проектов, включая НИОКР и технологическую модернизацию;
- ускоренная амортизация основных средств и нематериальных активов, которая позволяет организациям быстрее списывать расходы на приобретение и создание активов, снижая налоговую нагрузку в начальные периоды реализации инновационных проектов и используется для стимулирования обновления производственного и технологического потенциала;
- налоговые вычеты и льготы по расходам на НИОКР, которые направлены на стимулирование научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, а в научных публикациях данный механизм рассматривается как один из ключевых элементов налогового стимулирования инновационной деятельности;
- специальные налоговые режимы и преференциальные условия, которые применяются в отношении отдельных территорий и субъектов (инновационные центры, технико-внедренческие зоны, особые экономические зоны) и сочетают налоговые стимулы с институциональной и инфраструктурной поддержкой;
- налоговые стимулы для малого и среднего инновационного предпринимательства, включающие упрощенные режимы налогообложения,

пониженные ставки и освобождение от налогов, направленные на снижение барьеров входа в инновационную деятельность и поддержку стартапов;

– налоговые стимулы, ориентированные на отдельные отрасли, используемые для поддержки приоритетных отраслей и направлений структурной трансформации экономики.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о существовании в Российской Федерации различных инструментов налогового стимулирования сферы интеллектуальной собственности для государственного управления данной сферой. В то же время необходимо рассматривать налоговое стимулирование как элемент комплексной инновационной политики, в противовес самостоятельному инструменту технологического развития. Без сопряжения налоговых механизмов с мерами прямой поддержки, развитием инновационной инфраструктуры и институциональной среды налоговые стимулы не способны обеспечить устойчивый рост сферы интеллектуальной собственности и связанных напрямую с ней инновационного и научно-технологического потенциала. Данный вывод имеет принципиальное значение для исследований в сфере интеллектуальной собственности, поскольку указывает на ограниченность фискальных инструментов при отсутствии механизмов, обеспечивающих эффективное преобразование прав на результаты интеллектуальной деятельности в коммерциализируемые продукты и технологии.

Список источников

1. Рони Рани Утами, Хамза Мухаммад Зилал, Рустам Ринальди. Анализ влияния политики интеллектуальной собственности на национальный экономический рост / Международная конференция по устойчивому сотрудничеству в бизнесе, технологиях, информации и инновациях, Индонезия, 27–28 июля 2023 г. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-292-7_14.

2. Сажина М.А. Интеллектуальная собственность в инновационной экономике: методологические аспекты / М.А. Сажина, А.В. Гаврилюк // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2020. – Том 12. Выпуск 2. – С. 26–39.
3. Дубков Д.А. Инструменты налогового стимулирования инновационной деятельности: экономическая сущность и понятийно-категориальный аппарат / Д.А. Дубков // Аудиторские ведомости. – 2023. – № 4. – С. 185–192. <https://doi.org/10.24412/1727-8058-2023-4-185-192>. EDN: <https://elibrary.ru/UXFQMO>.
4. Титов И.А. Стимулирующая функция налоговой политики как фактор экономического роста в условиях санкционных ограничений / И.А. Титов // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 5. URL: <https://esj.today/PDF/41FAVN524.pdf>.
5. Вякина И.В. Налоговые инвестиционные стимулы: мировой опыт и российская практика / И.В. Вякина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018. Т. 9. – № 4. – С. 618–631. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.4.618-631>.
6. Пинская М.Р. Оценка эффективности инвестиционных налоговых льгот в России / М.Р. Пинская, Ю.А. Стешенко, К.Н. Цаган-Манджиева // Journal of Applied Economic Research. – 2023. Т. 22, № 3. – С. 522–550. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.3.022>.
7. Михайлюк М.Н. Налоговое стимулирование инновационной деятельности: возможности совершенствования / М.Н. Михайлюк // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Том 15. – № 4. – С. 3011–3026. <https://doi.org/10.18334/epp.15.4.122926>.
8. Полежарова Л.В. Налоговое стимулирование научного и технологического развития: опыт зарубежных стран и России / Л.В. Полежарова, Д.М. Волков // Финансовый журнал. – 2025. Т. 17. – № 5. – С. 110–125. <https://doi.org/10.31107/2075199020255110125>.

References

1. Roni Rani Utami, Hamza Muhammad Zilal, Rustam Rinaldi. Analysis of the impact of Intellectual Property Policy on National Economic Growth / *Mezhdunarodnaya konferentsiya po ustoychivomu sotrudничеству в бизнесе, технологиях, информации и инновациях = International Conference on Sustainable Cooperation in Business, Technology, Information and Innovation*, Indonesia, July 27–28, 2023. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-292-7_14.
2. Sazhina M.A., Gavriluk A.V. Intellectual property in the innovative economy: methodological aspects. *Nauchnyye issledovaniya ekonomicheskogo*

fakul'teta. Elektronnyy zhurnal = Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal. 2020. Vol. 12. Issue 2. Pp. 26–39 (in Russ.).

3. Dubkov D.A. Instruments of tax stimulation of innovation activity: economic essence and conceptual and categorical apparatus. *Auditorskiye vedomosti = Auditing statements.* 2023. No. 4. Pp. 185–192. <https://doi.org/10.24412/1727-8058-2023-4-185-192>. EDN: <https://elibrary.ru/UXFQMO> (in Russ.).

4. Titov I. A. Stimulating function of tax policy as a factor of economic growth in the context of sanctions restrictions. *Vestnik evraziyskoy nauki = Bulletin of Eurasian Science.* 2024. Vol. 16. No. s5. URL: <https://esj.today/PDF/41FAVN524.pdf> (in Russ.).

5. Vyakina I. V. Tax investment incentives: world experience and Russian practice. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = MIR (Modernization. Innovation. Development).* 2018. Vol. 9. No. 4. Pp. 618–631. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.4.618-631> (in Russ.).

6. Pinskaya M.R., Steshenko Yu.A., Tsagan-Mandzhieva K.N. Evaluation of the effectiveness of investment tax incentives in Russia. *Journal of Applied Economic Research.* 2023. Vol. 22, No. 3. pp. 522-550. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.3.022> (in Russ.).

7. Mikhailyuk M.N. Tax incentives for innovation: opportunities for improvement. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law.* 2025. Volume 15. No. 4. Pp. 3011–3026. doi: 10.18334/epp.15.4.122926 (in Russ.).

8. Polezharova L. V., Volkov D. M. Tax incentives for scientific and technological development: the experience of foreign countries and Russia. *Финансовый журнал = Financial Journal.* 2025. Vol. 17. № 5. Pp. 110–125. <https://doi.org/10.31107/2075199020255110125> (in Russ.).

Статья поступила 18.12.2025, принята к публикации: 22.12.2025.

© Смирнова В.Р., 2025

Научная статья

УДК 338.2

**Модели платформенных экосистем государственной поддержки
инновационного предпринимательства**

Виктор Степанович Воронов¹,

Егор Игоревич Викторов²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

¹ Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Управления
инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности
SPIN-код: 5511-6417, <https://orcid.org/0000-0002-0655-4413>

voronov.v@rgiis.ru

² Аспирант

SPIN-код: 8524-8688, <https://orcid.org/0009-0009-0548-0473>

cattus2@yandex.ru

Аннотация. Целью работы является формализованное описание предметной области платформенной экосистемы государственной поддержки молодежного предпринимательства, и разработка логико-вероятностных моделей инновационной деятельности ее субъектов. В качестве субъектов платформенной экосистемы в работе рассматриваются: платформа поддержки молодежного предпринимательства; патентное ведомство; малая технологическая компания (стартап, МТК); институциональный инвестор (венчурный фонд); независимый эксперт – технологический брокер; технологический аудитор; эксперт фондового рынка. Варианты действующих моделей экосистемы построены с использованием аппаратов (1) байесовских сетей доверия и (2) байесовских диаграмм влияния. При обучении моделей 2-го типа использованы элементы концепции реальных опционов, позволяющие более наглядно представить возможности количественного анализа результатов управленческих решений менеджеров после запуска проекта в условиях высокой неопределенности, присущей инновационной деятельности. Представленные модели позволяют количественно оценивать

варианты решений, которые на разных этапах реализации проектов дают наибольшую полезность.

Ключевые слова: байесовский подход, инновационное предпринимательство, модель, патент на изобретение, платформенная экосистема, стартап.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Развитие механизмов платформенной и сетевой экономики в Российской Федерации: проблемы и пути решения» (10-Г3-2022).

Для цитирования: Воронов В.С., Викторов Е.И. Модели платформенных экосистем государственной поддержки инновационного предпринимательства // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12).

Original article

Models of platform ecosystems for state support of innovative entrepreneurship

Victor S. Voronov¹

Egor I. Viktorov²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Doctor of Economics, associate professor, professor of the Department of Innovation management and intellectual property commercialization

SPIN-code: 5511-6417, <https://orcid.org/0000-0002-0655-4413>

voronov.v@rgiis.ru

² Postgraduate student

SPIN-code: 8524-8688, <https://orcid.org/0009-0009-0548-0473>

cattus2@yandex.ru

Abstract. The aim of this work is to formally describe the subject area of a platform ecosystem for state support of youth entrepreneurship and to develop logical-probabilistic models of the innovative activities of its entities. The following entities of the platform ecosystem are considered in this work: a youth entrepreneurship support platform; a patent office; a small technology company (startup, STC); an institutional investor (venture fund); an independent expert – a technology broker; a technology auditor; and a stock market expert. Variants of existing ecosystem models are constructed using the apparatuses of (1) Bayesian belief networks and (2) Bayesian influence diagrams. When training Type 2 models,

elements of the real options concept were used, allowing for a more visual representation of the potential for quantitative analysis of the outcomes of managers' management decisions after project launch under the high uncertainty inherent in innovation. These models not only allow for managers to update their beliefs when new evidence becomes available, but also quantitatively evaluate the decision options that yield the greatest benefits at different stages of project implementation.

Key words: bayesian approach, innovative entrepreneurship, model, patent for invention, platform ecosystem, startup.

Funding: The study was conducted as part of the research work "Development of mechanisms of the platform and network economy in the Russian Federation: problems and solutions", in accordance with the State Assignment for the Russian State Academy of Intellectual Property (10-GZ-2022).

For citation: Voronov V.S., Viktorov E.I. Models of platform ecosystems for state support of innovative entrepreneurship // IP: theory and practice. 2025. No. 4 (12).

Введение

Цифровые платформы, обеспечивающие государственную поддержку инновационного предпринимательства, представляют собой онлайн-сервисы, которые связывают стартапы, малые технологические компании (далее – МТК) с внешним миром. Платформы такого типа играют важную роль в инновационных экосистемах, предоставляя возможность молодым предпринимателям показать свои проекты инвесторам, а инвесторам – найти для себя перспективные проекты. На платформах непрерывно накапливается и систематизируется информация о проектах, их основателях, финансовых показателях, текущем состоянии и этапах развития. Это позволяет инвесторам быстро находить интересующие их проекты и оценивать их потенциал. Стартапы, в свою очередь, получают доступ к данным об инвесторах, их предпочтениях и опыте [1].

Ведущей российской платформой подобного типа является Платформа университетского технологического предпринимательства (далее – ПУТП)

Минобрнауки РФ¹, которая объединяет университетские венчурные фонды и стартапы в России. Платформа поддерживает университетские стартапы, которые сумели довести свои проекты до уровня готовности УГТ-5 по российским стандартам технологического трансфера. На платформе можно получить информацию о фондах, их инвестиционных приоритетах и условиях финансирования.

Платформа Российского фонда развития информационных технологий (РФРИТ)² была создана для поддержки проектов в области информационных технологий. Она предоставляет гранты, субсидии и другие виды поддержки для стартапов именно в этой сфере. Платформа способствует развитию ИТ-экосистемы в России, поэтому технологическое направление стартапов должно соответствовать приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, а также официально утвержденному перечню критических технологий Российской Федерации.

Платформа Сбербанка (SberUnity)³ предлагает различные программы поддержки для российских технологических стартапов без ограничения тематики, однако при этом от стартапов требуется наличие MVP (Minimum viable product – минимального жизнеспособного продукта) и образование юридического лица. Таким образом, как и ПУТП (см. выше), платформа фактически требует подтверждения уровня готовности проекта и серьезности намерений продолжать разработку.

Платформы предоставляют различные виды поддержки стартапам, такие как консультации, обучение, организацию вебинаров, мастер-классов, доступ к юридическим и бухгалтерским услугам, ресурсам. Таким образом, платформы способствуют развитию экосистемы стартапов, помогают существенно сократить разрыв между их организационно-финансовыми

¹ Федеральный проект «Платформа университетского технологического предпринимательства» (ФП ПУТП): официальный сайт. URL: <https://univertechpred.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).

² Российский фонд развития информационных технологий (РФРИТ): официальный сайт. URL: <https://rfrit.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).

³ SberUnity – платформа для запуска пилотов и поиска инвестиций: официальный сайт. URL: <https://sberunity.ru/for-startups> (дата обращения: 15.12.2025).

потребностями и готовностью инвесторов предоставлять капитал. Тем не менее единой модели платформы для поддержки молодежного предпринимательства не существует, т.к. каждая из них нацелена на реализацию собственной стратегии.

Работа посвящена созданию формализованного описания предметной области платформенной экосистемы поддержки предпринимательства, и разработке интеллектуальных систем для анализа деятельности ее субъектов с учетом воздействия различных факторов, существенно влияющих на принятие инвестиционных, финансовых и управленческих решений в условиях неопределенности, характерных для инновационной деятельности.

Методы

В работе применен метод логико-вероятностного моделирования на основе байесовского подхода [2]. Вычислительные эксперименты реализованы в программной среде Netica (Norsys)⁴. В структурную модель платформенной экосистемы интегрированы субъекты, которые обычно группируются вокруг платформ венчурного финансирования, тем не менее это не является обязательным условием, поскольку разные типы платформ могут включать множество различных институциональных видов участников.

Основное исследование

Модели платформенных экосистем, построенные на основе байесовских сетей доверия. На платформе поддержки предпринимательства в общем случае могут присутствовать инвесторы разного типа, включая: государственные (суверенные) венчурные фонды; классические частные венчурные фонды; бизнес-ангелов, университетские, корпоративные венчурные фонды и их синдикаты [3]. Если проект стартапа (МТК) был доведен до высокого уровня готовности технологии (УГТ-5 или выше), то размещение акций такой компании на фондовом рынке, как правило, уже

⁴ Norsys Software Corp. URL: <https://norsys.com/netica.html> (дата обращения: 15.12.2025).

состоялось. Инвестор, как опытный участник рынка, обычно имеет хорошее представление о влиянии патентов на инвестиционную привлекательность компании, и о том, как влияет перспектива привлечения венчурного фонда на стоимость акций компании.

Для анализа деятельности субъектов платформенной экосистемы и поддержки решений инвестора была создана БСД [4] из четырех узлов, отображающих следующие случайные переменные:

- патентный портфель – вероятность получения патентов на новую технологию, разработанную стартапом (родительский узел);
- фондовый рынок – состояние фондового рынка, связываемое с общим ожиданием «роста» или «падения» (родительский узел);
- венчурный фонд – вероятность (перспектива) привлечения венчурного фонда для финансирования стартапа;
- цена акции – состояние текущей (рыночной) цены акции исследуемой компании.

После выполнения необходимых процедур машинного обучения в программе-редакторе БСД была построена действующая модель экосистемы, позволяющая проводить вычислительные эксперименты. В частности, на рис. 1 показан один из графических выводов модели, подтверждающий, что получение патентов и благоприятное состояние фондового рынка увеличивает вероятность роста цены акции МТК до 74%.

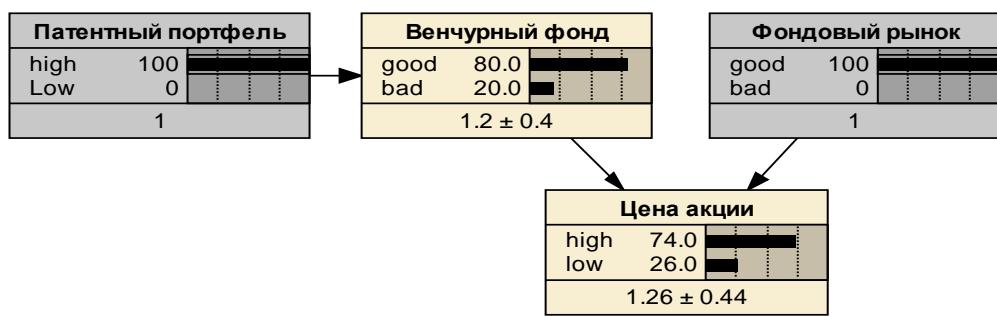

Рис. 1. Вариант вывода при получении патентов и хорошем состоянии фондового рынка (составлено авторами)

Как было отмечено выше, платформы поддержки предпринимательства ставят получение (продолжение) финансирования в зависимость, в том числе, от уровня готовности технологии, зафиксированного по стандартной шкале УГТ [5]. Для того чтобы получить квалифицированное заключение о достигнутом УГТ, стартапу необходимо пройти официальный технологический аудит. В связи с этим исходная модель экосистемы была дополнена узлом состояния УГТ стартапа (рис. 2), а в состав субъектов экосистемы включен независимый технологический аудитор.

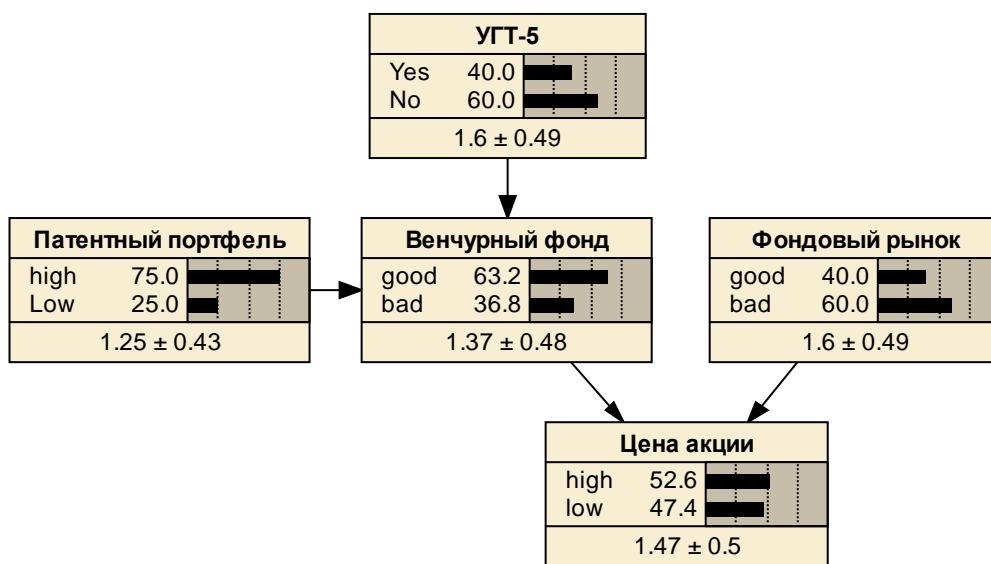

Рис. 2. Модель, дополненная узлом вероятности достижения УГТ-5
(составлено авторами)

Включение каждого нового узла значительно расширяет возможности вычислительных экспериментов с использованием модели, поскольку каждое новое состояние каждой случайной переменной позволяет «перебрать» все сочетания всех остальных переменных.

Инновационная деятельность субъектов платформенных экосистем является труднопредсказуемой по причине воздействия на нее множества факторов неопределенности. С одной стороны, в предложенной модели воздействие внешних факторов обобщенно представлено случайной переменной состояния фондового рынка, которая учитывает ожидания инвесторов. С другой стороны, состояние патентного портфеля стартапа и

уровень готовности технологии, являясь внутренними факторами, опосредованно отображают воздействие внешней среды. Например, случайная переменная состояния патентного портфеля отображает как влияние рынка технологий, к которым относится изобретение стартапа, так и мнение патентного ведомства о новизне этого изобретения. В свою очередь, случайная переменная уровня готовности технологии отображает также и восприятие технологической актуальности новой разработки аудитором.

Последовательное конструирование исходного графа, обоснование логики взаимосвязей случайных переменных и заполнение таблиц безусловных и условных вероятностей позволяет сначала обучить модель, а затем, при необходимости, достраивать ее, расширяя исходную базу знаний и возможности логических выводов.

Модели, построенные на основе байесовских диаграмм влияния. В предыдущей модели был применен аппарат БСД, представляющий совокупность вероятностных причинно-следственных связей между случайными переменными в предметной области задачи. Однако существует более сложный вид байесовских сетей – диаграммы влияния (Influence diagram), которые помимо узлов случайных переменных включают узлы (функции) решений и результатов (затрат) [6].

В нотациях байесовских диаграмм влияния была построена модель процесса принятия решения венчурным фондом о продолжении финансирования инновационного проекта МТК [7]. По условиям задачи фонду предварительно известно, что в ходе реализации проекта была создана новая технология и в патентное ведомство уже подана заявка на изобретение. В связи с этим при принятии решения венчурный фонд должен учитывать, во-первых, выводы независимого эксперта – технологического брокера [8], во-вторых – результаты рассмотрения заявки на изобретение в патентном ведомстве.

Помимо прочего, венчурный фонд должен учитывать, что подача и рассмотрение патентной заявки требует существенных затрат времени и

средств. В целом, по предварительным оценкам фонда, для продолжения финансирования данного проекта потребуется 70 млн руб.

Выводы независимого эксперта являются априорными. Основываясь на собственной информации и опыте работы, он считает, что данный проект:

- с вероятностью 50% может оказаться неудачным, т.к. технология является новой и еще никем не апробирована;
- с вероятностью 30% может принести средний доход на уровне 50 млн руб.;
- с вероятностью 20% может оказаться очень успешным, и принесет доход на уровне 200 млн руб., что покроет все расходы венчурного фонда и позволит получить прибыль.

Полная диаграмма влияния включает:

- узел случайной переменной вероятности успешной реализации проекта (Project success), отражающий гипотезы независимого эксперта (родительский узел);
- узел случайной переменной ожидаемых результатов рассмотрения патентной заявки (Application result);
- узел решений об ожидании результатов рассмотрения патентной заявки (Wait or no);
- узел решений о финансировании проекта венчурным фондом (Support or no);
- узел полезности U1, представляющий возможные затраты на создание РИД и патентование изобретения (Application cost);
- узел полезности U2, представляющий ожидаемые результаты реализации проекта (Project income).

Результатом рассмотрения патентной заявки является решение патентного ведомства. В частности, это решение может:

- оказаться положительным (positive), что повысит шансы на успешную коммерциализацию изобретения;

- содержать запрос дополнительных материалов (delay), что продлит ожидание на неопределенное время;
- оказаться отрицательным (negative) по причине отсутствия новизны в изобретении.

Кроме того, венчурный фонд может с некоторым риском включиться в финансирование проекта, не дожидаясь решения патентного ведомства (nowait), целиком полагаясь на удачу и мнение независимых экспертов.

После завершения всех процедур машинного обучения диаграмма влияния используется как действующая логико-вероятностная модель поддержки решений венчурного фонда (рис. 3).

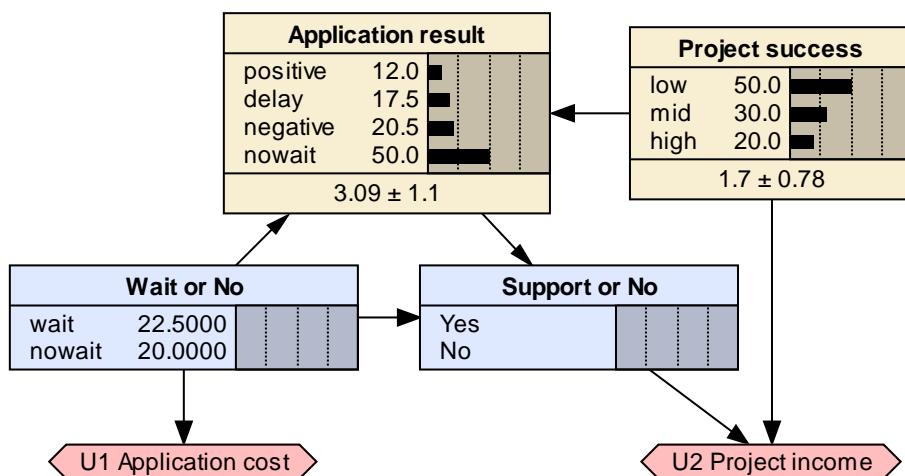

Рис. 3. Графический вывод диаграммы влияния после инициализации модели
(составлено авторами)

В таблице узла решений Support or No первоначально выведены пустые ячейки, т.к. окончательное решение о финансировании проекта принять невозможно, пока не получено решение патентного ведомства. Однако возможные ожидаемые результаты в узле Wait or No уже получены, они выведены в таблицу и говорят о том, что максимального результата можно ожидать только при положительном решении патентного ведомства.

Для подтверждения решения фонда ожидать результаты рассмотрения заявки нужно кликнуть в строке Wait узла решений Wait or No. После этого машина выводит в таблицу решения о финансировании проекта

подтверждение ожидаемой выгодности этого решения при отсутствии других свидетельств, т.е. в условиях полной неопределенности. В частности, в графическом выводе (рис. 4) показано, что выгодность решения фонда ожидать результаты рассмотрения заявки увеличивается более чем в семь раз при вводе свидетельства (positive) о том, что в результате рассмотрения заявки получено положительное решение патентного ведомства о выдаче патента.

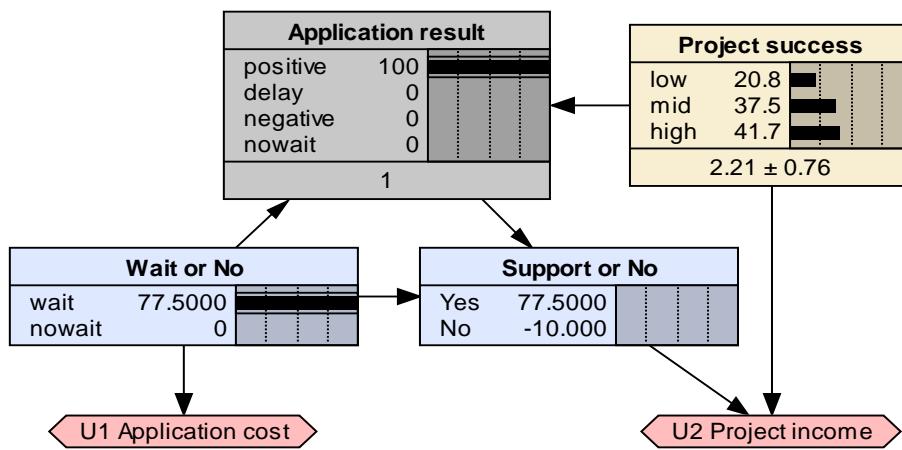

Рис. 4. Поступление положительного сигнала о результате рассмотрения заявки (составлено авторами)

В отличие от обычной БСД, предложенная модель включает узлы, представляющие функции решений, затрат на создание РИД и патентование изобретения, и узел ожидаемых результатов реализации проекта в целом. Апробация на реальных финансовых параметрах проекта показала, что даже в своей минимальной конфигурации предложенная модель позволяет не только обновлять убеждения венчурного фонда при поступлении новых свидетельств, но также дает возможность определять и сравнивать варианты решений, которые дают наибольший ожидаемый финансовый результат. Работа с системой не требует от инвестора наличия навыков программирования на алгоритмических языках высокого уровня, что существенно упрощает ее практическое использование.

Байесовские модели, построенные с использованием концепции реального опциона. Реальные опционы дают дополнительные возможности для оценки управленческих решений в условиях высокой неопределенности

[9, с. 127]. Тем не менее модели инновационных экосистем на основе концепции реальных опционов, построенные с использованием логико-вероятностного (байесовского) подхода ранее не анализировались. В работе [10] предложена модель экосистемы, позволяющая количественно анализировать реальные опционы, исполнение которых обусловлено созданием изобретений и достижением соответствующих уровней готовности технологий на последовательных этапах реализации проекта НИОКР.

На начальном этапе была разработана минимальная однопериодная модель инновационной экосистемы. В такой модели в момент времени $t = 0$ менеджеры приобретают реальный опцион на исполнение или отказ от проекта. Для описания предметной области экосистемы была построена исходная байесовская диаграмма влияния, состоящая из трех узлов: (1) родительского узла случайной переменной вероятности подачи патентной заявки к концу периода; (2) узла решений, представляющего альтернативные варианты инвестиционных решений: начинать проект или ликвидировать компанию; (3) узла полезности, представляющего ожидаемые результаты принятия решений инвесторами и менеджерами стартапа.

Далее модель была расширена для проекта, исполнение которого распределено на два периода. В этом случае в первом периоде стартап планирует подать первую патентную заявку, а во втором периоде – вторую. Таким образом, в двухпериодной модели в момент времени $t = 1$, т.е., после завершения первого периода, менеджеры стартапа приобретают следующий реальный опцион на продолжение проекта с перспективой подачи второй патентной заявки. Задача существенно усложняется тем, что, в отличие от материального продукта, который можно продать, результат интеллектуальной деятельности в конце первого периода может иметь лишь оценочную стоимость, которую можно будет учесть в стоимости конечного результата НИОКР только в случае успешного завершения проекта с уровнем готовности УГТ-9 [11]. Т.е., полная стоимость может быть получена только в том случае, если поданы обе заявки.

Понимание сути реального опциона дает более широкие возможности инвесторам и менеджерам стартапа, которые могут корректировать свои решения по проекту уже после его запуска [9]. Диаграмма влияния для двухпериодной версии модели (см. рис. 5) дополнена: (4) родительским узлом случайной переменной вероятности подачи патентной заявки во втором периоде; (5) узлом решений для второго периода.

Для обучения модели используются экспертные заключения менеджеров стартапа, технологического брокера и технологического аудитора, участие которых предусмотрено в составе субъектов исследуемой экосистемы. Для иллюстрации на рис. 5 представлен один из графических выводов системы, полученный в процессе анализа решения о продолжении конкретного проекта во втором периоде.

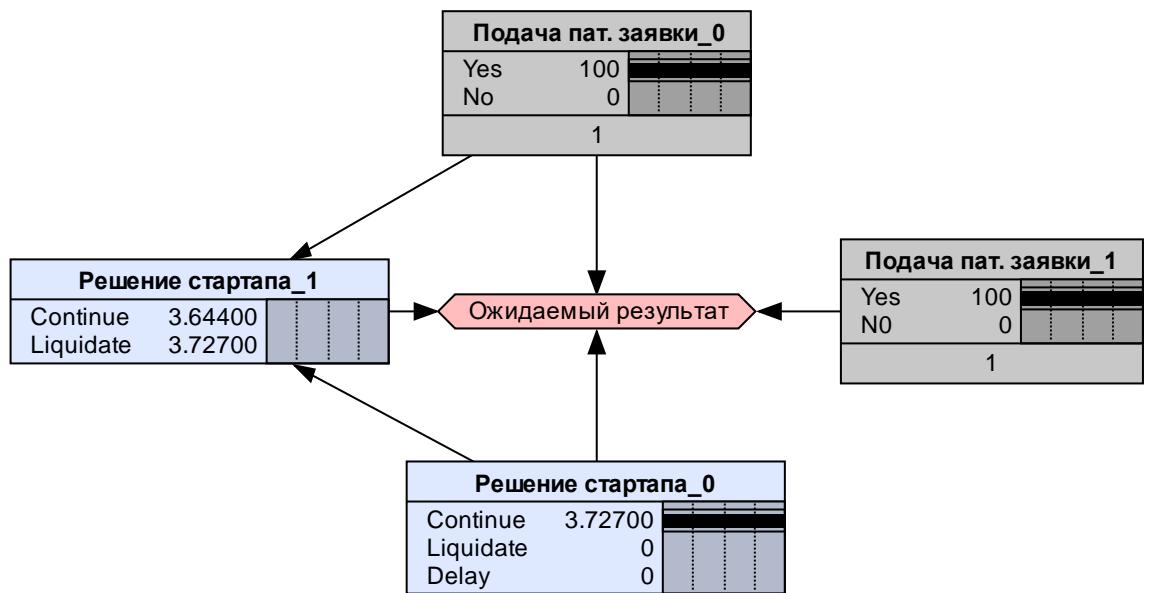

Рис. 5. Графический вывод системы поддержки решений о продолжении проекта во втором периоде в случае успешной подачи патентных заявок
(составлено авторами)

На рис. 5 показано, что в процессе анализа машина выводит в таблицы узлов решений прогнозируемые значения результатов проекта (чистой приведенной стоимости) в денежном выражении (млн руб.), что является существенным преимуществом моделей данного типа. В условиях высокой неопределенности, присущей всем проектам НИОКР, инвесторы и менеджеры

получают очень наглядное представление о возможных вариантах и последствиях своих решений.

Неопределенность в рассмотренной задаче связана, во-первых, со способностями команды стартапа генерировать новые идеи, воплощенные в заявках на изобретения. Во-вторых, с тем, насколько менеджеры стартапа сумеют воспользоваться полученными результатами интеллектуальной деятельности. Например, они могут:

- получить дополнительное финансирование от венчурных фондов, для которых факты подачи патентных заявок очень важны [12];
- привлечь средства на фондовом рынке за счет выпуска акций компании при успешном развитии проекта.

Таким образом, инвесторы и менеджеры получают возможность влиять на формирование денежных потоков проекта, что позволяет улучшать его стоимостные параметры [9, с. 128]. В любом случае предложенная модель позволяет не только обновлять убеждения инвесторов и менеджеров стартапа при поступлении новых свидетельств, но и оценивать варианты решений, которые могли бы дать наибольшую полезность.

Заключение

Платформа университетского технологического предпринимательства входит в федеральный проект «Технологии» и предусматривает комплекс мероприятий по включению представителей российского университетского сообщества в предпринимательскую деятельность. Мероприятия в рамках ПУТП также направлены на активизацию участия образовательных организаций высшего образования в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации. В соответствии с планами развития указанного федерального проекта одной из высших стадий развития технологических компаний должен стать их выход на публичный рынок. В связи с этим планируется создание условий для стимулирования выпуска

и размещения ценных бумаг за счет создания инфраструктуры для pre-IPO технологических компаний, формирования биржевого индекса, реализации акселерационных программ для выхода на публичный рынок и возмещения части затрат компаний на выпуск и размещение ценных бумаг.

Тем не менее не секрет, что риски и неопределенности, присущие инновационной деятельности, существенно затрудняют движение МТК к публичному рынку. Именно по этой причине первая группа моделей на основе БСД, представленная в данной работе, предназначена для оценки влияния вероятностей создания изобретений, достижения уровней готовности технологий, и состояния фондового рынка на стоимость акции МТК. Последовательное конструирование исходного графа, обоснование логики взаимосвязей случайных переменных, и заполнение таблиц безусловных и условных вероятностей позволяет сначала обучить модель, а затем, при необходимости, достраивать ее, расширяя исходную базу знаний и возможности логических выводов. Подробное пошаговое описание всех этапов построения модели позволяет повторить ее в любой программной среде, предназначеннной для работы с байесовскими сетями.

Вторая модель, построенная на основе байесовской диаграммы влияния, позволяет перейти от вероятностных оценок к количественным оценкам результата проекта. В этой части работы показано, каким образом в модели экосистемы учитываются затраты на создание РИД, мнение эксперта-техноброкера, и решение патентного ведомства по заявке МТК на изобретение. Апробация с использованием реальных финансовых параметров проекта показала, что предложенная модель позволяет не только обновлять убеждения венчурного фонда при поступлении новых свидетельств, но также дает возможность определять и сравнивать варианты решений, которые дают наибольший ожидаемый финансовый результат. Работа с системой не требует от инвестора наличия навыков программирования на алгоритмических языках высокого уровня, что существенно упрощает ее практическое использование.

В третьей модели использованы элементы концепции реальных опционов, которые позволяют количественно оценивать решения менеджеров о прекращении или отсрочке реализации текущего проекта, или о создании нового варианта финансирования с учетом ценности патентных заявок, поданных непосредственно в ходе выполнения проекта. Достоинством модели также является возможность учета этапности реализации проектов НИОКР, вероятностей создания изобретений, и степени готовности проектов на различных этапах разработки нового продукта.

Дальнейшее развитие моделей будет связано с развитием самой платформенной экосистемы государственной поддержки МТК. В частности, в Минобрнауки России уже заявили, что вместе с ПУТП в федеральный проект «Технологии» войдут тренинги предпринимательских компетенций, акселерационные программы, грантовая поддержка в рамках конкурса «Студенческий стартап», сеть университетских стартап-студий, а также выстроенная инфраструктура популяризации и система профильной подготовки профессорско-преподавательского состава.

Список источников

1. Хворостяная А.С. Стратегические возможности цифровой платформы для развития промышленной акселерации и венчурных инвестиций / А.С. Хворостяная, И.В. Рождественский, А.В. Филимонов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 3. – С. 38–47. URL: <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-38>.
2. Тулупьев А.Л. Основы теории байесовских сетей / А.Л. Тулупьев, С.И. Николенко, А.В. Сироткин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. – 399 с.
3. Block J.H., Colombo M.G., Cumming D.J., Vismara S. New players in entrepreneurial finance and why they are there // Small Business Economics. – 2018. – № 50 (2). – Р. 239–250. URL: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9826-6>.
4. Чернявский С.В. Байесовские модели инновационной деятельности субъектов платформенных экосистем / Чернявский С.В., Воронов В.С., Викторов Е.И. // Цифровая экономика. – 2025. – № 2(32). – С. 25–32. URL: <https://doi.org/10.34706/DE-2025-02-02>.

5. Сартори А.В. Применение подхода уровней готовности для различных предметных направлений в бережливом НИОКР / А.В. Сартори, А.Р. Гареев, Н.А. Ильина, Н.М. Манцевич // Экономика науки. – 2020. Т. 6. – № 1-2. – С. 118–134. <https://doi.org/10.22394/24W-132X-2020-6-1-2-118-134>.
6. Hansen E.A., Shi J., Kastrantas J. Strategy graphs for influence diagrams // Journal of Artificial Intelligence Research. 2022. Vol. 75. P. 1177–1221. URL: <https://doi.org/10.1613/jair.1.13865>.
7. Воронов В.С., Викторов Е.И. Моделирование системы поддержки финансовых и инвестиционных решений в инновационных экосистемах в условиях высокой неопределенности // Фундаментальные исследования. 2025. № 3. С. 70–76. URL: <https://doi.org/10.17513/fr.43798>.
8. Каширин А.И. Технологический брокеридж – механизм решения научно-технических проблем и задач / Каширин А.И., Баранов Е.А., Каширин П.А., Филимонов А.В. // Инновации. – 2020. – № 8(262). – С. 3–12. URL: <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.262.8.001>.
9. Баранов А.О. Оценка эффективности инновационных проектов с использованием опционного и нечетко-множественного подходов / А.О. Баранов, Е.И. Музыко, В.Н. Павлов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. – 336 с.
10. Воронов В.С. Логика реального опциона в масштабируемой байесовской модели инновационной экосистемы / В.С. Воронов, С.В. Чернявский, Е.И. Викторов, С.Т. Фатуллаев // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 8 (178). – С. 191–203. URL: <https://doi.org/10.26726/rppe2025v8tloar>.
11. Петренева Е.А. Анализ многостадийных инвестиционных проектов как моделей управления / Е.А. Петренева // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 31 (265). – С. 15–26. Elibrary ID: 24004100
12. Ceccagnoli M., Higgins M.J., Kang H.D. Corporate Venture Capital as a Real Option in the Markets for Technology // NBER Working Paper. № 21424. July 2015. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2638975> (дата обращения: 15.12.2025).

References

1. Hvorostyanaya A.S., Rozhdestvenskij I.V., Filimonov A.V. Strategic Opportunities of a Digital Platform for the Development of Industrial Acceleration and Venture Investments. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intelligence. Innovations. Investments.* 2022. No. 3. P. 38–47. URL: <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-38> (in Russ.).

2. Tulup'ev A.L. Osnovy teorii bajesovskih setej / A.L. Tulup'ev, S.I. Nikolenko, A.V. Sirotnik. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2019. 399 p. (in Russ.).
3. Block J.H., Colombo M.G., Cumming D.J., Vismara S. New players in entrepreneurial finance and why they are there. *Small Business Economics*. 2018. No. 50 (2). P. 239–250. URL: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9826-6>.
4. Chernyavskij S.V., Voronov V.S., Viktorov E.I. Bayesian models of innovation activities of platform ecosystem entities. *Cifrovaya ekonomika = Digital Economy*. 2025. No. 2(32). P. 25–32. URL: <https://doi.org/10.34706/DE-2025-02-02> (in Russ.).
5. Sartori A.V., Gareev A.R., Il'ina N.A., Mancevich N.M. Application of the readiness levels approach for different subject areas in lean R&D. *Economics of Science = Ekonomika nauki*. 2020. T.6. No. 1-2. P. 118–134. URL: <https://doi.org/10.22394/24W-132X-2020-6-1-2-118-134> (in Russ.).
6. Hansen E.A., Shi J., Kastrantas J. Strategy graphs for influence diagrams. *Journal of Artificial Intelligence Research*. 2022. Vol. 75. P. 1177–1221. URL: <https://doi.org/10.1613/jair.1.13865> (in Russ.).
7. Voronov V.S., Viktorov E.I. Modeling a support system for financial and investment decisions in innovation ecosystems under conditions of high uncertainty. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2025. No. 3. P. 70–76. URL: <https://doi.org/10.17513/fr.43798> (in Russ.).
8. Kashirin A.I., Baranov E.A., Kashirin P.A., Filimonov A.V. Technological brokerage – a mechanism for solving scientific and technical problems and tasks. *Innovacii = Innovations*. 2020. No. 8(262). P. 3–12. URL: <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.262.8.001> (in Russ.).
9. Baranov A.O., Muzyko E.I., Pavlov V.N. Evaluation of the effectiveness of innovative projects using the option and fuzzy-set approaches. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2018. 336 p. (in Russ.).
10. Voronov V.S., Chernyavskij S.V., Viktorov E.I., Fatullaev S.T. Real Option Logic in a Scalable Bayesian Model of the Innovation Ecosystem *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*. 2025. No. 8 (178). P. 191–203. URL: <https://doi.org/10.26726/rppe2025v8tloar> (in Russ.).
11. Petrenova E.A. Analysis of multi-stage investment projects as management models. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2015. No. 31 (265). P. 15–26. Elibrary ID: 24004100 (in Russ.).

12. Ceccagnoli M., Higgins M.J., Kang H.D. Corporate Venture Capital as a Real Option in the Markets for Technology. *NBER Working Paper*. No. 21424. July 2015. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2638975> (15.12.2025).

Статья поступила 19.12.2025, принята к публикации: 22.12.2025.

© Воронов В.С., Викторов Е.И., 2025
